

А.Д. ГРАЧ

Древние кочевники в центре Азии

А.Д. Грач Древние кочевники в центре Азии.

// М.: Наука, ГРВЛ, 1980. 256 с.

Оглавление

Предисловие. — 3-4

Глава I. Скифская проблема и азиатские степи. — 5-8

Глава II. История исследований. — 9-15

Глава III. Вопросы методики. — 16-21

— Общие поисковые признаки курганных объектов.

— Поиск неграбленных курганов и определение их поисковых признаков.

— Подкурганный мерзлота.

— Применение аэрометодов.

Глава IV. Археологические культуры скифского времени в Туве и Северо-Западной Монголии. Хронология и периодизация. — 22-38

— Алды-бельская культура. — 24-30

— Саглынская культура. — 30-38

Глава V. К характеристике хозяйства древних кочевников. — 39-44

Глава VI. Социальный строй древних кочевников Центральной Азии и синхронных им племён азиатских степей. — 45-61

— Социальные категории древних кочевников азиатских степей по археологическим данным.

— О формах семейных отношений.

— К вопросу о положении женщины у древних кочевников.

— Возрастные подразделения общества.

— Отражение войны и военных отношений в археологических памятниках древних кочевников.

Глава VII. Верования и погребальный ритуал. — 62-76

— Храмы солнца древних кочевников.

— «Огневой» прибор из Саглы и вопросы расшифровки циркульного орнамента.

— К расшифровке семантики антропоморфных женских подвесок.

— Погребальный ритуал (идеологические аспекты).

Глава IX. Наскальные изображения. — 85-91

- Изображения оленей, горных козлов и лосей с поджатыми ногами и сопутствующие им фигуры.
- Изображения горных козлов и маралов в позе внезапной остановки.
- Изображения горного козла в прыжке.
- Изображение крылатого животного.
- Изображения маралов с древовидными рогами.
- Изображения хищников.
- Сцена терзания.
- Триквестры.
- Вопросы расшифровки семантики петроглифов.

Заключение. — 92-96

Библиография. — 97-108

Список сокращений. — 109

Приложение 1. Материалы исследования курганных могильников Саглынской долины, Центральной и Западной Тувы. — 110-131

Приложение 2. Сводные цифровые данные о раскопанных курганных объектах. — 132-136

Указатель археологических и историко-этнографических комплексов. — 137-138

[Иллюстрации. Рис. 1-117. — 139-255]

[Вкладки I-IV]

Вкладка I, 1. Могильник Саглы-Бажи I, группа 2. План комплекса до расчистки.

Вкладка I, 2. Могильник Саглы-Бажи I, группа 2. План комплекса после расчистки.

Вкладка II, 1. Саглынский курган-храм Улуг-Хорум. Генеральный план комплекса.

Вкладка II, 2. Саглынский курган-храм Улуг-Хорум. План до расчистки. План после расчистки.

Вкладка III, 1-2. Синхронистические таблицы I-III.

Вкладка IV, 1-2. Синхронистические таблицы IV-VIII.

Предисловие.

В основу книги положены материалы, добытые в результате многолетних экспедиционных исследований, проводившихся автором в Туве с 1953 г. Экспедиционные маршруты охватили многие горно-степные территории Тувинской АССР. Поиски и раскопки археологических памятников и этнографические исследования велись в Монгун-Тайге и Бай-Тайге, в Сут-Холе и Дзун-Хемчике, в Кара-Холе и Овьуре, в Улуг-Хемском районе, в Танды, в Саянском каньоне Енисея, а также в Монгольской Народной Республике.

Нам довелось исследовать самые разные виды памятников, относящихся к основным эпохам истории Тувы и Центральной Азии в целом — курганные могильники, древние изваяния и эпиграфические памятники, наскальные изображения, древние города, объекты археологической этнографии. Первоначально главной областью исследований была тюркская археология. С начала 60-х годов основной линией изысканий стала разработка проблем археологии скифского времени, а также изучение памятников доскифской поры — курганов монгун-тайгинского типа.

В книге публикуются комплексы скифского времени, открытые и исследованные нами в Туве, затрагиваются вопросы методики поиска и раскопок этих памятников, вопросы образования подкурганной мерзлоты и связанных с нею процессов, применение аэрометодов, рассматриваются собственно исторические и историко-этнографические проблемы — выделение археологических культур скифского типа в Туве и Монголии, характеризуются некоторые особенности древнего кочевого хозяйства, социальный строй древних кочевников азиатских степей, вопросы определения центральноазиатского региона скифо-сибирского искусства, типология, датировка и семантика петроглифов, проблемы верований и погребального ритуала и, наконец, соотношение культур скифского типа Центральной Азии, Сибири, Казахстана и Средней Азии. Разумеется, не все вопросы освещены в этой книге с одинаковой степенью полноты — к разработке ряда проблем автор предполагает вернуться в будущем.

Археология и этнография стали в Туве предметом всенародного интереса, и исследователи, опираясь на всестороннюю помощь населения республики, вносили и вносят свой посильный вклад в дело воссоздания истории древнего края, в дело культурного строительства. Мы глубоко убеждены в том, что в археологических исследованиях заложен большой воспитательный потенциал, и потому из сезона в сезон в составе наших экспедиций получали трудовую и жизненную закалку тувинские школьники, входившие в состав молодёжных трудовых лагерей «Аныяк-Тыва» и «Археолог», организованных Тувинским советом профсоюзов.

Среди многих добрых друзей науки, с которыми нам довелось встречаться за годы экспедиций, особую благодарность хотелось бы выразить людям сурового и благородного труда — тувинским чабанам, в чьих юртах автор всегда находил верную дружбу, сердечность и кровную заинтересованность в познании древней истории родной земли. Партийные органы Тувы, Президиум Верховного Совета и Совет Министров республики неизменно оказывали исследованиям неоценимую помощь. Большую заботу о подготовке этой книги проявили руководство и коллектив Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (ТНИИЯЛИ). Огромную помощь археологическим исследованиям в зоне будущего водохранилища в течение многих лет оказывала дирекция строящейся Саяно-Шушенской ГЭС.

Автор считает своим долгом выразить сердечную признательность всем тем, кто был ря-

(3/4)

дом с ним на путях исследований — в успехе и трудностях, в поисках и в испытаниях: коллективам экспедиций Академии наук СССР (Тувинской комплексной археолого-этнографической Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая и Саяно-Тувинской археологической Института археологии) и экспедиций ТНИИЯЛИ — археологам, этнографам, эпиграфистам, полевым художникам,

реставраторам, фотографам и кинооператорам, шофёрам, летчикам, судоводителям, воспитанникам молодёжных трудовых археологических лагерей — всем тем, чьей волей, трудом и верой в достижение цели был добыт материал, публикуемый и интерпретируемый в этой книге, предлагаемой ныне вниманию читателя.

Глава I. Скифская проблема и азиатские степи.

Скифское время в древней истории народов, населявших пространства Великого евразийского пояса степей, простиравшегося от пределов нынешней Венгрии на западе до Ордоса на востоке, охватывает период с VIII (по мнению ряда исследователей, с VII) по III в. до н.э. Рубежом скифского времени на горно-степных территориях Центральной Азии, Южной Сибири, Казахстана и Средней Азии явился переход от осёдлых пастушеско-земледельческих форм хозяйства к кочевому скотоводству. Этот переход имел исключительные по своему значению последствия. Неизмеримо выросли контакты между этническими группами, обитавшими на значительном удалении друг от друга; одной из наиболее характерных сторон связей между племенами и более крупными этническими объединениями стал регулярный и развитый обмен, сделавшийся возможным в результате быстрого роста поголовья стад и накопления дополнительных масс скота у кочевых племён (общие вопросы происхождения кочевого скотоводства см.: [Грязнов, 1960; Марков, 1973; Марков, 1976; Хазанов, 1973а; Хазанов, 1973в; Вайнштейн, 1973; Артамонов, 1977]).

В историко-археологическом отношении скифское время характерно возникновением и бытованием на территориях Великого пояса степей чётко выраженных комплексов материальной культуры, отличавшихся очень близким сходством и состоявших из оружия, конской сбруи и предметов искусства, выполненных в так называемом скифском зверином стиле, объединившем произведения, составившие одну из наиболее ярких страниц истории древнего искусства на территории СССР и ряда сопредельных стран.

Территории Казахстана, Алтая и Тувы явились в скифское время зоной бытования различных этнических и культурных образований, связанных так или иначе с памятниками майэмирского и пазырыкского круга. На Среднем Енисее возникла тагарская культура. Восстановить основные исторические характеристики отдельных районов центральноазиатско-сибирско-казахстанской зоны стало возможным прежде всего путём изучения археологических материалов, полученных в результате исследований, проводившихся многими поколениями учёных и интенсивно продолжающихся вплоть до настоящего времени.

Наряду с обобщающим и вполне закономерным понятием «скифское время» в советской археологической и этнографической литературе широко применяется понятие, предложенное в своё время М.П. Грязновым: население, оставившее памятники скифского времени, найденные в Южной Сибири и Казахстане, именуется «ранними кочевниками». Имеются все основания для распространения этого понятия и на территории Центральной Азии — Тувы, Монголии, Восточного Туркестана. Применительно к территориям Киргизии и большей части Казахстана эпоха ранних кочевников именуется сакским временем, а применительно к Северному Причерноморью и южнорусским степям, т.е. к территориям расселения собственно скифских племён, — скифо-савроматским временем, на смену которому пришла сарматская эпоха.

Следует, однако, отметить, что понятие «ранние кочевники» не может иметь всеобщего применения, так как в рассматриваемый период на территории ряда этнокультурных зон (например, в тагарскую эпоху на Среднем Енисее) образ жизни населения был осёдлым. Совершенно неоправданным является расширение этого понятия во времени, в частности распространение его на две исторические эпохи скифское и гунно-сарматское время [Черников, 1960, с. 17-21]. Археологически эти периоды

(5/6)

истории кочевников отличаются совершенно чётко. Гунно-сарматское время, хотя и имеет некоторые неизбежные «скифские» реминисценции, характеризуется совершенно специфическими элементами материальной культуры.

В современной археологической и этнографической литературе широкое распространение получило понятие «древние кочевники» (см., например, [Марков, 1976]). Учёные, использующие это понятие, исходят из того, что история кочевников Евразии является частью общесторического процесса и её периодизация должна соотноситься с общей периодизацией всемирной истории. Принимая ёмкое понятие «эпоха древних кочевников», мы считаем обоснованным различать в этой эпохе два исторических периода — скифское время и гунно-сарматское время.

Хотя скифское время в истории Сибири, Казахстана и Центральной Азии принято относить к железному веку, именуя этот период эпохой раннего железа, нельзя не учитывать, что бронза в это время ещё безраздельно господствовала — из неё делалось подавляющее большинство предметов вооружения и орудий труда, а железные изделия ещё только начинали входить в обиход. Специальными исследованиями было установлено, что даже такие тяжёлые работы, как обтёска листовенных брёвен и брусев, из которых сооружались погребальные камеры, велись бронзовыми орудиями, будь то «царские» усыпальницы вождей объединений племён или более скромные камеры-срубы в курганах родовой аристократии.

В 50-е годы под предлогом необходимости «конкретно-исторического» подхода (а по существу, отхода от обобщений к эмпиризму) и борьбы с концепцией М.И. Ростовцева о единой скифской Евразии в нашей археологии допускалось искусственное «расчленение» пояса степей и столь же искусственный отрыв европейской части степной ойкумены от её азиатских регионов. Однако многие выдающиеся исследователи скифской культуры уже тогда справедливо указывали на её единство, на взаимосвязанность истории европейских и азиатских племён. Так, Б.Б. Пиотровский в известном университетском курсе по археологии Закавказья — курсе, по которому училось не одно поколение советских археологов, указывал, что материально выявляемые общие элементы культуры и искусства населения восточноевропейских и азиатских степей скифского времени были обусловлены взаимодействием, широкими связями и взаимным скрещением отдельных племён. Еще в 1949 г. Б.Б. Пиотровский подчеркнул, что «подойти к правильному разрешению скифской проблемы можно, лишь изучая древнее общество VII-VI вв. до н.э. на широкой территории, включая в нее Закавказье и Среднюю Азию» [Пиотровский, 1949б, с. 130].

Общность исторических процессов, протекавших на территории Великого пояса степей Евразии — от Дуная до Енисея, Забайкалья и Монголии, — справедливо подчёркивал выдающийся советский археолог М.И. Артамонов, указывавший при этом, что степи, не разделённые непреодолимыми преградами, облегчали контакты древних народов, населявших эту зону [Артамонов, 1966, с. 9].

Известный исследователь сибирской археологии С.В. Киселёв, завершая характеристику тагарской культуры Среднего Енисея, писал: «Великий пояс степей уже тогда объединил Восточную Европу и Северную Азию единством материальной культуры и художественных идей» [Киселёв, 1951, с. 303].

На необходимость тесного объединения «европейской» и «азиатской» скифологии, на исключительную плодотворность такого объединения обращал внимание С.П. Толстов, который в связи с этим писал: «Скифология у нас развивалась преимущественно в аспекте Восточной Европы. Но на среднеазиатской территории, на территории Сибири, накоплен огромный материал, который требует своего обобщения и изучения в тесном содружестве со специалистами по европейской скифологии. И я не сомневаюсь, что на почве этого объединения специалистов по истории европейской и азиатской Скифии советская наука скифология в широком смысле слова сделает очень значительный рывок вперед и займёт ведущее место в мировой науке» [Толстов, 1963, с. 45]. Новейшие исследования в Центральной Азии, особенно открытие памятников раннескифского времени, оправдали прогноз С.П. Толстова.

Определенные негативные стороны развития нашей скифологии констатировал в свое время А.И. Тереножкин, указывавший, что при разработке проблем предскифского времени и происхождения скифов и сарматов учитываются только местные факторы. А.И. Тереножкин отмечал, что «проблема происхождения собственно скифов должна прежде всего разрабатываться в свете археологических исследований Сибири, Казахстана и Алтая. Все приводит нас к убеждению, что, согласно мнению А.А. Иессена, родину скифов нужно искать в глубинах Азии, а не Европейской части СССР» [Тереножкин, 1961, с. 205].

Итак, скифское время на обширных пространствах Евразии следует рассматривать как поступательное закономерное развитие общества древних кочевников на протяжении единого исторического периода.

Единство исторического процесса, столь ярко отражающееся в археологических комплексах, не исключает,

(6/7)

разумеется, локального многообразия явлений, в том числе и многообразия этнических образований и соответственно многообразия археологических культур и их вариантов. Этот тезис является одним из главных методологических принципов проведенных нами исследований.

Трудность исследования в историческом плане памятников скифского времени в Центральной Азии и Южной Сибири обуславливается, прежде всего, отсутствием каких-либо относящихся к ним письменных источников. Это положение, однако, отнюдь не означает, что археология в сочетании с данными смежных дисциплин не может сделать ряд существенных выводов даже по такой сложной проблеме, какой является проблема социального строя. Очевидна необходимость рассмотрения письменных источников о древних кочевниках, обитавших на западных территориях, хотя и столь удалённых от Центральной Азии, — в первую очередь сообщений Геродота, а также сочинений других античных авторов и данных древневосточных источников. В то же время представляется опасным «фотографическое», буквальное перенесение данных нарративных источников, касающихся западных районов Великого пояса степей, для объяснения исторических явлений, прослеживаемых в восточных пределах огромной культурно-исторической зоны расселения племен скифского времени, в том числе на территории Тувы.

Тува является одной из главных археологических сокровищниц нашей страны: здесь представлены богатейшие скопления памятников всех основных исторических эпох. Особое значение и широкую известность получили исследования курганов и других объектов скифского времени. Открытия в этой области поставили перед исследователями проблемы, значение которых выходит далеко за пределы конкретного историко-культурного региона.

Большая часть Тувы наряду с Монгольской Народной Республикой, Внутренней Монголией, Таримской и Джунгарской впадинами, значительными территориями Забайкалья и Южного Алтая входит в центральноазиатский географический и историко-культурный регион. [1] В Туве, на месте г. Кызыла — столицы Тувинской АССР, расположен географический центр великого материка.

Весьма существенна для нас проблема северных географических границ Центральной Азии и сопредельных с нею территорий Южной Сибири. Эта проблема затрагивается в монографии Н.И. Михайлова, который, в частности, указывает на существование разницы между условным и физико-географическим значением сибирско-центральноазиатской границы. Н.И. Михайлов пишет: «С физико-географической точки зрения эта граница (имеется в виду государственная граница. — А. Г.) не всегда является естественной. Местами области с типичными монгольскими полупустынными и степными ландшафтами оказываются на территории СССР (Юго-Восточный Алтай, Тувинская область, Восточное Забайкалье), но нередко сибирские горно-таёжные ландшафты встречаются и за пределами Советского Союза, в горах Северной Монголии» [Михайлов, 1961, с. 11].

Исследователи единодушно признают хребет Танну-Ола, проходящий вдоль южных границ Тувы, великим водоразделом между бассейнами Ледовитого океана на севере и Индийского океана на юге. С точки зрения факторов чисто географических эта констатация вполне оправданна. В истории же древних народов Центральной Азии и Сибири Танну-Ола не играл роль разделительного барьера — хребет этот легко проходим, перевалы по абсолютным отметкам относительно невысоки. Не случайно поэтому, что хребет Танну-Ола в древности не был этнической границей. Археологические свидетельства на этот счёт совершенно неопровержимы: погребальные комплексы, открытые как по южную сторону Танну-Ола (в том числе в пределах Монголии), так и по северную сторону хребта, идентичны во все основные исторические эпохи древности и средневековья.

Роль Саянского хребта в этом смысле иная. Археологические данные говорят о том, что в различные исторические эпохи Саяны были рубежом, разделявшим зоны распространения разных этносов и соответственно ареалы археологических культур. Об этом убедительно свидетельствуют, например, отличия между тагарскими и алды-бельскими — саглыньскими комплексами, между минусинским

таштыком и погребениями гунно-сарматского времени, представленными в Туве и Монголии, между погребениями центральноазиатских тюрок и енисейских кыргызов.

Многолетние археологические исследования в Туве, Монголии и Забайкалье позволяют нарисовать общую картину распространения в Центральной Азии наиболее характерных для этого региона археологических культур палеометаллических эпох: эпохи бронзы (в том числе памятников монгун-тайгинского типа), скифского времени (культуры плиточных могил, алды-бельская и саглынская), гунно-сарматского времени (улуг-хемская культура, памятники кок-эльского типа и собственно хуннские),

(7/8)

древнетюркского времени (погребения по обряду кремации и ингумации с конём, погребения древних кыргызов). В гунно-сарматское время, на протяжении существования Уйгурского каганата и Монгольской империи в Центральной Азии было значительное число городов, являвшихся средоточием цивилизации осёдлого типа. Носители археологических культур Центральной Азии, в том числе и Тувы, были в разные исторические эпохи тесно связаны с древним населением Сибири и Средней Азии, частыми были миграции населения из Центральной Азии в широтном направлении.

Рассматривая археологические культуры Центральной Азии, мы исходим из того, что археологическая культура — это комплекс, отражающий устойчивую корреляцию типов погребальных сооружений и погребального обряда, поселений, жилищ, производственных объектов с типами предметов материальной и духовной культуры. Этот коррелятивный комплекс объединяется общностью территории и принадлежностью к конкретному историческому периоду.

Следует иметь в виду, что при выведении археологических культур мы неизбежно сталкиваемся с фрагментарностью источников. Например, определяя археологические культуры кочевников (а таких культур в Центральной Азии большинство), невозможно включить в числа признаков реальные жилые комплексы, поскольку следы их пока не зафиксированы. Поэтому здесь производится установление корреляции типовых особенностей погребальных сооружений и погребальной обрядности с типовыми (серийными) комплектами сопроводительного инвентаря.

История народов, населяющих ныне Центральную Азию, своими корнями уходит в глубокую древность. Как и в отдалённые исторические эпохи, Центральная Азия наших дней составляет историко-этнографический регион. Сейчас в этом регионе живут народы ряда языковых групп. Среди них есть тюркские народы — тувинцы, уйгуры, казахи, киргизы, алтайцы и др.; различные подразделения монголов — халхасцы, дэрбэты, олёты, ордосцы, торгоуты, туметы, чахары и др.; буряты; тунгусо-маньчжурские народности — маньчжуры, эвенки, ороченцы.

Сложение современной этнической карты и соответственно внутреннее историко-культурное районирование Центральной Азии являются отражением исторических процессов, протекавших на восточных территориях Великого пояса степей на протяжении тысячелетий — от времён глубокой древности до позднейших исторических эпох.

[1] Доклад, посвящённый этой проблеме, был сделан автором на VI тюркологической конференции (июнь 1973 г.). Изложение основных положений доклада см.: [Гузев и др., 1973, с.133]. Существует и расширительное толкование понятия «Центральная Азия» (см.: [Гафуров, Мирошников, 1976]).

Глава II. История исследований.

Первые сведения об археологических памятниках Центральной Азии стали известны в Европе около 700 лет тому назад — в XIII в., когда из некоторых европейских стран, потрясённых известием об ужасах монгольского нашествия, были отправлены в далёкий и опасный путь путешественники-разведчики.

Пионером путешествий в Центральную Азию явился Плано Карпини. Он не оставил потомкам ни слова о встреченных им памятниках, однако проложил маршрут, по которому вскоре двинулись люди более

разносторонние и наблюдательные. Одним из этих людей был посол французского короля Людовика IX, монах-францисканец Вильгельм (Гийом) Рубрук — энергичный, выносливый и любознательный человек, не только воочию увидевший центральноазиатские курганные памятники-херексуры, но и давший их суммарное описание, опубликованное в его знаменитом отчёте. Об этих памятниках В. Рубрук писал: «Я видел другие погребения в направлении к востоку (т.е. на восток от кыпчакских степей, в пределах Центральной Азии. — *А. Г.*), именно большие площади, вымощенные камнем, одни круглые, другие четырёхугольные, а затем четыре длинных камня, выдвинутых с четырёх сторон мира по эту сторону площади» [Рубрук, 1957, с. 102-103]. Это описание Рубрука впервые сопоставил с памятниками типа херексуров В.В. Бартольд [Бартольд, 1966, с. 381-382]. Можно уверенно утверждать, что В. Рубрук сообщает здесь именно о херексурах, а не о могильниках кочевников в европейских или среднеазиатских пределах пояса степей [Плетнёва, 1962, с. 136; ср.: Фёдоров-Давыдов, 1966, с. 159]. Речь идёт и не о тагарских курганах: маршрут Рубрука проходил значительно южнее Минусинской Котловины, на Среднем Енисее он не был, и следовательно, тагарские курганы видеть не мог (к тому же курганы эти — земляные в каменных оградах, а в тексте идет речь о сооружениях целиком каменных). Итак, в источнике говорится о двух основных и часто сосуществующих типах херексуров. По нашей классификации это курганы монгун-тайгинского типа, относящиеся к варианту МТ-IVa, б, — херексуры, у которых между центральным сооружением и внешней оградой имеется сплошная выкладка из валунов или обломков горных пород [Грач, 1971, с. 95].

Со времени путешествия В. Рубрука прошли столетия, прежде чем были получены новые сведения об археологических памятниках Центральной Азии. На этот раз сообщения исходили от русских землепроходцев XVII-XVIII вв. В 1716 г. в опасный путь вверх по Саянскому каньону Енисея прошла экспедиция во главе с детьми боярскими А. Еремеевым и И. Навиошниковым, которая вышла к устью р. Чаа-Холь и достигла урочища Каравей и буддийского святилища Чурумал-Бурхангы-Хая. В 1726 г. по распоряжению государственного деятеля и дипломата графа С.В. Рагузинского сюда же двинулась экспедиция во главе с Я. Терским. Она снова достигла урочища Каравей, а два землепроходца, казак И. Пойлов и хакас-качинец Т. Сторгулин, были отряжены для «осмотра и проведывания» святилища. В «доезде» (отчёте) о проведённом путешествии, вошедшем в донесение на имя С.В. Рагузинского, читаем: «... против этой пещеры ниже камени (скалы, в которой выдолблена ниша. — *А. Г.*) в самой близости на степи татарское кладбище и многое число могил, и они де Пойлов и Сторгулин взяв из одной пещеры несколько татарского писма целых листов и приехали они с теми писмами к... товарищам своим и поехали они де возврат до Красноярска... И против доезду выше означенного Терского с товарищи о помянутой пещере и в ней сидящему и стоящим болванам

(9/10)

при указательстве означенного Пойлова и Сторгулина в Красноярской канцелярии сочинён рисунок» [Радлов, 1894, с. 77].

Документы экспедиции 1726 г. разыскал в архивах Красноярской канцелярии Г.Ф. Миллер, который и опубликовал их в 1747 г. Затем они были изданы В.В. Радловым, а первым современным исследователем, по достоинству оценившим работу И. Пойлова и Т. Сторгулина, явился Л.Р. Кызласов [Кызласов, 1965, с. 53-54].

Рисунок, выполненный после возвращения экспедиции Я. Терского, представляет исключительный интерес. На нём обозначен Енисей (с направлением течения) и впадающая в него р. Чаа-Холь. Скала с буддийской нишей повернута «к зрителю» — на 45° от действительного положения. Сама буддийская ниша изображена, конечно, более чем условно, однако сохранившаяся доселе тропка в скале, ведущая к святилищу, показана совершенно правильно. На левобережье Енисея чётко обозначены каменные курганы со стелами по углам ограждения (у двух курганов число стел по 4, у одного — 6). Рядом с курганами видны задернованные бугры. Просмотр рисунка не оставляет сомнения в том, что на нем изображены курганы монгун-тайгинского типа могильника Урбюн I, действительно находящиеся «ниже камня» (по течению Чаа-Холя), в степи и совсем рядом со святилищем-могильником, раскапывавшимся Саяно-Тувинской археологической экспедицией ИА АН СССР в 1965 г., т.е. спустя 248 лет после того, как их впервые обследовали два отважных землепроходца (неподалеку находится и исследовавшийся в том же году могильник скифского времени Урбюн III). И. Пойлов и Т. Сторгулин были, таким образом, первыми путешественниками, зафиксировавшими курганные памятники Тувы.

Экспедиции в Туву русских землепроходцев первой половины XVIII в. проходили в исключительно трудных условиях, и каждая из них была подвигом, требовавшим максимальных физических и нравственных усилий. Нелегко даже представить себе, что перенесли эти люди, преодолевавшие могучее течение Енисея в Саянском каньоне великой реки, ведь передвижение бечевой там невозможно, и путешественники шли на шестах.

Очевидно, что в XVIII в. интерес к древностям Центральной Азии был стимулирован находками из сопредельных территорий Сибири, и в особенности составлением знаменитой золотой коллекции Петра I, которая поступила в первый русский музей — Кунсткамеру, а ныне находятся среди сокровищ Особой кладовой Эрмитажа [Спицын, 1906; Руденко, 1962б; Галанина, Грач, Торнеус, 1967; Завитухина, 1977, с. 41-51].

Первым исследователем XIX в., которому довелось обследовать и зафиксировать археологические памятники Центральной Азии, расположенные на территории Монголии, был Г.Н. Потанин. В 1876-1877 гг. экспедиция Г.Н. Потанина посетила Северо-Западную Монголию — районы Кобдо, Баркуля, Улясутая, бассейн оз. Убса-Нур, отроги Танну-Ола; в 1879-1880 гг. Г.Н. Потанин работал в зоне Танну-Ола (экспедиция побывала и в Туве). Г.Н. Потанин поместил в своих трудах описание археологических памятников, среди которых были и памятники скифского времени, в частности оленные камни. Дата этих памятников Г.Н. Потаниным определена не была, однако вопросами семантики оленных камней он занимался [Потанин, 1881, с. 47-76, табл. I-XVIII].

Новым стимулом к исследованию археологических памятников Центральной Азии явился монгольский маршрут Н.М. Ядринцева и открытие им в 1889 г. в долине р. Орхон стел с древнетюркскими и китайскими текстами [Ядринцев, 1892, с. 377]. Уже в 1890 г. в Монголию отправилась экспедиция В.В. Радлова, участники которой зафиксировали помимо тюркских памятников объекты скифского времени — плиточные могилы и оленные камни [Радлов, 1892, 1896].

Первые широкие археологические разведки на территории Тувы были предприняты в 1881 г. А.В. Адриановым — видным дореволюционным археологом-сибиреведом. В результате проделанных им маршрутов был собран значительный материал, характеризовавший различные категории археологических памятников [Адрианов, 1886]. Много позднее, в 1915-1916 гг., А.В. Адрианов провёл в Туве и раскопки на территории Пий-Хемского района (материалы раскопок хранятся в Томском государственном университете).

В 1906-1909 гг. в пределах Северо-Западной Монголии побывал финский исследователь И.Г. Грёно, нашедший у подножия Хангайского хребта херексуры монгун-тайгинского типа и оленные камни [Grano, 1910].

В 1910-1911 гг. путешествие в Туву и Северо-Западную Монголию совершил английский исследователь Д. Каррутерс [Каррутерс, 1914]. Главную цель экспедиции Каррутерса составляли географические обследования, однако по ходу путешествия им были собраны некоторые сведения о встреченных археологических памятниках. Д. Каррутерс увидел, в частности, археологические памятники Саглынской долины и отметил отличие курганов Тувы от тех, которые он встречал в Минусинской кот-

(10/11)

ловине. Однако его сообщения носили дилетантский характер, он не привёл никаких данных о локализации и группировке встреченных им памятников, и Саглынская долина ещё полстолетия оставалась, по существу, белым пятном на археологической карте.

В 1914 г. Туву посетил представитель Переселенческого управления С.Р. Минцлов. В числе прочих памятников им были обследованы и камеры-срубы скифского времени. Не указывая, как правило, местонахождения раскопанных им объектов, С.Р. Минцлов дал их краткое описание: «Глубина могил от 6 до 9 аршин. На дне во всех находились закрытые плахами с неснятой корой, квадратные (от 2 на два аршина) срубы из совершенно размякшей и сгнившей лиственницы, а в них, головами на юг, лежали на боку и в согнутом положении скелеты; в некоторых могилах, лицом друг к другу, лежало по два скелета; медные вещи, наконечники стрел, кинжалы и проч. находились у черепов и притом настолько близко от них, что челюсти оказывались окрашены зеленой окисью». В одном из погребений (на сей раз

местонахождение указано раскопщиком — окрестности д. Знаменка) был найден амулет — клык кабарги с проделанным в нём отверстием для подвешивания [Минцлов, 1916, с. 294-295].

Первой археологической экспедицией, исследовавшей памятники Тувы после победы народной революции, явилась экспедиция выдающегося советского археолога С.А. Теплоухова, работавшего на территории республики в течение трёх полевых сезонов (1926, 1927, 1929 гг.). [1] Среди раскопанных экспедицией С.А. Теплоухова 160 объектов видное место заняли памятники скифского времени: было исследовано 18 погребений с камерами-срубам (саглынская культура), а также 7 впускных погребений улуг-хемской культуры, относящихся к начальному этапу гунно-сарматского времени. С.А. Теплоухов был первым, кто сделал вывод первостепенного исторического значения о родстве тувинских объектов с алтайскими и монгольскими и отличии их от минусинских.

Почти одновременно развернулись и новые исследования памятников древних кочевников в Монголии. В 1925 г. здесь провёл изыскания видный исследователь скифской культуры Г.И. Боровка. Его маршрут прошёл по долине р. Тола, где наряду с другими памятниками были зафиксированы скопления плиточных могил и оленные камни, впервые определены петроглифы скифского времени [Боровка, 1927, с. 43-88, табл. I-X].

Зоолог А.Н. Формозов, совершивший экспедиционную поездку в Монгольскую Народную Республику в 1926 г., обнаружил херексуры с кольцевым и квадратным ограждением на окраинах Северной Гоби. В книге А.Н. Формозова, снабжённой автором превосходными рисунками, воспроизводится курган монгун-тайгинского типа, подквадратной в плане формы, с наземным сооружением из камней и земли и со стелами по углам (вариант МТ-III) [Формозов А. Н., 1928, с. 45].

Археологические памятники центральноазиатских типов нашли прямое отражение в живописных произведениях русского художника, путешественника и философа Н.К. Рериха (1874-1947). Так, на широко известной картине «Меч Гэсэра» [2] на камне показаны изображения, характерные для оленных камней Монголии, Забайкалья и Тувы. На картине «Скалы Лахула» [3] центральное место на переднем плане занимает скала, испещрённая петроглифами, изображающими горных козлов, и рядами человеческих фигур в ритуальных позах, здесь же — сцены охоты. Ещё на одной картине — «Гуннская могила» [4] — изображено характерное погребение — плиточная могила.

На картине «Страж пустыни» изображено древнетюркское каменное изваяние VII-VIII вв. н.э. с сосудом в правой руке, левая рука — на рукояти подвешенного к поясу кинжала, изображены камни-балбалы [Рерих, 1970, репродукция 33].

В начале 40-х годов нашего столетия работу по учёту и охране археологических памятников Тувы начал проводить Тувинский республиканский музей. Первым руководителем организованной музеем специальной экспедиции стал командированный из Москвы научный сотрудник Н.М. Богатырёв. В 1941 г. экспедиция работала в Пий-Хемском хошуне, в 1942 г. —

(11/12)

в Барун-Хемчикском хошуне [Богатырёв, 1942, с. 97-104; Богатырёв, 1959]. В 1943-1945 гг. обследование памятников возглавил Д.Б. Данзын-оол. В составе тогдашней экспедиции музея не было ни одного специалиста-археолога, поэтому не были выделены хронологические группы обследованных памятников, в том числе и курганных могильников скифского времени, проводилось только их описание. Однако первая экспедиция Тувинского музея сделала большое и доброе дело, в высокой степени способствуя привлечению внимания аратов и хошунных организаций к охране памятников истории Тувы. Об этом свидетельствуют экспонаты, доставленные в музей аратами, об этом говорят их письма, в которых сообщались сведения о памятниках, об этом же свидетельствует, например, постановление, принятое в 1942 г. Барун-Хемчикским хошунным комитетом Тувинской Народно-Революционной партии (ТНРП) и Президиумом хошунного хурала депутатов трудящихся, в котором, в частности, говорилось о необходимости «взять под особое наблюдение курганы, старинные могилы, пещеры, каменные изваяния, каменные стелы, наскальные изображения, старые места металлообработки, остатки хуре и других построек» (документ, с небольшими уточнениями перевода, касающимися археологических терминов, воспроизводится по Н. Богатырёву [Богатырёв, 1959]).

В 40-50-е годы к проблемам Центральной Азии обратился С.В. Киселёв. Хотя главное внимание С.В. Киселёва привлекала проблема древней городской цивилизации, он уделит внимание и вопросам центральноазиатской археологии раннего железного века, а также эпохи бронзы [Киселёв, 1947б, с. 306-361]. Экспедицией С.В. Киселёва были проведены раскопки плиточных могил в районе аржана Худжирт.

Исключительно важный вклад в дело археологического изучения Центральной Азии был внесён А.П. Окладниковым и археологами его школы — советскими и монгольскими. А.П. Окладников и его ученики активно исследовали не только памятники древнейшей истории человечества, но и объекты позднейших исторических эпох, в том числе эпохи древних кочевников. Многие сделано советскими и монгольскими археологами для исследования культуры плиточных могил, носители которой расселились на территории Монголии и Забайкалья — восточнее ареала алды-бельской и саглынской культур Тувы и Северо-Западной Монголии.

Первая сводная работа, посвящённая археологии Монголии эпохи бронзы и раннего железного века, принадлежит советскому исследователю В.В. Волкову, который в течение многих полевых сезонов изучал плиточные могилы и оленные камни Монголии и систематизировал материалы, собранные в Центральном Государственном музее в Улан-Баторе, в аймачных и сумонных музеях. В.В. Волков раскопал аналогичные тувинским погребения монгун-тайгинского типа в Убса-Нурском и Кобдосском аймаках [Волков, 1967]. Совместно с монгольскими археологами В.В. Волков провёл раскопки могильника в Улангоме, содержащего первые в Северо-Западной Монголии погребения саглынской и улуг-хемской культур [Волков, Новгородова, 1973, с. 498-499; Волков, Новгородова, 1974, с. 535-536; Волков, Новгородова, 1975, с. 557-558; Цэвэндорж, 1974, с. 26-27].

В 1968 г. по приглашению Академии наук МНР автор этой книги совершил поездку в Монголию и вместе с В.А. Рановым и Д. Навааном проводил обследование археологических памятников и позднейших объектов на территории Ара-Хангайского, Увэр-Хангайского и Центрального аймаков МНР. В 1957, 1958 и 1961 гг. мне довелось ознакомиться с памятниками Увс-Нурского аймака.

Большое значение в деле археологического изучения Тувы, и в частности памятников скифского времени, имело маршрутное исследование, проведенное в 1947 г. Саяно-Алтайской экспедицией ИИМК и ГИМ под руководством Л.А. Евтюховой и С.В. Киселёва [Евтюхова, Киселёв, 1949, с. 120-127; Мошинская, Смирнов, 1949, с. 138]. Основываясь только на материалах разведок, Л.А. Евтюхова и С.В. Киселёв пришли к выводам принципиального характера, согласующимся с заключением С.А. Теплоухова: «В результате исследований в Тувинской автономной области уже теперь, до раскопок, стало очевидным, что по своему внешнему виду надмогильные сооружения Тувы резко отличны от таких же памятников Минусинской котловины. В то же время все виды надмогильных сооружений Тувы чрезвычайно сходны с алтайскими. Это большие каменные курганы пазырыцкого типа и четырёхугольные оградки с вереницами камней и каменными изваяниями». Далее Л.А. Евтюхова и С.В. Киселёв указали на сходство оленных камней Монголии и Забайкалья с аналогичными памятниками Тувы и заключили, что «для углубления исследования древней истории Тувы и для выяснения взаимосвязей между сопредельными территориями необходимы планомерные археологические раскопки, до сих пор там ещё не проводившиеся» [Евтюхова, Киселёв, 1949, с. 126].

Памятники скифского времени Тувы активно исследовались археологическими экспедици-

(12/13)

ями Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. С 1953 г. начал свои работы в этой области археологии С.И. Вайнштейн, руководивший сначала экспедицией Тувинского республиканского музея им. 60-ти богатырей, а затем возглавлявший в течение ряда полевых сезонов экспедицию ТНИИЯЛИ [Вайнштейн, 1955, с. 78-102; Вайнштейн, 1956, с. 33-35; Вайнштейн, 1958, с. 217-218, 222-223, 230-232]. В 1960-1974 и 1976-1978 гг. во главе различных археологических экспедиций ТНИИЯЛИ стоял М.Х. Маннай-оол. Эти работы, проводившиеся в разных районах Тувы — в Сут-Холе, Дзун-Хемчике, Улуг-Хеме, Пий-Хеме, Танды, Овюре, — доставили весьма ценные материалы [Маннай-оол, 1964в, с. 278-284; Маннай-оол, 1968а, с. 322-324; Маннай-оол, 1968б, с. 144-145; Маннай-оол, 1969, с. 200-203].

В 1951 и 1955 гг. С.И. Вайнштейном было начато археологическое и этнографическое обследование Тоджинского района, в ходе которого были найдены и памятники древних кочевников [Вайнштейн, 1956, с. 33-35, рис. 1; Вайнштейн, 1961, с. 12-15, рис. 6]. В 1969 г. работы на северо-востоке Тувы были продолжены Тоджинским отрядом ИА АН СССР, причём обследовались и памятники скифского времени [Дэвлет, Ельцов, 1970, с. 193-194; Дэвлет, 1970, с. 249; Дэвлет, Студзицкая, 1971, с. 188-189; Дэвлет, 1971, с. 255-262, рис. 5-8; Дэвлет, 1972, с. 290; Дэвлет, 1973а, с. 211-212; Дэвлет, 1973б, с. 212, 215, рис. 3; Дэвлет, 1974, с. 202; Дэвлет, 1975а, с. 122-123; Дэвлет, 1975б, с. 119-127].

Заслуженное внимание советской и мировой исторической науки привлекли раскопки царского кургана Аржан, проведённые экспедицией ТНИИЯЛИ в 1971-1974 гг. под руководством М.П. Грязнова и М.Х. Маннай-оола. Уникальный комплекс Аржана дал материал для новой постановки ряда узловых вопросов скифской археологии [Грязнов, Маннай-оол, 1972а, с. 243-246; Грязнов, Маннай-оол, 1972б, с. 5-6; Грязнов, Маннай-оол, 1972в, с. 420-421; Грязнов, Маннай-оол, 1973, с. 207-208; Грязнов, Маннай-оол, 1974а, с. 191-206; Грязнов, Маннай-оол, 1974б, с. 192-195; Грязнов, Маннай-оол, 1975а, с. 185-198; Грязнов, Маннай-оол, 1975б, с. 196-198].

Интенсивные работы на территории Тувы в 1955-1960 и 1962 гг. провела археологическая экспедиция МГУ под руководством Л.Р. Кызласова. Много было сделано для изучения древних горных выработок Тувы Я.И. Сунчугашевым [Сунчугашев, 1969].

В 1953 и 1955 гг. нами в составе Тувинского отряда Института этнографии АН СССР были проведены разведывательные археолого-этнографические маршруты на территории западных районов Тувы: Монгун-Тайга, Бай-Тайга, Овюр, Барун-Хемчик, Дзун-Хемчик. Многие из этих территорий представляли собою к тому времени белые пятна на археологической карте. Эти работы, в результате которых были зафиксированы могильники, наскальные изображения разных исторических эпох, оленные камни и древнетюркские изваяния, позволили создать должную базу для планирования работ комплексной стационарной экспедиции [Грач, 1954, с. 155-156; Грач, 1955а, с. 19-33; Грач, 1955б, с. 401-431; Грач, 1956, с. 385-428; Грач, 1957, с. 339-384; Грач, 1958а; Грач, 1958б, с. 151-158].

В 1957 г. начала полевые исследования Тувинская комплексная археолого-этнографическая экспедиция ИЭ АН СССР (ТКЭАН, начальник экспедиции и руководитель этнографического отряда проф. Л.П. Потапов, зам. начальника экспедиции по научной части и руководитель археологического отряда А.Д. Грач). Наряду с памятниками гунно-сарматского и древнетюркского времени, а также погребениями XVIII-XX вв. ТКЭАН интенсивно исследовала могильники скифского времени и погребения монгун-тайгинского типа. Эти памятники изучались в Западной Туве — в Монгун-Тайге (1957-1958, А.Д. Грач), Кара-Холе (1958, А.Д. Грач), Бай-Тайге (1959, С.И. Вайнштейн, А.Д. Грач), Сут-Холе (1959, С.И. Вайнштейн, А.Д. Грач), Овьуре (1960- 1962, А.Д. Грач). Ценные комплексы были раскопаны С.И. Вайнштейном в пределах могильника Кок-Эль (раннесаглыньские погребения) и могильника Озен-Ала-Белиг, материалы которого дали С.И. Вайнштейну основу для выделения впоследствии озен-ала-белигского этапа. (Об археологических исследованиях памятников древней истории, проведённых ТКЭАН, см.: [Потапов, Грач, 1958, с. 6-9; Потапов, 1966, с. 8-12; Потапов, 1970, с. 3-6; Грач, 1958а, с. 153-158; Грач, 1958б, с. 18-34; Грач, 1960а, с. 7-72; Грач, 1960б, с. 73-150; Грач, 1961; Грач, 1966а, с. 81-107; Грач, Нечаева, 1960, с. 185-192; Вайнштейн, Дьяконова, 1960, с. 192-203; Вайнштейн, Дьяконова, 1966, с. 185-291; Вайнштейн, 1966а, с. 143-184; Вайнштейн, 1966б, с. 292-347; Вайнштейн, 1970а, с. 8-79; Вайнштейн, 1970б, с. 210-283; Нечаева, 1966, с. 108-142; Дьяконова, 1970а, с. 80-209; Дьяконова, 1970б, с. 210-238].

Особое значение имели проведенные ТКЭАН раскопки могильника Саглы-Бажи II в высокогорной Саглынской долине — на границе котловины Больших озёр Монголии [Грач, 1963, с. 41-43; Грач, 1967г, с. 215-233]. Этот могильник содержал совершенно неповрежден-

(13/14)

ные погребения в камерах-срубках, ряд из которых оказался скован подкурганной мерзлотой. Могильник Саглы-Бажи II явился первым целиком неповрежденным могильником среди всех известных к тому времени памятников Саяно-Алтайской зоны. Это обусловило эталонный характер могильника Саглы-Бажи II — сопоставление комплексов этого могильника с объектами, разграбленными в древности, позволило расшифровать до тех пор неясные черты многочисленных находок скифского времени.

Результаты исследования могильника Саглы-Бажи II получили отклик в специальной литературе [Потапов, 1970, с. 4; Маннай-оол, 1964, с. 16; Артамонов, 1973, с. 83; Вайнштейн, 1974, с. 20-21, 23-26; Яценко, 1977, с. 103]. Экспонаты из курганов Саглы-Бажи II заняли достойное место в экспозиции Эрмитажа [Баркова, Завитухина, 1974, с. 77-78; Баркова, 1976, стр. 64-67], они неоднократно экспонировались на международных выставках — в США, Японии, Франции, Болгарии, Венгрии, Польше, Чехословакии, Югославии, Италии, Англии (см., например: [From the Lands of the Scythians, 1975, рис. 26, в каталоге — с. 124, рис. 159; Or de Scythes, 1975, рис. 181, в каталоге — с. 192-193, рис. 179-182; Galanina, Barkova, 1976, с. 46-47; Скифское искусство, 1976, рис. 129; Злато скита, 1977, рис. 125; L'Oro degli sciti, 1977, рис. 60; Frozen Tombs..., 1978, с. 77-78, рис. 101-102]). Памятники культуры из всех других исследованных нами могильников скифского времени поступили в Тувинский республиканский музей им. 60-ти богатырей.

Новый этап в археологических исследованиях Тувы открыла Саяно-Тувинская экспедиция ИА АН СССР (СТЭАН), созданная в 1965 г. под руководством автора этой книги для всестороннего исследования памятников древней истории Центральной Азии, расположенных в зоне будущего водохранилища Саяно-Шушенской ГЭС в Центральной Туве и Саянском каньоне Енисея (о зоне см.: [Матвеев, Коробченко, 1976, с. 64-66]). Развёртыванию работ СТЭАН предшествовали проведенные нами в 1962 г. рекогносцировочные работы, целью которых было составление археологической карты зоны водохранилища в Центральной Туве и составление программы и плана работ экспедиции. В основу единого перспективного плана работ СТЭАН нами был положен принцип пропорционального и комплексного изучения всех основных эпох истории Центральной Азии — каменного века, эпохи бронзы, скифского времени, гунно-сарматского времени, древнетюркского времени, памятников II тысячелетия н.э. — вплоть до памятников позднейших тувинцев. Принцип этот неуклонно соблюдался наряду с сосредоточением исследовательских усилий СТЭАН на преодолении имеющихся лакун и нерешенных проблем.

Памятники скифского времени интенсивно исследовались несколькими полевыми отрядами СТЭАН. 1-й отряд (руководитель А.Д. Грач) наряду с другими исследованиями вёл раскопки памятников алды-бельской культуры на могильниках Алды-Бель I (1967-1968), Куйлуг-Хем I (1966-1968), Хемчик-Бом III и V (1970-1971) и курганов саглынской культуры на могильниках Улуг-Оймак I и II (1965), Куйлуг-Хем I и III (1966-1968), Хемчик-Бом I и IV (1969-1970), Саглы-Бажи IV и VI (1968-1969). Отряд изучил петроглифы на Куйлуг-Хеме, Чинге и Мугур-Сарголе и провел широкую разведку Саянского каньона Енисея, где в числе прочих памятников были открыты могильники алды-бельской культуры. В Саглынской долине был исследован огромный курган Улуг-Хорум — храм солнца древних кочевников [Грач, 1966б, с. 6-10; Грач, 1966 г., с. 22-23; Грач, 1966д, с. 30-31; Грач, 1967а, с. 124-125; Грач, 1967б, с. 131-133; Грач, 1967в, с. 78-80; Грач, 1968а, с. 30-32; Грач, 1968б, с. 170-173; Грач, 1969а, с. 186-187; Грач, 1970, с. 170-180; Грач, Трифонов, Длужневская, Самбу, 1971, с. 180-182; Грач, 1971, с. 96-99; Грач, Длужневская, 1972, с. 237-238; Грач, 1972в, с. 13-15; Грач, 1973а, с. 199-201].

2-й отряд (руководитель А.М. Мандельштам) в течение ряда лет проводил работы на могильнике Аймырлыг (с 1968 г.) [Мандельштам, 1970, с. 183-184; Мандельштам, 1971а, с. 264-268; Мандельштам, 1971б, с. 217; Мандельштам, 1972, с. 280-281; Мандельштам, 1973, с. 228; Мандельштам, 1974, с. 219-220; Мандельштам, 1975, с. 211].

3-й отряд (руководитель С.Н. Астахов) принимал участие в исследовании отдельных памятников скифского времени.

4-й отряд (руководители Д.Г. Савинов, И.У. Самбу) в 1965 г. вёл раскопки на могильнике Урбюн III [Савинов, 1966, с. 27-28], а затем на могильниках Орта-Хем I-III (1967-1969), Темир-Суг I и II (1970), Чинге I и II (1971-1975) [Самбу, 1968, с. 173; Самбу, 1969, с. 191; Самбу, 1970, с. 182-183; Грач, Трифонов, Длужневская, Самбу, 1971, с. 182; Самбу, Шевенко, 1972, с. 241-242; Самбу, 1973, с. 237; Самбу, 1975, с. 231].

5-й отряд (руководитель Ю.И. Трифонов) в 1967 г. работал на могильнике Аргалыкты VIII [Трифонов, 1968, с. 174].

6-й отряд (руководитель М.Х. Маннай-оол) провёл в 1965 г. раскопки могильника Ховужук [Маннай-оол, 1966, с. 31-32].

Все эти работы дали большой и во многом принципиально новый материал по археологии Тувы скифского времени.

В 1975 г. работы в Саглы были продолжены археологической экспедицией ТНИИЯЛИ и увенчались открытием новых неграбленных курганов на могильниках Дужерлиг-Ховузу I, Саглы-Бажи I, Даган-Тэли I [Грач, 1976, с. 228-230].

В 1975-1976 гг. нами было продолжено исследование петроглифов Улуг-Хемского района Тувы (Енисейская экспедиция ТНИИЯЛИ) [Грач, 1977, с. 196-197].

В 1977-1978 гг. Балгазынская археологическая экспедиция ТНИИЯЛИ развернула свои исследования в зоне строительства крупной оросительной системы в Тандинском районе Тувы — в степи Мажалык-Ховузу. Была раскопана новая серия курганов с камерами-срубами саглынской культуры V-III вв. до н.э. [Грач, 1978, с. 220-221; Грач, 1979а; Грач, 1979д, с. 218]. [\[5\]](#)

Важное значение для разработки сложных проблем археологии скифского времени Тувы и Алтая имеют исследования памятников древних кочевников, проведенные Саяно-Алтайским отрядом ЛГУ под руководством Д.Г. Савинова, которому удалось обнаружить не только непотревоженные курганы пазырыкского типа, но и первые неграбленные памятники саглынской культуры на Алтае [Савинов, 1972а, с. 286-287; Савинов, 1972б, с. 46; Савинов, 1973, с. 235-236; Савинов, 1974, с. 220-221].

Краткий обзор экспедиционных исследований памятников древних кочевников Центральной Азии показывает, что усилиями ряда поколений учёных был получен огромный материал, требующий разработки и осмысления. В то же время очевидно, что на археологической карте Центральной Азии ещё очень много белых пятен и наблюдается явная неравномерность в изучении отдельных территорий. Следует пожелать, чтобы в недалёком будущем поток материала (в особенности материала из слабо изученных районов) начал заполнять имеющиеся лакуны.

[\[1\]](#) Коллекции из этих раскопок хранятся в Отделе истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа (колл. 4566, 4548, 4576, 4610, 4660, 4661, 4991, 5127, 5130, 5131), отчёты и дневниковые записи — в архиве Государственного музея этнографии народов СССР (Ленинград). Материалы из раскопанных С.А. Теплоуховым курганов скифского времени опубликованы (см.: [В.Н. Полторацкая, 1966, с. 76-102]). Коллекции из раскопок С.А. Теплоухова неоднократно прорабатывались исследователями, занимавшимися археологией Тувы, — Г.П. Сосновским, Л.Р. Кызласовым, М.Х. Маннай-оолом, С.И. Вайнштейном, Н.Л. Членовой и автором этой книги.

[\[2\]](#) Собрание Государственной Третьяковской галереи (1932, темпера, холст). Памятник обнаружен экспедицией Н.К. Рериха в урочище Карга в Тибете (см.: [Рерих, 1970, репродукция 27]).

[\[3\]](#) Собрание Государственного Русского музея (1935-1936, темпера, холст, инв. № Ж-7106).

[\[4\]](#) Собрание Государственного Русского музея (1935-1936, темпера, картон, инв. № Ж-7152).

[\[5\]](#) Материалы Балгазынской экспедиции были получены уже после сдачи этой книги в издательство и не могли быть представлены в публикационной части. Однако по мере возможности они учтены в соответствующих разделах.

Глава III. Вопросы методики.

[Общие поисковые признаки курганных объектов.](#)

[Поиск неграбленных курганов и определение их поисковых признаков.](#)

ОБЩИЕ ПОИСКОВЫЕ ПРИЗНАКИ КУРГАННЫХ ОБЪЕКТОВ [^](#)

Проблема выделения поисковых признаков, или, иначе говоря, определения характера памятников до раскопок, является одной из наиболее важных в полевой археологии. Установление поисковых признаков для памятников разных типов и хронологических групп особенно важно в ходе определения главных задач намечающихся раскопок, поскольку без выведения конкретных поисковых признаков планирование исследовательских направлений практически невозможно. Сказанное в полной мере относится к исследованию курганных могильников Тувы и других территорий Центральной Азии и Южной Сибири.

Комплекс поисковых признаков курганов соответствующих типов и хронологических групп должен дать информацию по следующим основным аспектам:

- 1) хронологическая и культурная принадлежность памятников, которая определяется на основании прослеживающихся на поверхности элементов конструкции наземных сооружений;
- 2) сведения о качественном характере памятников — данные о его непотревоженности или, напротив, о его потревоженности в древности или в позднейшие эпохи. Естественно, что предварительное определение непотревоженности того или иного погребального памятника составляет одну из наиболее сложных задач;
- 3) характеристика географических и ландшафтных зон, обычно избиравшихся в древности для устройства погребальных комплексов, а также топография — расположение и ориентировка погребальных сооружений в пределах конкретного могильника.

Применительно к территории Тувы первый и третий аспекты комплекса поисковых признаков установлены для памятников многих типов и исторических эпох: для курганов монгун-тайгинского типа, для памятников алды-бельской и саглынской культур, для погребальных сооружений гунно-сарматского времени — памятников улуг-хемской культуры, собственно хуннских сооружений, памятников кок-эльского типа, для погребений и поминальных памятников древнетюркского времени, для курганов эпохи кыргызской экспансии в Центральную Азию, для тувинских погребений XVII-XX вв.

Поисковые признаки курганов скифского времени Тувы и сопредельных с нею территорий Монголии выявлены с достаточной определённой.

1. Курганы алды-бельской культуры представляют собою каменные сооружения округло-подовальной формы, в большинстве случаев парные (в редких случаях — строенные), примыкающие друг к другу. Наличествуют крепиды, составленные из более крупных камней, которые вполне удовлетворительно «читаются» до раскопок среди камней, составляющих сооружение, и камней развала. Алды-бельские парные курганы в известных случаях содержат до 19 одиночных погребений. Признаком местоположения погребений часто являются имеющиеся на поверхности алды-бельских курганов кусты караганника, корни которых в большинстве случаев уходят в заполнение могильных ям и заполнение каменных ящиков и срубов.

2. Курганы саглынской культуры имеют центральные каменно-земляные наземные сооружения округлой формы без крепид и внешние ограждения чаще всего подчетырёхугольной (ориентация сторонами по странам света или на СВ, СЗ, ЮВ, ЮЗ), реже округлой в плане формы. В середине наземного сооружения всегда прослеживается западина, расположенная над лежащей в глубине камерой-

срубом. Саглынские курганы Тувы всегда отличаются сильной степенью задернованности.

ПОИСК НЕГРАБЛЕННЫХ КУРГАНОВ И ОПРЕДЕЛЕНИЕ ИХ ПОИСКОВЫХ ПРИЗНАКОВ [^](#)

Как известно, все без исключения курганы с камерами-срубами скифского времени, исследованные в Туве С.А. Теплоуховым, оказались разграбленными. В древности были разграблены и курганы скифского времени, раскопанные в своё время на территории соседнего с Тувой Алтая, в том числе курганы в долине Пазырык. Деятельность грабителей в большинстве случаев носила не только хищнический, но и разрушительный характер. Поэтому главным итогом разрушения погребений надо считать не столько то, что из курганов исчезли ценнейшие вещи, сколько то, что были безвозвратно нарушены комплексы.

Раскопки С.И. Вайнштейна на плато Казылган, в ходе которых были обнаружены 3 неразграбленных кургана с камерами-срубами (группа А, курганы А-6, А-17, группа В, курган В-3 [Вайнштейн, 1955, с. 80-87, 93-95, рис. 2-5, 8]), просигнализировали о возможности обнаружения в будущем серий непотревоженных погребений.

В 1960-1963 гг. нами был разработан и применён в ходе полевых работ комплекс поисковых признаков, позволявших ещё до раскопок выявить и определить непотревоженные курганы скифского времени.

Разработка поисковых признаков неграбленных комплексов базировалась на выявлении особенностей образования западин над камерами-срубами — характера оседания наземных сооружений, заполнения могильных ям и просадки деревянных перекрытий камер в мерзлотных и безмерзлотных условиях. При этом непременно учитывался такой важный элемент конструкции погребальных сооружений памятников II (средней) социальной категории носителей саглынской археологической культуры, как диспропорция масштабов подземных и наземных погребальных сооружений — явное несоответствие относительно крупных масштабов подземных сооружений и скромных размеров сооружений наземных.

Принципиальное значение имели в своё время раскопки кургана I могильника Саглы-Бажи II (по полевому шифру — курган Ов-60-18). Памятник этот не только явился первым в последовавшей затем серии неграбленных комплексов, но и позволил проверить экспериментальным путём предварительные суждения о времени, конструкции и состоянии (потревоженность или непотревоженность) курганов с камерами-срубами.

Обследование памятника до раскопок привело нас к следующим заключениям: 1) западина в центральной части кургана не является следствием ограбления, так как имеет строго подчетырёхугольную форму без каких-либо следов неравномерных понижений; 2) незадернованность западины в сравнении с задернованностью пол кургана свидетельствует, что западина образовалась на месте единовременного провала, создавшего естественный перерыв в задерновке каменного панциря наземного сооружения; 3) глубина западины и её размеры в сочетании с подквадратной формой свидетельствуют о наличии под ней сруба, потолок которого осел на пол камеры; 4) наличие сруба подквадратной формы позволяет предположить в намеченном к раскопкам объекте памятник скифского времени.

Раскопки кургана подтвердили обоснованность исходных предположений и позволили перейти к постановке более широкой исследовательской задачи — к определению других неграбленных памятников скифского времени в данном микрорайоне. Хотя курган I могильника Саглы-Бажи II относился к пазырыкской культуре, поисковые признаки, выведенные при его исследовании, были применены при предварительном определении курганов саглынской культуры — закономерности проседания камер-срубов оказались в общем сходными.

Обобщение данных, накопленных в итоге исследования всех раскопанных в 1960-1962 гг. неграбленных курганов скифского времени в Саглынской долине, привело к тому, что комплекс внешних поисковых признаков получил и цифровые выражения, выведенные из сочетания данных нивелировочных отметок. Нивелирование всех раскопанных курганов велось стандартно по двум основным осям — север-юг и запад-восток. Точка 0 бралась от подножия каждого кургана, т. е. практически от уровня современной дневной поверхности; далее нивелировка велась с интервалом 1 м.

Рассмотрение нивелирных отметок показало наличие некоторых закономерностей.

1. Нивелирные отметки, попадающие на площадь западины (полы, естественно, дают повышение), демонстрируют равномерное цифровое выражение с предельной разницей не более 0,15 м.

2. В пределах площади западин всех курганов с глубокими камерами-срубами, которые оказались скованы мерзлотой, нивелирные отметки в западной (северо-западной) части несколько выше по отношению к реперу, нежели отметки в восточной (юго-восточной) части.

(17/18)

В тех случаях, когда перекрытие камеры осело на пол (курганы 1, 4, 23 могильника Саглы-Бажи II, курган I могильника Кюзленги I), глубина западины соответствует в целом высоте погребальной камеры.

3. У восточных (северо-восточных) краёв западин часто выступают камни, которые нередко принимаются исследователями за шлейфы грабительских выбросов. Между тем это не выбросы, а окончания заполнений подхоронительных ходов, расположенные выше уровня задерновки западин по той причине, что камни, естественно, дают меньшую осадку, нежели галечно-щебенчатое заполнение могильных ям.

Применение изложенных поисковых признаков оказалось продуктивным: в 1960-1962 гг. был раскопан полностью неповрежденный в древности могильник Саглы-Бажи II, в 1961 г. — «контрольный» курган у подножия возвышенности Кюзленги, в 1968-1969 гг. — неграбленные курганы на могильниках Саглы-Бажи IV, VI; в 1975 г. новая серия неграбленных курганов была открыта на могильниках Даган-Тэли I и Дужерлиг-Ховузу I.

ПОДКУРГАННАЯ МЕРЗЛОТА [^]

Раскопки курганов пазырыкского типа, проведенные В.В. Радловым на Алтае в 1865 г., открыли совершенно новое по своему значению явление — подкурганную мерзлоту. Уже тогда, более ста лет назад, стали очевидны важные для археологов факторы, связанные с подкурганной мерзлотой и в полной мере проявившиеся при позднейших крупных раскопках. Первый из них состоит в том, что мерзлота превосходно сохраняет предметы древнего погребального инвентаря из органических материалов — дерева, кожи, тканей, которые при иных условиях могли бы бесследно исчезнуть. Раскопки курганов в Пазырыке, Шибэ, Берели на Алтае и в Саглынской и Уюкской долинах Тувы со всей очевидностью продемонстрировали и другой фактор, связанный с мерзлотой: особую тяжесть археологических работ, ставящую перед исследователем обширный круг специфических вопросов, к решению которых надо быть готовым. Изучение объектов, скованных мерзлотой, привело археологов к необходимости выработки новых, не применяющихся в обычных условиях, методов расчистки и фиксации погребений.

На Алтае основным и определяющим фактором образования подкурганной мерзлоты было наличие крупных наземных сооружений из камня, явившихся своего рода теплоизоляторами. В больших пазырыкских курганах Алтая образование мерзлоты проходило в две фазы: первая — до ограбления, вторая — после ограбления камер [Руденко, 1953, с. 21; Баранов, 1953, с. 269-278].

При исследовании особенностей образования льда в камерах саглынских курганов Тувы была зафиксирована совершенно иная картина — мерзлота здесь образовалась без наземного теплоизолятора. Образование мерзлоты в курганах долины Саглы определялось прежде всего характером климатических условий саглынского микрорайона. Суровый климат этой высокогорной долины обусловил то, что влага, проникавшая в результате выпадения осадков весной, летом и осенью в засыпку могильных ям и внутрь камер, замерзала в зимний период и не оттаивала летом, которое, как указывалось, бывает в Саглынской долине чаще всего холодным. Особую роль в проникновении осадков внутрь погребальных камер играло наличие подхоронительных ходов.

Необходимо учитывать и еще один фактор — наличие в Саглынской долине мощной естественной мерзлоты, которая отсутствует в долине Пазырык на Алтае (о мерзлотных образованиях в Туве см.: [Шац, 1975]).

Превращаясь в лёд, вода увеличивается в объёме примерно на 0,1. Давление, которое она оказывает на «вмещающую» породу, доходит до 140 кг на 1 кв. см [Дайсон, 1966, с. 130]. Ситуация образования мерзлоты в саглыньских усыпальницах была такова, что увеличение объема влаги, превращавшейся в лёд, не привело к сколько-нибудь заметной деформации камер и к смещению костяков и инвентаря. В то же время заполнение камер льдом способствовало тому, что степень давления на них засыпи могильных ям была минимальной ввиду мерзлотного «сопротивления» изнутри.

Можно предполагать, что первоначально, когда срубы постепенно заполнялись влагой, проникавшей туда через засыпку могильных ям и подхоронительные ходы, слой мерзлоты, зафиксированный в засыпке ям и залегающий в среднем на глубине 1,5 м, ещё не сформировался. Слой этот сформировался тогда, когда влага полностью заполнила срубы и превратилась в лёд.

В отличие от больших алтайских курганов, где образование мерзлоты проходило в две фазы, ледяная масса в не потревоженных саглыньских усыпальницах прошла лишь одну фазу образования — именно поэтому лёд в саглыньских камерах имел столь монолитный вид. Лёд, заполнивший камеры-срубы в Саглы, был голубоватого цвета и был пронизан сверху донизу сериями продолговатых пузырьков. Комплексное исследование камер-срубов в Саглы неопро-

(18/19)

вержимо свидетельствует, что лёд заполнил погребальные камеры уже тогда, когда разложение трупов в основном завершилось.

Наличие мерзлоты в саглыньских усыпальницах скифского времени поставило ряд сложных проблем техники раскопок и исследования камер-срубов.

Для оттаивания льда была использована мелко истолчённая каменная соль. Применение соли дало возможность оставлять все предметы в первоначальном положении до полного оттаивания и расчистки всего комплекса той или иной камеры и позволило во всех случаях, в том числе и в особо сложных, фиксировать находки с необходимой тщательностью. В ходе работ мы пришли к выводу, что соль никоим образом не влияет отрицательно на состояние находок из легко разрушающихся материалов.

Проблему особой важности составляет совокупность вопросов изучения биологической среды, «закупоренной» мерзлотой в погребальных камерах скифского времени, в особенности вопрос о жизнеспособности микроорганизмов, замороженных в погребальных камерах. Опыты по оживлению микроорганизмов, многие тысячелетия пробывших в буграх природной мерзлоты, в своё время проводились и дали положительные результаты [Каптерев, 1936, с. 1073-1088].

Резкий запах тления, отмеченный при раскопках погребений в мерзлоте как на Алтае, так и в Туве, свидетельствует о расторможении каких-то химических или биологических процессов в ходе оттаивания срубов. М.И. Сумгиным было указано, что «резкий кислотный запах» отмечался в третьем талом (деятельном) слое колонки, взятой в Берёзове, причем здесь «происходят химические или биологические процессы, которые и обуславливают такие состояния этих слоёв». Далее М.И. Сумгин указывал: «При раскопке мерзлых торфяных бугров также часто отмечается резкий кислотный запах, это, несомненно, свидетельствует о некоторых химических или биологических процессах в этих буграх. Вопрос этот не изучен, но заслуживает самого серьезного внимания» [Сумгин, Качурин, Толстухин, Тумель, 1940, с. 125]. Данная параллель не может быть недооценена при реконструкции мерзлотного режима саглыньских усыпальниц. Биологические процессы, в особенности процесс разложения трупов и другой органики, проходивший в сравнительно тесных пределах погребальных камер, очевидно, и определил образование второго деятельного слоя, располагавшегося между первым слоем мерзлоты в засыпке могильных ям и перекрытиями камер-срубов.

В 1975 г. были впервые взяты пробы с целью «оживления» древнего микромира. Взятие проб проводилось при раскопках экспедицией ТНИИЯЛИ курганов на могильнике Даган-Тэли I,

лабораторные исследования были проведены микробиологами Санэпидслужбы Тувинской АССР. В результате этих исследований удалось выявить три культуры из рода: 1) *Nitrobacter*; 2) *Bucillus*; 3) *Pseudomonas*. Патогенных культур и других микробов из группы особо опасных инфекций выделено не было.

ПРИМЕНЕНИЕ АЭРОМЕТОДОВ [^]

По мере расширения масштабов археологических исследований в Туве мы пришли к выводу о настоящей необходимости применения аэрометодов. В связи с этим был внимательно учтён опыт советской и мировой воздушной археологии.

Известно, что высокая результативность применения авиации в археологических исследованиях обуславливается тем, что любой археологический объект, будь то городище, курганный либо грунтовый могильник или другой археологический комплекс, являясь продуктом деятельности человека, имеет очертания искусственного происхождения, как правило отличающиеся от очертаний объектов природного происхождения. Демаскирующие особенности нарушенного некогда растительно-почвенного покрова позволяют выделить с воздуха объекты, практически неразличимые с земли.

В ходе работ по археологической разведке памятников зоны водохранилища Саяно-Шушенской ГЭС в Центральной Туве, проводившихся в 1962 г., нами были использованы дешифрованные в сельскохозяйственном варианте листы плановой аэрофотосъёмки. На этих листах при дешифровке были отмечены многие скопления могильных комплексов зоны затопления и прилегающих территорий — могильники на Даштыг-Шоле и Часкале, у подножия хребта Аргалыкты, на плато Аймырлыг (левобережье р. Чаа-Холь), в урочище Каравей, на правом берегу Енисея — на Темир-Суге, Куйлуг-Хеме и Орта-Хеме. Данные аэрофотосъёмки, сочетаемые с данными наземной разведки, оказали нам весьма существенную помощь, позволили провести работу по составлению исследовательской программы Саяно-Тувинской археологической экспедиции эффективно и в самые сжатые сроки. Составленная нами карта памятников зоны водохранилища Саяно-Шушенской ГЭС в Центральной Туве была разбита на секторы площадью 25 кв. км, каждый из которых соответствовал листу плановой аэрофотосъёмки, а секторы — на квадраты площадью 1 кв. км (этот опыт картографирования памятников был воспринят и успешно

(19/20)

применен киргизскими археологами при составлении археологической карты зоны будущего водохранилища Токтогульской ГЭС, где работы выполнялись Кетмень-Тюбинской экспедицией Института истории АН Киргизской ССР).

В 1965 г., когда развернулись работы Саяно-Тувинской археологической экспедиции АН СССР, мы приступили к отработке методики аэровизуальных и аэрофотосъёмочных работ с применением вертолета Ми-1А. Выбор вертолета был продиктован не только природными условиями зоны работ, но и рядом его несомненных преимуществ по сравнению с самолётами, ранее применявшимися в археологии. Одним из таких преимуществ является то, что самолёты не могут летать на скоростях менее 80-100 км/час, в то время как вертолёт способен облететь исследуемый или фотографируемый объект на минимальной скорости (режим висения над объектом предусматривает практически нулевую скорость) и на малой высоте.

При проведении полетов мы имели возможность констатировать, что в природных и метеорологических условиях Центральной Азии и смежных территорий Южной Сибири наиболее благоприятен для осуществления аэровизуальных и аэросъёмочных работ период, охватывающий конец лета — начало осени (август-сентябрь). Краски в это время наиболее интенсивны, растительность подсыхает, объекты выделяются на поверхности наиболее четко. В пределах светового дня наиболее благоприятное для аэросъёмки время — от 15 до 18 часов, когда наличествует «косой свет», а цветность наиболее интенсивна. Могут быть использованы также и утренние часы.

При выполнении аэровизуальных и аэрофотосъёмочных полетов в зоне работ Саяно-Тувинской археологической экспедиции АН СССР в жаркую погоду мы столкнулись с явлениями значительной турбулентности атмосферы в слоях, близких к земле. Несмотря на разницу географических районов, это

явление в общем аналогично тому, которое было отмечено при авиаархеологических работах в пустынях Ближнего Востока и связано с наличием миражей, искажающих ход лучей. Явления турбулентности в сочетании с песчаной дымкой могут создать некоторые искажения цвета при фотографировании памятников, поэтому прохладная погода для полётов предпочтительна.

В ходе выполнения полетов была отработана высотная шкала проведения аэровизуальных исследований и аэрофотосъёмки археологических памятников (шкала эта одинакова для обоих видов работ). Диапазоны высотной шкалы определяются, во-первых, характером и масштабами объектов, во-вторых, характером исследовательской задачи (рассмотрение общей картины памятников или отдельных деталей).

Аэровизуальные работы и аэрофотосъёмка производились нами с высоты от 20 до 2000 м.

Установлено, что для обследования и фотографирования с воздуха курганных объектов всех типов, представленных в зоне наших работ, наиболее предпочтительны высоты от 20-40 м (детали) до 100 м (общие виды). Фиксация и изучение могильников в их взаимном соотношении на широких площадях и географических закономерностей их размещения требуют больших высот полета — от 250 до 2000 м.

Наиболее предпочтительный угол наклона летательного аппарата при перспективном фотографировании памятников 30°, что не противоречит нормативному требованию, допускающему этот угол при развороте под объектом [Руководство по лётной эксплуатации и пилотированию, 1963, с. 14].

Применение вертолётного позволило нам обнаружить курганные могильники и другие памятники в местах, совершенно недоступных для автотранспорта и труднодоступных вообще. С вертолётного было начато изучение памятников Саянского каньона Енисея и Хемчикского каньона, где наличие археологических объектов ранее вообще не предполагалось и места эти считались необитаемыми в древности.

Авиагруппой СТЭАН во время полётов выявлены в Саянском каньоне Енисея могильники Чинге I и II (правобережье Енисея у места впадения р. Чинге), Хемчик-Бом I-V (у места впадения Хемчика в Енисей), могильники Хемчикского каньона (низовья Хемчика). Могильники центральноазиатских типов (каменные курганы) открыты с вертолётного на участках Саянской трубы, расположенных в глубине каньона ниже шивер Сарыг-Хая и Кургол — в урочищах Казынныг и Большие Уры, а ниже Староверского порога — на Кулевуюке и на Керемикском займище. Обнаружение этих комплексов является открытием принципиального порядка, так как иллюстрирует инфильтрацию центральноазиатских племён в глубины Саянского хребта.

В пределах Центральной Тувы с воздуха обнаружены многочисленные неизвестные ранее могильники. К числу таких памятников относится могильник Алды-Бель I, включающий комплексы VII-VI вв. до н. э. Курганы данного могильника явились первыми в археологии Центральной Азии представительными комплексами раннего периода скифского времени, и именно здесь были заложены перспективные основы дальнейшего изучения этих памятников. На Алды-Беле были открыты и древнекыргызские курганы с трупосожжением,

(20/21)

а также стелы с енисейскими надписями, главная из которых составлена от имени кыргызского сонунa (военачальника) Бери.

Неизвестные ранее курганные могильники были открыты в глубине Куйлуг-Хемского ущелья, на плато, обрамляющих выход в Улуг-Хемскую котловину ущелья р. Орта-Хем, на террасах правобережья Енисея от Темир-Суга до Ховужука. В Эйлигхемской долине были открыты новые памятники кыргызского времени (курганы типа обнаруженных в этой же долине на могильнике Эйлиг-Хем I).

Все имеющиеся типы курганных объектов читаются с воздуха неизмеримо чётче, чем с земли. Так, на объектах всех вариантов монгун-тайгинского типа выделяются крепиды и ограды, плиты перекрытия погребений. На курганах скифского времени исключительно чётко прослеживаются западины центральных сооружений, ограды и другие детали.

Использование вертолѐта позволило нам более широко и представительно уяснить экологический фон расположения различных категорий археологических памятников, закономерности их размещения в конкретных географических условиях, соотношение различных по хронологии объектов. Аэрометоды дали возможность перейти от узкотактического к обобщѐнному взгляду на сочетание памятников.

Глава IV. Археологические культуры скифского времени в Туве и Северо-Западной Монголии. Хронология и периодизация.

Алды-бельская культура. — 24-30

Саглынская культура. — 30-38

Узловым вопросом археологии скифского времени Тувы и прилегающих к ней территорий Северо-Западной Монголии является вопрос о том, принадлежат ли памятники этой важнейшей эпохи к одной археологической культуре — от раннескифского времени до конца этого исторического периода, или они распадаются на разные историко-культурные группы. От решения этого вопроса зависят многие исторические интерпретации и обобщения.

Исключительное значение имеет также вопрос о хронологии конкретных культурно-исторических групп памятников. Не менее важна и проблема соотношения памятников скифского времени Тувы и сопредельных территорий Монголии с синхронными памятниками Южной Сибири — Минусинской котловины и Алтая.

Первым исследователем, который попытался определить культурную принадлежность археологических памятников скифского времени, открытых к югу от Саян, был С.А. Теплоухов. Именно С.А. Теплоуховым был впервые поставлен вопрос о взаимоотношении памятников Тувы с памятниками Алтая, Минусинской котловины и Монголии. Отнеся раскопанные им памятники к одной культуре (кстати, все раскопанные им курганы скифского времени относятся к V-III вв. до н.э. и действительно монокультурны), С.А. Теплоухов впервые установил резкое отличие тувинских объектов от памятников Минусинской котловины, сходство тувинских и алтайских объектов (С.А. Теплоухов предполагал даже, что «они принадлежат, по-видимому, одной народности») и, наконец, отметил вхождение древнего населения Тувы в общую орбиту истории Центральной Азии [Теплоухов, 1929, с. 193-194].

Датировку памятников скифского времени Тувы С.А. Теплоухов разработать не успел и ограничился констатацией того, что это «памятники, относящиеся к эпохе, предшествовавшей так называемому великому переселению народов» [Теплоухов, 1929, с. 193].

Материалы из раскопок курганов скифского времени в Туве, полученные в 10-20-е годы, были изучены Г.П. Сосновским. В его архиве, хранящемся ныне в ЛОИА, представлены многочисленные выписки, прорисовки чертежей, зарисовки и фотографии предметов — результат изучения им материалов исследований А.В. Адрианова и С.А. Теплоухова (Архив ЛОИА, ф. 42, ед. хр. 147-154, 312, 339). Маленькая таблица, составленная Г.П. Сосновским, по-видимому, для публикации в подготавливавшемся ИИМК АН СССР макете тома «Истории СССР с древнейших времѐн», включала немногочисленный инвентарь (тип погребальных сооружений не был отражѐн) и подразделяла все памятники скифского времени на три этапа по алтайской терминологии М.П. Грязнова — майѐмирский, пазырыкский и шибинский (Архив ЛОИА, ф. 42, ед. хр. 150, л. 2).

В материалах Г.П. Сосновского имеются наметки общей классификации археологических памятников Тувы от каменного века до «недавних погребений». Особый раздел составляют памятники «скифо-сарматские» (терминология Г.П. Сосновского), которые автор наметок разделил на три типа: земляные курганы (V-III вв. до н.э., малые и большие), земляные курганы с примесью камня (последние века до н.э.) и «керексуры» (начало н.э.) (Архив ЛОИА, ф. 42, ед. хр. 148, л. 3; ср.: ф. 42, д. 147, л. 6). Видимо, Г.П. Сосновский своевременно понял необоснованность подобного разделения, и эти наметки не нашли

(22/23)

отражения в тексте, опубликованном в макете «Истории СССР».

Вслед за С.А. Теплоуховым Г.П. Сосновский решительно констатировал отличие тувинских курганов скифского времени от минусинских и подчеркнул сходство тувинских курганов с алтайскими пазырыкскими [История СССР, 1939, с. 420-421]. О заключении С.А. Теплоухова Г.П. Сосновский, несомненно, знал: в его бумагах хранится отпечаток отчетной информации С.А. Теплоухова, опубликованной в 1929 г. и выше нами цитированной, причем на отпечатке имеются собственноручные пометки Г.П. Сосновского, здесь же и выписки, сделанные им из этой опубликованной информации (Архив ЛОИА, ф. 42, ед. хр. 148, л. 30-33).

Шли годы, и справедливые констатации С.А. Теплоухова, касающиеся взаимоотношений памятников Тувы и сопредельных с нею территорий Южной Сибири, оказались, по существу, забытыми. Только в результате широких разведывательных работ, проведенных в Туве экспедицией ИИМК-ГИМ под руководством Л.А. Евтюховой и С.В. Киселёва, был вновь подтверждён и с тех пор занял прочное место в публикациях о Туве тезис о родстве Тувы с Алтаем и Монголией и об отличии её археологических комплексов от памятников Среднего Енисея.

Более 20 лет тому назад видные исследователи археологии и древней истории Тувы С.И. Вайнштейн и Л.Р. Кызласов независимо друг от друга выдвинули концепцию монокультурности археологических памятников Тувы скифского времени [Вайнштейн, 1958, с. 230-232; Кызласов, 1958б, с. 75-89; см. также: Кызласов, 1977б, с. 69-86]. С.И. Вайнштейн называл эту единую культуру казылганской (понятие «казылганская культура» было введено им в 1956 г. [Вайнштейн, 1956, с. 40]), Л.Р. Кызласов — уюкской (первоначально, впрочем, Л.Р. Кызласов именовал выделенную им культуру не уюкской, а туранской — так она была названа в докладе Л.Р. Кызласова на секционном заседании Пленума ИИМК АН СССР в Ленинграде в апреле 1956 г.; см. также: [Л.Р. Кызласов. Отчет о работе Тувинского археологического отряда Киргизской комплексной экспедиции АН СССР в 1955 г. Архив ИА АН СССР, Москва, ф. 1, д. 1212]). Концепция монокультурности была поддержана Н.Л. Членовой и М.Х. Маннай-оолом [Членова, 1961, с. 133-134; Членова, 1966, с. 51; Маннай-оол, 1970б]. Двойное наименование выделенной культуры уже тогда создало серьёзные неудобства. Дело, однако, было не только и не столько в этом — главным являлось то, что в одну культуру были объединены памятники, явно разнородные по конструкции, погребальному ритуалу, инвентарю и хронологии. К большей осторожности должно было побуждать исследователей и то, что раннескифское время в истории Тувы и Центральной Азии являлось, по существу, белым пятном — не было известно ни одного погребения, которое могло бы быть достоверно отнесено к этому периоду. О том, что памятники этого периода должны были быть в конце концов обнаружены, свидетельствовали единичные случайные находки, относящиеся к VII-VI вв. до н.э. и справедливо выделенные Л.Р. Кызласовым в особую группу. Неоправданным явилось только отнесение к VII-VI вв. до н.э. кургана 22 с камерой-срубом у д. Успенское (раскопки С.А. Теплоухова, 1926 г.) на основании находки в нём единственного трёхпёрого бронзового наконечника стрелы с клиновидным черешком [Кызласов, 1958б, с. 75, табл. II, 31-32]. Памятник этот по аналогии с множеством идентичных погребений относится к V-III вв. до н.э. На неправомерность отнесения данного кургана к раннескифскому времени было указано уже в 60-е годы [Членова, 1961, с. 134-135; Полторацкая, 1966, с. 97].

Определения, которые должны были ныне уточнены и пересмотрены, давались в своё время и автором этой книги. Так, мною были необоснованно отнесены к скифскому времени херексуры с оградами и выкладками, ведущими от углов оград к центральному сооружению, раскопанные в долине р. Каргы (Монгун-Тайга, могильник Мугур-Аксы II, курганы XXI, XXII) [Грач, 1960а, с. 70]. Вслед за С.И. Вайнштейном и Л.Р. Кызласовым я помещал в пределы V-III вв. до н.э. погребения в каменных ящиках [Грач, 1960б, с. 145], датировка которых в свете новейших данных определяется последними веками до н.э. (погребения улуг-хемской культуры, в ряде случаев стратиграфически перекрывающие погребения в камерах-срубах, относящиеся к саглынской культуре). Недостаточно подчеркнуто было мною локальное своеобразие саглынских памятников Тувы, хотя и входящих в одну историко-культурную зону с пазырыкским Алтаем, однако не являющихся частью пазырыкской археологической культуры (на это уже было обращено внимание критики; см.: [Членова, 1967а, с. 171]).

Без достоверно определённых погребальных комплексов раннескифского времени сколько-нибудь объективная и целостная характеристика этого исторического периода не была возможной. Между тем памятники эти долгое время обнаружить не удавалось, несмотря

на то, что начало исследованию курганов скифского времени было положено ещё в 1916 г. А.В. Адриановым, а интенсивные раскопки курганов с камерами-срубами начались во времена работ С.А. Теплоухова в 1926, 1927, 1929 гг. Большой приток новой информации по самым разным историческим эпохам не привёл к заполнению этой лакуны.

Отсутствие среди открытых памятников комплексов раннескифского времени даже породило заключение о малой заселённости Тувы в эту эпоху — до середины I тысячелетия до н.э. Автор такого заключения С.И. Вайнштейн указывал, кроме того, что причиной слабой изученности памятников является их малочисленность. В ту пору С.И. Вайнштейн относил период до V в. до н.э. к «доскифскому времени» [Вайнштейн, 1964, с. 25]. Этот пример еще раз показывает, что «отсутствие» памятников какого-либо периода в конкретной географической зоне не следует считать безусловным доказательством необитаемости или малой обитаемости этих территорий в древности.

Заполнение указанной лакуны началось только в начале 60-х годов, когда были открыты первые комплексы, получившие впоследствии название алды-бельских.

АЛДЫ-БЕЛЬСКАЯ КУЛЬТУРА [^](#)

В 1962 г. экспедиция ТНИИЯЛИ под руководством М.Х. Маннай-оола раскопала в Каа-Хемском районе Тувы (дер. Зубовка) погребение с инвентарём раннескифского времени [Маннай-оол, 1964, с. 280], а мы обнаружили на правом берегу Улуг-Хема (на Куйлуг-Хеме и Орта-Хеме) новый тип памятников — курганы, содержавшие комплексы неизвестной до тех пор археологической культуры. В 1964 г. ещё одно погребение раннескифского времени было раскопано М.Х. Маннай-оолом возле южного склона возвышенности Пош-Даг [Маннай-оол, 1970, с. 16].

Анализ инвентаря двух погребений, раскопанных под руководством М.Х. Маннай-оола, привел Н.Л. Членову к обоснованному выводу об отнесении обоих объектов к раннескифскому времени. Однако, сделав верные выводы по части хронологии, Н.Л. Членова пришла к заключению о принадлежности этих памятников к «казылганской» («уюкской») культуре и отметила некую преемственность между совершенно разнородными памятниками, одни из которых были отнесены ею к VII-VI вв. до н.э., а другие — к V-III вв. до н.э. [Членова, 1966, с. 47-53]. Между тем уже тогда было очевидно как раз обратное — несходство между открытыми М.Х. Маннай-оолом комплексами раннескифского времени и более поздними памятниками, известными к тому времени в Туве.

Широкое, направленное и систематическое изучение могильников раннескифского времени, развернувшееся с началом работ Саяно-Тувинской экспедиции Института археологии АН СССР, привело к тому, что были обнаружены и раскопаны серии памятников на могильниках Алды-Бель I, Орта-Хем II и III, Темир-Суг II. По месту открытия первой представительной группы надёжно датирующихся комплексов неизвестная ранее культура раннескифского времени получила наименование алды-бельской [Грач, 1971, с. 96-97; Грач, 1975а, с. 249-258].

Долгое время не удавалось обнаружить потревоженные комплексы, которые могли бы стать эталонными и дать наиболее полное представление о конструкции сооружений, погребальном обряде и комплектности инвентаря. Поиски наконец увенчались успехом: удалось найти серию потревоженных погребений алды-бельской культуры на могильниках Хем-чик-Бом III и V у места впадения р. Хемчик в Енисей и на могильниках Чинге I и II.

Аэровизуальные, а затем и аэрофотосъёмочные работы в сочетании с интенсивной наземной разведкой позволили установить, что курганы алды-бельской культуры имеются не только в районах Центральной Тувы, но и на труднодоступных участках Саянского каньона Енисея — алды-бельский могильник был открыт, например, в урочище Кулевуок, расположенном на левобережье Енисея ниже Староверского порога.

Материал, которым мы располагаем к настоящему времени для характеристики среднего социального слоя носителей алды-бельской культуры, найден в результате исследования 14 могильников, где раскопано 36 курганов с общим количеством погребений 127 (табл. 1 — *см. ниже*).

Конструкция погребальных сооружений алды-бельской культуры характеризуется несколькими основными чертами.

1. В большом числе случаев курганы алды-бельской культуры располагаются парами — по два сооружения, вплотную примыкающих друг к другу (такая закономерность зафиксирована на могильниках Алды-Бель I, Чинге I, Хемчик-Бом III и V). Продольная ось каждого такого сдвоенного комплекса идёт по линии север-юг (нередко с отклонениями). Сдвоенные комплексы чаще располагаются особняком, составляя как бы отдельные могильники. В единичных случаях (например, на могильнике Куйлуг-Хем I) наземные соору-

(24/25)

жения алды-бельских курганов расположены по три, примыкая друг к другу.

2. Курганы сооружены из обломков горных пород и валунов; форма в плане округлая или подовальная, в большинстве случаев курган обрамлён крепидой из более крупных камней, нежели те, из которых сложено «тело» кургана.

3. Алды-бельские погребения, как правило, одиночные, совершались в каменных ящиках подпрямоугольной в плане формы, составленных из вертикально врытых плит (дно — грунтовое), перекрытых плитовым настилом в несколько «слоёв» с употреблением дополнительной «закупорки» погребения мелкими плитками. Отмечены случаи употребления деревянных распорок, применявшихся для того, чтобы стенки ящика не заваливались внутрь. Погребения совершались также в деревянных срубах подпрямоугольной в плане формы (не квадратных) с деревянным перекрытием, уложенным вдоль длинной оси сруба, и полом из плах; деревянные перекрытия в ряде случаев «усилены» уложенными поверх потолков каменными плитами; имеются погребения в колодах. Погребения в ящиках и срубах встречены в пределах общих комплексов.

4. Под наземным сооружением каждого алды-бельского кургана обнаружено от 1 до 7 и более отдельных погребений. Под центром кургана находится главное погребение в ящике из наиболее массивных по сравнению с остальными ящиками плит или в подпрямоугольном срубе. Дугой вокруг главного захоронения (по преимуществу к югу, западу и северу от него) располагаются другие погребения в каменных ящиках или в подпрямоугольных срубах, принадлежащие взрослым людям младших возрастных категорий, а также подросткам и детям (погребения детей иногда даже вынесены за пределы крепиды).

5. Положение погребённых — скорченное, обычно на левом (гораздо реже на правом) боку; погребённые в центральных захоронениях ориентированы головой на запад, остальные погребённые — на запад, северо-запад, север (преобладает западная ориентировка).

6. Характерной чертой погребального ритуала курганов алды-бельской культуры является помещение вблизи уровня древней поверхности, у края могильных ям центральных захоронений, уздечных наборов, включавших удила со стремечковидными окончаниями, обоймы, пряжки, нащёчные бляхи. В то же время сопроводительных конских захоронений ни в одном кургане встречено не было.

Основы датировки памятников раннескифского времени Саяно-Алтая и ряда других территорий Азиатского горно-степного пояса были заложены М.П. Грязновым в работе, посвященной памятникам майэмирского этапа [Грязнов, 1947, с. 9-17; см. также: Грязнов, 1950, с. 101. В частности, М.П. Грязнов сформулировал следующие признаки, отличающие памятники майэмирского периода от более поздних: 1) наличие бронзовых удил со стремечковидными окончаниями; 2) наличие зеркал с вертикальным бортиком; 3) отсутствие каких-либо предметов из железа.

Таблица 1.

Раскопки курганов алды-бельской культуры в Туве.

Могильники	Годы раскопок	Автор раскопок	Число раскопанных курганов	Число погребений
------------	---------------	----------------	----------------------------	------------------

Зубовка	1962	М.Х.Маннай-оол	1	1
Пош-Даг	1964	М.Х.Маннай-оол	1	1
Алды-Бель I	1967-1968	А.Д.Грач	2	7
Куйлуг-Хем I	1966-1968	А.Д.Грач	8	12
Хемчик-Бом III	1969-1971	А.Д.Грач	2	14
Хемчик-Бом V	1971	А.Д.Грач	2	20
Орта-Хем I	1968	И.У.Самбу	1	1
Орта-Хем II	1969	И.У.Самбу	5	18
Орта-Хем III	1968	И.У.Самбу	2	6
Чинге I	1971	И.У.Самбу	1	12
Чинге II	1971-1972	И.У.Самбу	1	6
Темир-Суг I	1970	И.У.Самбу	3	5
Темир-Суг II	1970	И.У.Самбу	1	2
Усть-Хадынныг I	1976-1977	А.В.Виноградов	6	22
Всего . . .			36	127

Находки, сделанные с той поры, как были выделены эти признаки, подтвердили их полную правомерность, и практически вся работа по хронологии древностей раннескифского времени азиатских степей строится ныне на основе трёх признаков М.П. Грязнова. Вместе с тем изучение комплексов алды-бельской культуры, особенно неграбленных, позволяет дополнить характеристику типичных для VII-VI вв. серий комплектного инвентаря следующими чертами.

1. Наличие в погребениях раннескифского времени помимо удила со стремечковидными окончаниями таких предметов конского убора, как характерные бронзовые уздечные обоймы, пряжки со шпеньками, на которых нанесены так называемые копытовидные знаки, нащёчные бляхи.

2. Наличие среди предметов вооружения кинжалов с почковидными гардами.

(25/26)

3. Частое наличие среди инвентаря оселков (по мнению М.П. Грязнова, это амулеты; см.: [Грязнов, 1961, с. 139-144]).

4. Частое наличие среди украшений изделий из бирюзы [\[1\]](#) и индийского сердолика. [\[2\]](#)

5. Частое наличие четырёхгранных шильев с шляпковидными навершиями.

6. Наличие среди произведений искусства изображений свернувшихся хищников, копытных животных в позе «на цыпочках», композиций в манере «загадочной картинки» (взаимовписывание фигур изображаемых животных — характерными произведениями этого рода являются высокохудожественные роговые гребни из могильника Хемчик-Бом III).

Необходимо указать, что этот перечень признаков не представляется окончательным и в будущем может быть дополнен и расширен.

Вопросы происхождения, типологии и датировки бронзовых удила скифского времени на территории Великого пояса степей были недавно вновь рассмотрены В.А. Грачом [Грач В.А., 1973, с. 34-36]. В ходе работы были учтены все предыдущие исследования и новейшие данные, в том числе имеющие принципиальное значение находки из Тувы и Монголии.

При наличии промежуточных форм в «предскифское» и скифское время представлены три главных типа удила: так называемые двукольчатые (с двумя кольцами на концах), однокольчатые (с одним кольцом на концах) и со стремечковидными окончаниями. Исследование показало справедливость

гипотезы А.А. Иессена о происхождении стремечковидных удил от двукольчатых. В свете анализа новых данных стало очевидным, что дату распространения однокольчатых удил в азиатских степях следует удревнить (раньше нижним хронологическим рубежом их распространения считался V в. до н.э.). Предлагая удревнение, В.А. Грач основывается главным образом на аржанских и тасмолинских материалах, а также на факте обнаружения в Монголии экземпляра удил, одно звено которых имеет стремечковидное, а другое — однокольчатое окончание.

Новые находки позволили сделать вывод, что стремечковидные удила, получившие столь широкое распространение, ведут свое происхождение из восточных областей Великого пояса степей Евразии. Свидетельством тому являются находки в Туве (наиболее полные серии), а также на Алтае, в Монголии и на Среднем Енисее удил переходных форм (удила со стремечковидными окончаниями и дополнительным кольцом).

К раннескифскому времени относится курган Аржан — выдающийся по своему значению памятник, раскопанный М.П. Грязновым и М.Х. Маннай-оолом в Турано-Уюкской котловине. Мы считаем Аржан царским курганом носителей алды-бельской культуры. Об этом свидетельствует совпадение ряда важных особенностей типа и элементов погребального ритуала.

1. Как в Аржане, так и в курганах лиц из среднего социального слоя носителей алды-бельской культуры обнаружены не коллективные погребения в одном срубе (одной колоде) или в одном каменном ящике, а, как правило, многоактные одиночные погребения.

2. Как в Аржане, так и в курганах людей из среднего социального слоя вокруг центрального захоронения наиболее значительного лица группируются остальные погребения. Общим принципом внутренней топографии является и то, что эти остальные погребения в большинстве располагаются к югу, западу и северу от центрального захоронения.

3. Как в Аржане, так и в погребениях представителей среднего социального слоя во всех случаях, когда это удалось зафиксировать, положение погребённых — на боку с подогнутыми ногами, ориентировка — головой на запад, северо-запад и север.

4. Как в Аржане, так и в курганах людей из среднего социального слоя присутствует неременный конструктивно-семантический элемент — крепида.

Будучи царским курганом, Аржан по конструкции и деталям обряда, конечно, имеет и отличия от погребений представителей среднего социального слоя алды-бельской культуры. Эти отличия закономерны и неизбежны: захоронение царя в Уюке должно было своими размерами и богатством превосходить захоронения семей алды-бельской дружинной знати примерно так же, как царские курганы

(26/27)

Пазырыкской долины, Бесшатыра, Чиликты, Чертомлык, Солоха, Толстая Могила и т.п. превосходили однокультурные им погребения людей, стоявших на более скромных ступенях социальной иерархии. Отличия Аржана от погребений среднего слоя алды-бельской культуры свидетельствуют не о принадлежности к разным археологическим культурам, а об интенсивных и далеко зашедших процессах социальной дифференциации общества.

Проблема хронологии алды-бельской культуры имеет исключительно важное значение, выходящее далеко за рамки археологии только Центральной Азии и смежных территорий Сибири.

Необходимо с полным вниманием отнестись к соображениям по поводу датировки царского кургана Аржан, которые выдвигаются в новейших публикациях авторами раскопок М.П. Грязновым и М.Х. Маннай-оолом [Грязнов, Маннай-оол, 1974а, с. 204-206; Грязнов, 1975б, с. 9-12]. Эти авторы сочли необходимым пересмотреть первоначально предложенную дату, которая помещалась ими в пределы VII-VI вв. до н.э. и приводилась в первых опубликованных сообщениях о раскопках кургана Аржан, и углубили хронологию Аржана в пределы VIII в. [3] Основанием для пересмотра датировки Аржана явились исследования украинских археологов, выделивших в степях Причерноморья группу так

называемых предскифских комплексов. Проблемы, связанные с изучением памятников «предскифского» периода, интенсивно разрабатывались, в частности, А.И. Тереножкиным и А.М. Лесковым [Тереножкин, 1965; Лесков, 1971, с. 75-91; Лесков, 1975а; Лесков 1975б].

М.П. Грязнов и М.Х. Маннай-оол обоснованно обратили внимание на то, что некоторые предметы инвентаря царского кургана Аржан (отметим со своей стороны, что это ведущие предметы) имеют аналогии только в причерноморских «предскифских» памятниках и не встречаются аналогий в других объектах.

Действительно, коленчато-изогнутые псалии, обнаруженные в конских захоронениях кургана Аржан, лишь в единственном известном случае имеют аналогию вне Причерноморья — псалии такого типа были найдены С.С. Сорокиным в могильнике Курту II на Алтае [Сорокин, 1966, с. 45, рис. 5, 1], причем автор раскопок усмотрел весьма близкие аналогии среди материалов из раскопок М.П. Грязнова на Верхней Оби [Грязнов, 1956а, табл. XIX, 15, табл. XXI, 23]. М.П. Грязнов и М.Х. Маннай-оол отмечают, однако, что верхнеобские псалии большеберченской культуры всё же отличны от аржанских пропорциями грибовидных наверший на верхних концах псалий. Предлагаемые М.П. Грязновым и М.Х. Маннай-оолом в качестве аналогий псалии из Кобана, Черногоровки и Камышевахы [Иессен, 1939, рис. 19], Николаевки [Анфимов, 1971, рис. 21, Деревки и Усатова [Лесков, 1971, табл. II, 18-20] отличаются от аржанских наличием грибовидной шляпки на обоих концах. Все другие псалии, найденные в комплексах VII-VI вв. в Казахстане, на Алтае и, наконец, в Туве, принадлежат к иным вариантам, и их сходство с аржанскими только в том, что все они трёхдырчатые.

Нельзя не согласиться с М.П. Грязновым и М.Х. Маннай-оолом в том, что бронзовые удила со стремечковидными окончаниями и с дополнительным кольцом, как и втульчатые наконечники стрел с ромбическим пером и (в большом числе экземпляров) с жалъцем у основания, встречаются как в погребениях скифского времени, так и в «предскифских» комплексах; эти наконечники встречаются и с наконечниками более архаических форм.

Найденные в Аржане округлые бляшки, сделанные из клыков кабана, аналогичны, с точки зрения авторов раскопок, только бляшкам из «предскифских» комплексов причерноморских степей (Весёлая Долина, Субботовское городище [Тереножкин, 1961, рис. 67], поселения белозерского этапа Широкое и Кирово [Лесков, 1971, табл. 2, 3, 7]). Наконец, антигоровые, аргиллитовые и деревянные позолоченные трёхжелобчатые бляшки Аржана также имеют, по М.П. Грязнову и М.Х. Маннай-оолу, аналогии в памятниках «предскифского времени» Причерноморья — такие бляшки найдены в Высокой Могиле [Бидзиля, Яковенко, 1973, с. 244; Бидзиля, Яковенко, 1974, рис. 5, 1] и Носачеве [Ковпаненко, 1966]. Правда, в Сибири эти бляшки представлены и в комплексах, датированных М.П. Грязновым VII-VI и V-IV вв. до н.э. (бассейны Оби и Енисея).

Важное значение для датировки Аржана имеет находка в каменном сооружении кургана (над камерой 34а) обломка оленного камня. Изображения, имеющиеся на этом обломке, представляют исключительный интерес: на камне изображены маралы и кабаны в характерной позе «на цыпочках», «пояс» с подвешенными к нему луком в саадаке, кинжалом с прямым перекрестием и кольцевым навершием, оселком. По мнению М.П. Грязнова и М.Х. Маннай-оола, оленные камни, в том числе и открытый ими, являются памятниками

(27/28)

подосновы скифского звериного стиля и свидетельством зарождения саяно-алтайского варианта этого стиля в XII-IX вв. до н.э. [Грязнов, Маннай-оол, 1974, с. 194-195]. Для доказательства этого тезиса необходимо, в частности, ответить на вопрос, является ли аржанский фрагмент оленного камня синхронным кургану или относится ко времени до его сооружения. Авторы открытия указывают, что изображения кабанов на аржанском камне стилистически аналогичны изображению кабана на бляшке из аржанской камеры 26а. Это обстоятельство заставляет не исключать реальную возможность синхронности оленного камня и курганного комплекса.

Почти одновременно и независимо от М.П. Грязнова и М.Х. Маннай-оола к разработке вопроса о тувинско-причерноморских параллелях обратились украинские исследователи. Э.В. Яковенко и В.И. Бидзиля подвергли анализу интереснейшие комплексы, открытые ими в кургане Высокая Могила на

Запорожье (у с. Балки Васильевского р-на) [Бидзиля, Яковенко, 1973, с. 244-245; Бидзиля, Яковенко, 1974, с. 148-159]. Раскопки эти по времени совпали с началом исследования Аржана (1971 г.).

В кургане Высокая Могила, основное погребение в котором относится к эпохе бронзы, были открыты два впускных погребения воинов раннего железного века. Эти два погребения были совершены в одновенцовых срубках, состав инвентаря включает предметы вооружения, конскую упряжь, оселки, золотые украшения, лепную керамику; обнаружены остатки жертвенной мясной пищи. Авторы раскопок относят оба погребения к VIII-VII вв. до н.э. и связывают исследованные ими комплексы с памятниками группы Новочеркасского клада — Черногоровки, а также с такими памятниками, как Малая Цимбалка, Днепрорудный, Петрово-Свистуново.

Э.В. Яковенко и В.И. Бидзиля включают в число аналогичных находок из Высокой Могилы и Аржана железный и бронзовый кинжалы, роговые и каменные застёжки, комплекты бронзовых удил со стремечковидными окончаниями и роговыми трёхдырчатыми псалиями (нам кажется необходимым напомнить, однако, что в отличие от Высокой Могилы в Аржане не было железных вещей). Нельзя не признать обоснованным итоговое заключение Э.В. Яковенко и В.И. Бидзили: «Будущим исследователям этого вопроса придется либо доказать, что аржанские предметы вооружения и конская упряжь моложе своих причерноморских прототипов на 50-100 лет, либо, признав их одновременность, отнести бронзовую бляху со свернувшимся хищником к древнейшим образцам «звериного стиля» [Бидзиля, Яковенко, 1973, с. 245].

А.М. Лесков полагает, что Аржан не может быть датирован временем ранее VII в. до н.э., исходя при этом из того, что в инвентаре Аржана наряду с вещами, синхронными черноговорско-камышевахским (которые имели распространение и в первой половине VII в.), представлены и более поздние предметы, к которым А.М. Лесков относит стремечковидные удила с дополнительными отверстиями, стремечковидные удила с концами, выступающими за перекладину, псалии с круглыми отверстиями. Дата Аржана, по А.М. Лескову, — первая половина VII в. до н.э. [Лесков, 1975а, с. 63-64].

Важный и для далёких восточных территорий Великого пояса степей вопрос о начале собственно скифского времени в Северном Причерноморье до сих пор является дискуссионным. Б.Н. Граков относил начало скифского времени ко второй половине или концу VII в. до н.э. [Граков, 1948, с. 38]. Мнение Б.Н. Гракова разделили в своё время А.И. Тереножкин [Тереножкин, 1952, с. 94], Е.Ф. Покровская [Покровская, 1953, с. 36], А.И. Мелюкова [Мелюкова, 1958, с. 7].

А.А. Иессен, М.И. Артамонов, Г.И. Смирнова полагали возможным отнести начало скифского времени на территории Северного Причерноморья к VIII в. до н.э., т.е. к тому периоду, когда в ассирийских письменных источниках появляются упоминания о киммерийцах и, позднее, о скифах [Иессен, 1939, с. 109; Артамонов, 1955, с. 100-101; Артамонов, 1950, с. 42-43; Смирнова, 1954].

Реалистичная точка зрения на вопрос о возможности этнических отождествлении памятников «предскифского» времени была высказана в своё время А.А. Иессеном, который указал, что «существенной разницы в уровне культурного развития исторически известных киммерийцев и скифов этого раннего периода не было» и что «в создателях комплексов VIII-VII вв. до н.э., которые известны в степном Предкавказье и в степных районах Северного Причерноморья, мы можем видеть как предков скифов VI в. до н.э., так и киммерийцев» [Иессен, 1954, с. 130]. Е.И. Крупнов и А.И. Тереножкин считали памятники группы Новочеркасского клада киммерийскими [Крупнов, 1960, с. 126-127; Тереножкин, 1971, с. 20-22; Тереножкин, 1976].

Важное значение для разработки скифской проблемы в целом имеет взаимная хронология памятников раннескифского времени Тувы (Аржана и известных к настоящему времени погребений представителей среднего социального слоя носителей алды-бельской культуры)

(28/29)

и наиболее ранних известий об истории собственно скифов, зафиксированных в нарративных источниках.

Самое древнее упоминание о скифах находится в ассирийских источниках и датируется 70-ми годами VII в. до н.э. Оно относится к той поре, когда скифы в союзе с маннейцами и мидянами боролись с Ассирией, имея вождём Ишпакаи, который в этой войне и погиб, а наследовал ему Партагуа, значащийся царём Ишкуза (скифского царства). Партагуа (упоминаемый и Геродотом; см.: Геродот, I, 103) в ходе войны изменил прежним союзникам, перешёл на сторону ассирийцев и, как полагают, получил в жёны дочь Ассархадона (Редер, 1947, с. 264-265; Пиотровский, 1949, с. 121-131; Пиотровский, 1953, с. 147-149; Пиотровский, 1959, с. 232-256; Дьяконов, 1951, с. 339-340; Артамонов, 1974, с. 27-30). Затем наступает лакуна в источниках, и вновь скифы упоминаются в связи с их господством в Азии. Период господства скифов в Азии, описанный Геродотом, начинается в 623/622 г. до н.э., а окончание этого периода падает на 595/594 г. до н.э. [Белявский, 1964, с. 93-94]. М.И. Артамонов удлиняет срок пребывания скифов в Передней Азии примерно на 10 лет, до 585 г. — года заключения мира между Мидией и Лидией и окончания войны за скифское наследство [Артамонов, 1972, с. 56-57; Артамонов, 1974, с. 33-34]. Как бы то ни было, возвращение скифов в степи Северного Причерноморья совершилось в пределах последней четверти VI в. до н.э.

Согласно концепции М.И. Артамонова, скифские культура и искусство сформировались во время пребывания скифов в Передней Азии, откуда они принесли новую культуру в степи Северного Причерноморья; датируется это соответственно 80-ми годами VI в. до н.э. [Артамонов, 1966, с. 13; Артамонов, 1974, с. 34-55].

В духе своей концепции о появлении скифской культуры в Северном Причерноморье в 80-е годы VI в. до н.э. М.И. Артамонов датировал курган Аржан временем не позже VI в. до н.э. При этом М.И. Артамонов сопоставил аржанскую пантеру с изображением свернувшегося хищника из Сибирской коллекции Петра I и с минусинскими бронзами, а аржанские удила — с тагискенскими [Артамонов, 1971, с. 84]. Подобное «омоложение» даты Аржана вызвало справедливые, с нашей точки зрения, возражения [Грязнов, Маннай-оол, 1975, с. 196-197].

Отметим, что М.И. Артамонов, связывая появление скифской культуры в Причерноморье с возвращением скифов из Передней Азии, омолаживал не только дату Аржана, но и даты памятников раннескифского времени Северного Причерноморья — известных комплексов Темир-Горы, Цукур-Лимана и Жаботина, отрицая возможность отнесения этих погребений к концу VII в. до н.э. [Артамонов, 1974, с. 50]. Между тем, даже если признать происхождение скифской культуры из Передней Азии, трассы продвижения культурных традиций могли пролегать не только в направлении Северного Причерноморья. Нельзя при этом не учитывать и фрагментарность данных о пребывании скифов в Передней Азии.

Итак, возвращение скифов в степи Северного Причерноморья совершилось в пределах первых двух десятилетий VI в. до н.э., сакское вторжение в Переднюю Азию — также в VI в. до н.э. К этому времени далеко на Востоке — в Центральной Азии уже существовали культурные памятники скифского времени — алды-бельские комплексы, нижняя хронологическая граница которых уходит в VII (а Аржан — и в VIII) в. до н.э. Все это ставит в повестку дня пересмотр самых кардинальных вопросов древней истории иранской скифо-сакско-юечжийской степной ойкумены. Вопрос о детализации датировки Аржана потребует времени: следует подождать окончательной обработки материала авторами раскопок и полной его публикации.

Принципиальное значение в связи с указанной проблемой имеет вопрос о датировке кургана-храма Улуг-Хорума и аналогичных ему, но меньших по размерам святилищ. Датировка этих комплексов может быть проведена путём анализа изображений на обнаруженных в них оленных камнях, — неперменной принадлежности солнечных святилищ. Изображенные на этих стелах кинжалы и фигуры оленей с птицеобразной мордой датируются раннескифским временем. К раннескифскому времени относятся и изображения лошадей и горных баранов на внешних камнях наземного сооружения Улуг-Хорума. Храмы солнца в свете этих данных могут быть отнесены к раннескифскому времени.

Аржан — пока единственный раскопанный царский курган алды-бельской культуры. Напомним, однако, что в Уюкской долине (в районе пос. Уюк, т.е. в непосредственной близости от кургана Аржан) имеется 8 цепочек крупных «земляных» курганов, протянувшихся в общей сложности на 15 км. Каждая группа состоит из 4-13 курганов диаметром от 30 до 70 м и высотой от 1 до 8 м. Помимо этих памятников в Уюкской долине имеются 3 наиболее крупных кургана, расположенных отдельно (один из них — курган Аржан, два других — тоже крупные курганы диаметром

от 80 до 100 м, высотой до 1,5 м) [Грязнов, Маннай-оол, 1974а, с. 191].

Количество курганных сооружений высшей знати алды-бельцев свидетельствует о сравнительно длительном периоде существования этой культуры. Раскопки других царских курганов (а это, возможно, является делом не очень отдалённого будущего) должны будут открыть объекты иной, чем Аржан, в том числе и относительно более поздней в пределах раннескифского времени, хронологии. Иными словами, будущие исследования, вероятно, откроют и царские захоронения, синхронные погребениям среднего социального слоя носителей алды-бельской культуры, обнаруженным в Улуг-Хемском районе Тувы на могильниках Алды-Бель I, Куйлуг-Хем I, Орта-Хем II и III, Чинге I, Хемчик-Бом III и V.

Не следует забывать, что перечисленные только что алды-бельские могильники расположены на относительно компактной территории одного района. Поиски и раскопки этих памятников в других районах Тувы и Северо-Западной Монголии, а также в Саянском каньоне Енисея, как и продолжение поисков и раскопок в Центральной Туве, добавят, возможно, к серии раскопанных курганов VII- VI вв. до н.э. объекты, датирующиеся более ранним временем, чем уже известные, и соответственно синхронные кургану Аржан. [\[4\]](#)

САГЛЫНСКАЯ КУЛЬТУРА [^](#)

В V-III вв. до н.э. на территории Тувы и сопредельных с нею районов Монголии повсеместно распространяются разнящиеся от алды-бельских памятники саглынской культуры, получившей своё наименование по месту раскопок могильников в Саглынской долине Тувы [Грач, 1971, с. 96-98].

Памятники саглынской культуры обнаружены во всех горно-степных районах Тувы; их исследовали А.В. Адрианов, С.И. Вайнштейн, А.В. Виноградов, А.Д. Грач, А.М. Мандельштам, М.Х. Маннай-оол, В.Т. Монгуш, Д.Г. Савинов, И.У. Самбу, С.А. Теплоухов, Ю.И. Трифонов. Погребальный обряд и конструкция погребальных памятников саглынской культуры резко отличаются от погребального обряда и конструкции курганов хронологически предшествующих им алды-бельских комплексов.

Главные и типичные черты конструкции курганов и погребального ритуала саглынской культуры таковы.

1. Каждый курганный комплекс, как правило, состоит из центрального наземного сооружения и внешней ограды. Есть и могильники с курганами без внешних оград (например, Мажалык-Ховузу I, II, III).
2. Центральные наземные сооружения — из камней и земли, имеют округлую в плане форму.
3. Внешние ограды сооружены из камней, форма оград в плане — подчетырёхугольная или круглая (подчетырёхугольные ограды в ряде случаев имеют угловые камни, несколько большие по размеру, нежели остальные камни ограды).
4. Погребения — коллективные, совершены в бревенчатых камерах-срубках; форма камер в плане подквадратная, ориентация камер — сторонами по странам света, чаще — на СЗ, СВ, ЮЗ, ЮВ. Глубины залегания камер в большинстве случаев значительны — от 2 до 4 м.
5. Расположение погребённых следующее: взрослые лежат в ряд, головами вплотную у северо-западных и западных стенок камер, под головами — уплощённые камни-подушки»; дети, как правило, погребены в ногах взрослых.

6. Обычное положение погребённых — на левом боку, с подогнутыми ногами, ориентировка — головами на северо-запад и запад.

7. Всего в двух случаях на «полюках» у края срубов встречены конские черепа с удилами и другими предметами конского убора. Сопроводительные погребения полных туш коней не обнаружены, однако конские черепа и некоторые другие части коня в срубах найдены. Имеются и сопроводительные подхоронения частей барана.

На некоторых могильниках встречены курганы саглынской культуры, попарно заключённые в пределы общей подчетырёхугольной ограды. Среди раскопанных памятников таких случаев всего два — могильник Саглы-Бажи II, курганы 3 и 4 (раскопки 1961 г.) и могильник Чинге II, курганы 9а и 9б (раскопки 1972 г.). В одном случае обнаружены и исследованы три курганных комплекса, заключённых в об-

(30/31)

Таблица 2

Раскопки курганов саглынской культуры в Туве. *

[* Прим. к таблице:] В таблице учтены только материалы, доступные для изучения.

Район	Могильники	Годы раскопок	Автор раскопок	Количество раскопанных объектов
Улуг-Хемский	Бай-Даг I	1927	С.А. Теплоухов	1
То же	Чаа-Холь	1927	То же	1
» »	Орук	1957	А.Д. Грач	1
» »	Куйлуг-Хем I	1966	»	5
» »	Куйлуг-Хем II	1966	»	1
» »	Улуг-Оймак I	1965	»	3
» »	Улуг-Оймак II	1965	»	2
» »	Ховужук	1965	М.Х. Маннай-оол	4
» »	Пош-Даг	1962	То же	4
» »	Орта-Хем II	1968-1969	И.У. Самбу	2
» »	Темир-Суг	1970	»	2
» »	Чинге II	1971-1972	»	10
» »	Черби	1957	С.И. Вайнштейн	3
» »	Урбюн III	1965	Д.Г. Савинов	6
» »	Аргалыкты VIII	1967	Ю.И. Трифонов	2
» »	Хемчик-Бом I	1968-1969	А.Д. Грач	4
» »	Хемчик-Бом IV	1969	»	1
» »	Сенек	1977	М.Х. Маннай-оол	5
Дзун-Хемчикский	Казылган	1954	С.И. Вайнштейн	5
То же	Кок-Эль	1959	То же	5
» »	Алды-Ишкин		М.Х. Маннай-оол	1
Бай-Тайгинский	Озен-Ала-Белиг	1959	С.И. Вайнштейн	4
Овюрский	Саглы-Бажи II	1960-1962	А.Д. Грач	7

»	Саглы-Бажи IV	1968	»	2
»	Саглы-Бажи VI	1969	»	3
»	Дужерлиг-Ховузу I	1975	»	2
»	Даган-Тэли I	1975	»	4
Пий-Хемский	Туран I	1927	С.А. Теплоухов	1
То же	Туран II	1929	То же	1
» »	Туран III	1929	» »	1
» »	Туран IV	1929	» »	4
» »	Туран V	1929	» »	3
» »	Уюк I	1929	» »	2
» »	Уюк II	1929	» »	3
» »	Черби	1957	С.И. Вайнштейн	3
» »	Уюк	1916	А.В. Адрианов	2
» »	Бегре	1916	То же	2
Тандинский	Атамановка	1926	С.А. Теплоухов	1
То же	Успенское	1926	То же	1
» »	Мажалык-Ховузу I	1977-1978	А.Д. Грач	15
» »	Мажалык-Ховузу II	1978	»	3
Тандинский	Мажалык-Ховузу III	1978	В.Т. Монгуш	5
То же	Мажалык-Ховузу III	1978	А.В. Виноградов	3
» »	Мажалык-Ховузу IV	1978	То же	1

щую ограду — могильник Даган-Тэли I, курганы 1-3 (раскопки 1975 г.).

Погребальным сооружениям саглынской культуры сопутствуют характерные культовые выкладки округлой в плане формы из круглых валунов или, реже, обломков горных пород. Число камней, составляющих кольцо, как правило, 8, между камнями равные интервалы. Восьмикаменные выкладки зафиксированы и в некотором отдалении от могильников (например, в Северо-Западной Туве, в бассейне оз. Кара-Холь) [Грач, 1960, рис. 12].

Примеры сочетания восьмикаменных выкладок с могильными комплексами даёт могильник Саглы-Бажи II. Выкладки 11 и 12, находящиеся в группе Б, сооружены в осевом соответствии с курганами 8 и 9, в непосредственной близости к западу от них. Другие примеры даёт могильник Даган-Тэли I. С каждым из трех курганов группы А (объекты 1-3), заключённых в общую ограду, сочетается по одной кольцевой выкладке. Такая же выкладка сочетается и с курганом 4 (группа Б).

Восьмикаменные выкладки обнаружены и на соседнем с Тувой Алтае — там они чаще всего находятся вблизи курганов пазырыкской культуры. Уже В.В. Радловым была отмечена вероятность того, что эти памятники могли быть местами жертвоприношений [Радлов, 1902, с. 35]. Это предположение было поддержано А.В. Адриановым и М.П. Грязновым [Адрианов, 1916, с. 56-60; Грязнов, 1947, с. 11].

Под одним из камней восьмикаменной выкладки в Майэмирской степи на Алтае А.В. Адриановым в 1911 г. была обнаружена знаменитая группа предметов раннескифского времени [Адрианов, 1916, с. 56], убедительно датированная М.П. Грязновым [Грязнов, 1947, с. 10-13]. Автор находки интерпретировал этот инвентарь как клад. С.И. Руденко выдвинул по поводу происхождения этих вещей весьма

правдоподобную версию, согласно которой они происходят из близлежащих разграбленных курганов и были спрятаны под камень граби-

(31/32)

телями [Руденко, 1960, с. 10-12]. Есть и другая попытка объяснения, связывающая найденные вещи с самим сооружением [Маннай-оол, 1970, с. 21-22]. Сопричастность восьмикаменных выкладок к курганам пазырыкско-саглынского времени заставляет датировать их всё же V-III вв. до н.э. Что же касается версии об их назначении как мест жертвоприношений, то нам она представляется правильной (существенно в связи с этим, что под одним из камней выкладки 12 группы Б могильника Саглы-Бажи II была найдена кость коровы).

Важное значение для вопросов относительной хронологии памятников алды-бельской и саглынской культур имеют раскопки кургана I могильника Чинге II. Этот курган, содержащий первоначально 8 погребений алды-бельской культуры, был нарушен в саглынское время двумя впускными коллективными захоронениями в камерах-срубах (могилы 4 и 6). При производстве этих захоронений были уничтожены главные погребения алды-бельского комплекса; наземное сооружение алды-бельского времени было во многих частях перемещено и сконцентрировано над впускными захоронениями (при этом была разобрана кладка каменного панциря и ряд участков крепиды). Отметим, что алды-бельский в первооснове курган I значительно отстоит к северу от цепочки саглынских курганов, 8 из которых раскопаны; большая их часть оказалась неграбленной, в то время как все алды-бельские погребения этого же могильника подверглись разграблению.

Памятники саглынской культуры подразделяются на два хронологических этапа: собственно саглынский (V-IV вв. до н.э.) и озен-ала-белигский (IV-III вв. до н.э.); этот последний хронологический этап в истории древних кочевников Тувы определён С. И. Вайнштейном, и мы сохраняем наименование, им данное [Вайнштейн, 1966, с. 173].

Оба этапа саглынской культуры обнаруживают стойкую генетическую преемственность, которая чётко видна и в конструкции погребальных сооружений, и в погребальном ритуале, и в основной комплектности сопроводительного инвентаря. В то же время озен-ала-белигские комплексы имеют существенно новые черты: часты случаи, когда число погребённых значительно увеличивается — до 14-16 человек; встречаются «двухслойные» коллективные погребения (могильник Саглы-Бажи IV, курган 1), когда на нижнем ряду погребённых залегает второй — верхний ряд, положение погребённых в котором не на левом, как обычно для саглынцев, а на правом боку. В озен-ала-белигских памятниках весьма часты нарушения строгой возрастной топографии размещения погребённых, характерной для собственно саглынского этапа. Нельзя не отметить, что частичный отход от «классических» канонов погребального ритуала характерен в конце скифского времени и для памятников тагарской культуры на Среднем Енисее — там, например, на сарагашенском этапе тоже резко увеличивается число погребённых в одной могиле.

Способ погребения носителей археологических культур скифского времени, открытых в Туве и на сопредельных территориях Центральной Азии, всегда характеризуется труположением. Можно с уверенностью утверждать, что кремация трупов совершенно не практиковалась у алды-бельцев, саглынцев и носителей культуры плиточных могил. Имеющиеся к настоящему времени археологические данные позволяют сделать вывод, что трупосожжение появилось в Центральной Азии только в гунно-сарматское время — появление этого способа погребения связывается в специальной литературе с миграцией гянгуней [Кызласов, 1958, с. 97].

Мы располагаем достаточными данными для того, чтобы утверждать, что камеры-срубы саглынцев — это близкие подобию реальных жилищ, но не сами реальные жилища, упрятанные под грунтовую толщу. Это доказывается тем, что камеры монтировались непосредственно в могильных ямах, о чём свидетельствуют обнаруженные под срубами отходы — стружки и обрубки, а также «колоколовидная», как правило, форма могильных ям (ямы были более узкими вверху и имели подбойные расширения в нижней части). Все до единой саглынские камеры срублены «с остатком», т.е. способом, который при строительстве реальных жилищ предотвращал промерзание вдоль брёвен. При раскопках в Саглы была зафиксирована и промазка пазов глиной — также один из способов утепления реальных жилищ.

Погребённых сопровождали в иной мир следующие основные комплекты предметов. [5]

Кинжалы. В подавляющем большинстве кинжалы бронзовые (лишь на озен-ала-белигском этапе появляются железные кинжалы). Господствующий тип — кинжалы-акинаки с крыловидными гардами и грибовидными навершиями (изредка встречаются волотовидные навершия), рукояти — каннелированные и

(32/33)

гладкие. Наряду с реальными боевыми кинжалами при погребённых найдены кинжалы votivnye.

Уникальный бронзовый кинжал найден в кургане I могильника Дужерлиг-Ховузу I. Перекрестье этого акинака имеет загнутые округлые концы, рукоять прорезная (совмещённые треугольники, разделённые продольной перегородкой), навершие кольцевидное, на клинке — нервюра.

Биметаллический кинжал (рукоять бронзовая прорезная, клинок железный) найден пока в одном экземпляре в кургане 13 могильника Саглы-Бажи II. Между тем у северных соседей саглынцев — тагарских племён — биметаллические кинжалы в конце скифского времени имели, судя по всему, широкое распространение, и известно немалое их число [Членова, 1967б, с. 22-30; Дэвлет, 1968, с. 28-37]. Н.Л. Членова считает железные вещи у тагарцев привозными, М.А. Дэвлет (на наш взгляд, с большим основанием) — местными.

Находки из неграбленных курганов свидетельствуют о том, что кинжалы носились с правой стороны и помещались в кожаные ножны, имевшие в ряде случаев деревянную основу.

Саглынские кинжалы-акинаки господствовавшего типа имеют ближайшие аналогии на Алтае [Сорокин, 1969, рис. 9, 7], в Минусинской котловине [Членова, 1967б, табл. 4, 1-4, табл. 5, 17, 18], в Восточном Казахстане [Черников, 1960, табл. XVIII, 8].

Чеканы. Распространённое в саглынское время боевое оружие — чеканы на собственно саглынском этапе изготовлялись только из бронзы; на озен-ала-белигском этапе появляются железные чеканы, полностью повторяющие форму и размеры бронзовых. Среди находок представлены как натуральные чеканы, так и votivnye. Подразделяются саглынские чеканы на два основных типа: 1) проушные и втульчатые чеканы с плоским обушком и круглым в сечении бойком, часто гранёным в ударной части; 2) двубойковые чеканы с круглыми (очень редко — гранёными) в сечении бойками. Оригинальный боевой топорик найден при раскопках у горы Пош-Даг — он имеет плоский обушок и плоскую, срезанную под углом на конце бойковую часть [Маннай-оол, 1970б, с. 49, рис. 8, 1]. Судя по находкам чеканов в неграбленных промерзших усыпальницах, длина рукоятей была стандартной и составляла около 70 см. Нижняя часть рукояти нередко укреплялась бронзовыми втоками.

Как показывают многочисленные находки в неграбленных курганах саглынской культуры, чеканы носились воинами у пояса, рукоятью вниз, боевая часть (собственно чекан) непосредственно при поясе. Судя по находкам в кургане I могильника Саглы-Бажи II, относящемся к алтайской пазырыкской культуре, воины-пазырыкцы носили чеканы в кожаных чехлах, в которые вставлялись и рукояти, и сами чеканы.

По сообщению Геродота, «боевые секиры», сделанные «из меди», были одним из основных видов оружия массагетов [Геродот, 1972, с. 79]. Боевые топоры, называвшиеся «сагарис», были у скифов в широком ходу как в боевых операциях, так и в ритуальных действиях: сагарис фигурирует у Геродота при описании обряда клятвы — секира опускалась при этом в чашу с вином и кровью (Геродот, IV, 70), упоминается секира и в числе даров, упавших с неба и доставшихся Колаксаю, ставшему царём скифов (Геродот, IV, 5). Впрочем, боевые топоры скифов, обстоятельно исследованные А.И. Мелюковой [Мелюкова, 1964, с. 65-68, табл. XVI], как и топоры, изображённые на Персепопольском рельефе [Herzfeld, 1947, с. 287] и на ахеменидском цилиндре-печати [Minns, 1913, с. 61, рис. 23], существенно отличны от чеканов саглынских воинов. Отличны от саглынских и господствующие формы чеканов тагарской культуры, которые к тому же неизмеримо легче.

Наиболее близкие аналогии саглыным чеканам даёт соседний с Тувой и Монголией пазырыкский Алтай.

Наконечники стрел. В саглыных камерах-срубах найдено множество наконечников стрел: бронзовых, костяных и деревянных. Бронзовые наконечники стрел имеют следующие разновидности: трёхлопастные черешковые, трёхгранные черешковые, трёхгранные пирамидальные втульчатые, башневидные втульчатые с тремя жалцами. В неграбленых курганах обнаружены полные наборы в кожаных колчанах, куда стрелы помещались наконечниками вниз — к дну колчана. Древки стрел — деревянные, наконечники крепились на них сухожилиями, которые проклеивались.

Господствующий тип костяных наконечников стрел — трёхгранные черешковые (крепившиеся, как и бронзовые, на древках сухожилиями) и, реже, трёхгранные втульчатые. На костяных наконечниках встречены резные знаки, подобные тем, которые были зафиксированы на деревянных бляхах из алтайских находок [Полторацкая, 1962, с. 36-37].

Саглыные бронзовые и костяные наконечники стрел имеют широчайший круг аналогий на всем поясе степей Евразии.

Деревянные наконечники стрел (томары) имели округлую бойковую часть и предназначались для охоты на пушного зверя: поражая зверька, стрела должна была не попортить

(33/34)

шкурку (такое объяснение функции томаров подтверждается этнографическими параллелями с Алтая; см.: [Потапов, 1936, с. 62]). Ближайшие аналогии саглыных томаров находятся в сакских комплексах Памира [Бернштам, 1952, с. 301; Литвинский, 1972, с. 104-105, табл. 38].

Колчаные крюки и пряжки. Найдены вместе с колчанными наборами и ремнями. Крюки бронзовые, чаще всего комбинируются со специфическими бронзовыми же пряжками подчетырёхугольной формы.

Ножи. Подавляющее большинство ножей, найденных в погребениях саглыной культуры, — бронзовые пластинчатые с петлёй; находятся, как правило, при мужских захоронениях. На озен-алабелгском этапе появляются железные ножи.

Оселки. Встречаются в саглыных курганах гораздо реже, чем в алды-бельских комплексах. Обнаружены всего в нескольких случаях: например, в могильнике Куйлуг-Хем I (курган 9) и в могильнике у горы Пош-Даг [Маннай-оол, 1970б, рис. 13]. Насколько можно судить по имеющимся экземплярам, форма их отлична от алды-бельских: оселки раннескифского времени все узкотелые, саглыные же либо более широкие, либо имеют подтрапецевидную форму.

Конский убор. Предметы конского снаряжения в целом не характерны для сопроводительного инвентаря абсолютного большинства курганов саглыной культуры. Однако в могильнике Туран I (курган 93, раскопки С.А. Теплоухова, 1927 г. [Полторацкая, 1966, с. 83, 96-97, рис. 3; Маннай-оол, 1970б, с. 63, 68, рис. 17-18]) вместе с сопроводительным погребением конских голов были найдены предметы, весьма подробно характеризующие саглынский конский убор: двое шарнирных бронзовых кольчатых удиц, одни шарнирные железные кольчатые удила, при них S-видные двудырчатые бронзовые и железные псалии, железные кольца и бронзовые пронизки с четырьмя отверстиями и конусовидные костяные пронизки и пуговицы, роговые пряжки. В число предметов конского убора входил костяной предмет, напоминающий рукоятку нагайки, украшенный композицией в скифском зверином стиле. Найдены были и клыки кабана с отверстиями для подвешивания.

Рассмотрение предметов конского убора саглыной культуры показывает, что они относятся к числу вещей, широко распространённых в V-III вв. до н.э. на территориях расселения носителей самых разных археологических культур Великого пояса степей — это уже было справедливо отмечено В.Н. Полторацкой и М.Х. Маннай-оолом. Особенно близким является сходство предметов конской сбруи

саглынцеv с конским убором пазырыкцев Алтая — все предметы конского снаряжения из могильника Туран I полностью аналогичны алтайским находкам.

Керамика. Господствующий тип глиняной бытовой посуды — сосуды с бомбовидным туловом, плоским дном и вертикально профилированным горлом. Сосуды эти часто украшались рельефным налепным и гравированным орнаментом (встречены зигзаговидные и волотовидные мотивы, валиковый и «верёвочный» орнамент), а иногда и рельефными изображениями животных (Улангомский могильник [Волков, Новгородова, 1973, с. 499; Цэвэндорж, 1973, с. 27]). Обнаружены и сосуды с раскраской [Мандельштам, 1970, с. 183; Мандельштам, 1971, с. 217; Мандельштам, 1972, с. 281; Волков, Новгородова, 1974, с. 535; Волков, Новгородова, 1975, с. 557; Грач, 1978а, с. 220-221; Грач, 1978б]. Среди прочей саглынской керамики представлены круглодонные и плоскодонные сосуды с одной или двумя ручками, а также плоскодонные сосуды со слегка скруглёнными стенками, расширяющимися кверху и снабжёнными заплечиками. Можно констатировать, что керамика саглынцеv весьма своеобразна и резко отлична как от тагарской, так и от пазырыкской.

Деревянная посуда. Деревянные сосуды саглынской культуры сделаны в большинстве из корня берёзы. Основная серия деревянной посуды получена из промёрзших погребальных камер могильников Саглынской долины. Сосуды эти (как домашнего употребления, так и в основном походного назначения) подразделяются на четыре основные категории: круглодонные с ручкой, кубкообразные с ручкой, мисочки, блюда. Ближайшие аналогии деревянной посуде древних саглынцеv обнаружены в курганах скифского времени могильника Уландрык на Горном Алтае [Кубарев, 1972, табл. IV].

Бронзовые котелки. Такие котелки бомбовидной формы с круглыми ручками были найдены в саглынских курганах Тувы, в том числе один из них — М.Х. Маннай-оолом в кургане 7 могильника Ховужук [Маннай-оол, 1970, с. 42, рис. 5]. Подобный же бронзовый котелок, снабжённый, однако, поддоном, был найден во Втором Пазырыкском кургане и убедительно-интерпретирован С.И. Руденко как курильница [Руденко, 1952, с. 243-244, рис. 145]. Большинство аналогий этим предметам находится далеко за пределами Тувы и Алтая: в частности, такие бронзовые котелки были найдены при раскопках сакских погребений на Памире (могильник Аличур II, курган 3; могильник Харгуш II, курганы 3, 5) [Литвинский, 1972, с. 44-49, фото 14, 15, табл. 11-12,

(34/35)

13-15]. Памирские котелки сакского времени, датируемые V-III вв. до н.э., являются прототипами бронзового котелка из Северо-Западной Индии [Stein, 1944, с. 15-16, рис. 111а]. Котелки сходной формы найдены в Минусинской котловине [Членова, 1967б, табл. 16, 2], в Кемеровской области [Мартынов, Мартынова, Кулемзин, 1971, рис. 12], в Казахстане [Спасская, 1956, табл. 1, 23; Спасская, 1958, с. 181] и в степном Заволжье [Смирнов, 1964, с. 134-136, рис. 70Б, 10, 11]. По произведенной К.Ф. Смирновым классификации металлической посуды этого региона последние находки относятся к VI типу и датируются V в. до н.э.

Деревянный прибор для добывания огня трением. Обнаружен в кургане 9 могильника Саглы-Бажи II. Ко времени находки явился древнейшим из известных в Центральной Азии [Грач, 1966в, с. 28-32]. Впоследствии в кургане Аржан был найден ещё более древний деревянный прибор для добывания огня [Грязнов, Маннай-оол, 1974а, с. 197].

Зеркала. Бронзовые дисковые зеркала найдены как в мужских, так и в женских захоронениях. Господствующая форма зеркал — с боковой петельчатой дужкой (как показали находки из промёрзших курганов, зеркала носились у пояса в кожаных мешочках и подвешивались за дужку ремешком). Среди находок имеются зеркала с художественно оформленными дужками — мотив борьбы двух кошачьих хищников (Саглы-Бажи II); дужка в виде двух головок горных баранов (Туран IV) и сайгаков (Даган-Тэли I); дужка зеркала из могильника Мажалык-Ховузу I оформлена в виде головы бородатого мужчины. На оборотной стороне зеркал встречаются рельефные и линейные изображения (Мажалык-Ховузу I, Саглы-Бажи VI). Другие варианты зеркал — с ручкой, имеющей два отверстия, с центральной полукруглой дужкой, с центральной дужкой на четырёх шпёнках, медальоновидные. Изредка встречены

зеркала с бортиком и центральной дужкой — реликтовые образцы раннескифского времени (могильники Кюзленги I, Кок-эль).

Костяные пуговицы, застёжки и обоймы. Являлись частым элементом одежды саглынцеv. Обоймы нередко покрыты ювелирно исполненными высокохудожественными изображениями в стиле «загадочной картинки» (Туран I, Даган-Тэли I).

Бронзовые украшения одежды. Представлены крестовидными бляхами с окончаниями округлой формы; бляхами, изображающими счетверённые головки грифов (Саглы-Бажи II, Казылган); бляхами со спиральным орнаментом; бляхами, изображавшими горного барана, свернувшегося в кольцо (Дужерлиг-Ховузу I).

Бронзовые ворворки. Сделаны в форме усечённого конуса, в большинстве случаев найдены с остатками кожаных ремней внутри полости.

Бронзовые пряжки. Имеют округлый приёмник и подчетырёхугольную рамку, иногда оформлены в скифском зверином стиле (изображения горных баранов или хищника с разверзтой пастью). На озенала-белигском этапе часто встречаются пряжки с неподвижными язычками.

Поясные роговые бляхи. Подобные бляхи являются одной из наиболее часто встречаемых в саглыньских погребениях принадлежностей поясного набора; носились на середине пояса. Форма их различна — подчетырёхугольная, подтрапециевидная, округлая. Некоторые из блях покрыты высокохудожественной резьбой (Саглы-Бажи II, Даган-Тэли I).

Против существующего объяснения этих предметов как поясных блях недавно выступила Э.А. Новгородова. Рассмотрев три пластины из Улангомского могильника, она интерпретировала их как предметы защитного вооружения [Новгородова, 1975, с. 223-228], аргументируя это тем, что пластины тонкие, имеют слишком много отверстий и на их тыльной необработанной стороне обнаружены остатки кожаных креплений. «Тот факт, — пишет Э.А. Новгородова, — что подобные находки единичны, показывает, что в Центральной Азии в середине I тыс. до н.э. пластинчатый доспех не был широко распространён» [Новгородова, 1975, с. 225]. Находки из непогребённых погребений могильников Саглы-Бажи II, Даган-Тэли I, где пластины этого типа были найдены каждый раз в одном экземпляре на поясах погребённых, не позволяют принять гипотезу Э.А. Новгородовой.

Поясные бронзовые бляхи. Носились на середине пояса, на животе, попарно (Дужерлиг-Ховузу I, курган 1) и одиночно (Саглы-Бажи I, курган 3; Даган-Тэли I, курган 3). Изображают кошачьего хищника с головой горного козла в зубах или сцену борьбы двух кошачьих хищников. Судя по датировке неграбленных комплексов, в которых эти вещи обнаружены, они были распространены на всем протяжении саглыньской культуры.

Шилья. В подавляющем большинстве — бронзовые, трёхгранные, со шляпковидным навершием.

Кожаные несессеры. Найдены при поясе погребённых, в них часто носились одновременно зеркало, нож и шило.

Золотые кокарды. Форма круглая, имеются отверстия для нашивания, отштампованы изображения голов хищных птиц — триквестры (Саглы-Бажи II, курган 3; Дужерлиг-Ховузу I,

(35/36)

курган 2). Судя по датировке неграбленных комплексов, в составе которых они были обнаружены, имели распространение на всём протяжении саглыньской культуры.

Золотые нашивные бляшки. Сделаны из тонкого золотого листа, всегда имеют отверстия для нашивания на одежду. Изготавливались путём набивания золотой фольги на шаблон, затем лист подрезался по необходимой форме. Бляшки эти имеют много разновидностей: одни изображают орлов с распростёртыми крыльями и повернутой в сторону головой (Туран IV, Урбюн III), другие — идущих кошачьих хищников (Куйлуг-Хем I, Урбюн III, Алды-Ишкин), третьи — головки антилоп (Туран IV);

имеются бляшки листовидной, цветковидной и подтреугольной формы (могильники Уюкской и Улуг-Хемской котловин).

Шпильки. Изготавливались из бронзы, на озен-ала-белигском этапе — из железа. Обложены золотом. В могильнике Уюк I встречена шпилька с навершием в виде головы хищной птицы, в могильнике Туран IV — шпилька с навершием в виде фигурки горного козла. Предметы эти — женского обихода.

Золотые пекторали. Такие пекторали, имевшие форму полумесяца и снабженные двумя отверстиями, встречены в двух случаях (могильник Куйлуг-Хем I, курган 5 и могильник Хемчик-Бом IV, курган 1).

Гривны. Изготавливались из бронзы и серебра. Как свидетельствуют находки из непогребенных захоронений (Дужерлиг-Ховузу I, курган 2), гривны носились взрослыми воинами. Концы гривен соединялись тонкими кожаными ремешками.

Серьги. Изготавливались из золота, бронзы и серебра. Бронзовые и серебряные серьги — простые, золотые — весьма тонкой работы, с длинными цепочками и различных форм концевыми подвесками.

Охотничьи амулеты. Представлены наборами просверленных клыков диких животных, убитых на охоте, — кабана, антилопы-кабарги, марала, медведя, волка, а также копытовидными костяными подвесками, имеющими отверстия для продевания тонкого ремешка или нитки. Носились на груди мужчинами.

Антропоморфные амулеты. Такие амулеты, изготовленные из кости, носились женщинами и изображали великую богиню — мать всего сущего (подробно см. в гл. VII).

Раковины каури. Встречены как натуральные раковины, так и их гипсовые и костяные имитации. Каури (иначе называется фарфоровка или ужовка) относится к морским брюхоногим моллюскам семейства ципрей (*Monetaria moneta* и, частично, *Mannalus*). Зоны обитания — тропические части Индийского и Тихого океанов; добывались главным образом у Мальдивских островов. Во многих районах мира (у древних и почти современных народов Азии, Африки и Океании, в древности — в Европе) каури служили раковинными деньгами и украшениями, а также амулетами.

Бусы. Представлены в абсолютном большинстве в женских захоронениях. В наборах имеются бусы аргиллитовые, агальматолитовые, очень редко бирюзовые и сердоликовые, имеются также бусы западного происхождения — пастовые глазчатые.

Сопроводительный инвентарь, охарактеризованный выше, позволяет надёжно датировать памятники саглынской культуры V-III вв. до н.э. Вместе с тем в некоторых курганах саглынской культуры были обнаружены предметы сопроводительного инвентаря, датирующиеся сами по себе более ранним временем, чем V-III вв. до н.э.

Одна из относительно ранних групп инвентаря была обнаружена в едином комплексе С.И. Вайнштейном при раскопках кургана 48 могильника Кок-эль [Вайнштейн, 1966а, с. 160-164, рис. 16-18, табл. VII-X, 2, 3, 5, 7, 8]: кинжал с перекрестием промежуточного варианта от почковидного к крыловидному, зеркало с высоким бортиком и центральной дужкой, оселок; остальные вещи этого комплекса — чекан, ножи, шилья, наконечник стрелы, бронзовое украшение в виде головы козерога, золотые нашивные украшения, — по нашему мнению, могут датироваться и более поздним временем, чем перечисленные вначале вещи VII-VI вв. до н.э. (к тому же среди инвентаря имеется железная булава, обложенная золотом).

Зеркало с бортиком и центральной дужкой было найдено при раскопках кургана 1 с коллективной камерой-срубом могильника Кюзленги I в Саглынской долине. Однако эта находка не даёт оснований для понижения даты комплекса, так как предмет явно был в употреблении очень долгое время, а остальной инвентарь укладывается в пределы V-IV вв. до н.э. (среди инвентаря найдена и железная бусина с золотой инкрустацией).

Нам уже приходилось указывать, что при выделении историко-археологических зон, занятых этническими группами — племенами и союзами племен, оставившими конкретные археологические

культуры скифского времени, важное значение имеет наличие в каждой такой зоне «царских» курганов, сочетающихся с курганами, которые были оставлены другими социальными категориями населения. Примерами такого сочетания в общем синхронных и в целом монокультурных групп являются алтайский пазырык, тувинский алды-бель, казахстанский

(36/37)

бесшатыр. Еще не найдены «царские» курганы казахстанской тасмола, не раскопаны и сколько-нибудь представительные погребения среднего слоя в Восточном Казахстане, которые можно было бы сопоставить с Чиликтинскими «царскими» курганами.

Неизвестны пока и «царские» курганы саглынской культуры в Туве. Имеются ли они, и если имеются, то где находятся? Маршрутные исследования позволяют полагать, что на территориях Центральной Тувы, в Бай-Тайге и бассейне Кара-Холя, в Западном Овьере таких курганов нет (крупномасштабные курганные сооружения, принадлежность которых к саглынской культуре не исключена, обнаружены только в долине Хендерге). [6] Перспективным районом поисков этих курганов являются сопредельные с Тувой территории Северо-Западной Монголии (как будет показано ниже, теперь можно считать доказанным, что зона распространения памятников саглынской культуры охватывала и эту территорию).

На территории Завханского аймака МНР, в местности Воргоин-гол (Нумрэг-сомон), К.В. Вяткиной был обнаружен огромный каменный курган, имеющий, по-видимому, подовальную форму (размеры его, указываемые К.В. Вяткиной, — высота 3 м, «окружность» 150 м) и внешнее кольцо [Вяткина, 1959, с. 97, рис. 5].

Крупное курганное сооружение было осмотрено нами в Убса-Нурском аймаке Северо-Западной Монголии на южном берегу оз. Урюк-Нур при визуальном обследовании памятников, расположенных по маршруту Хандагайты — перевал Улан-Даба — Монгун-Тайга. Памятник этот представляет собой херексур с подквадратным ограждением, размеры центрального сооружения по основным осям — 18,6 и 21,9 м, высота от дневной поверхности около 2 м, размеры ограждения 31х25 м, ориентация ограждения сторонами на СЗ, СВ, ЮЗ, ЮВ. К херексуру примыкает сложная система кольцевых выкладок с юго-восточной стороны ограждения — здесь выкладки образуют четыре ряда. В 50 м к северо-востоку от этого херексура находится херексур меньших размеров с кольцевым ограждением (диаметр центрального сооружения 15 м, диаметр ограждения 29 м). Курган, ограждение и выкладки сложены из крупных обломков горных пород.

Решить вопрос о принадлежности этих памятников представителям высшего социального слоя носителей саглынской культуры и об их культовом значении можно, разумеется, только после раскопок. В то же время приведенные факты документируют наличие крупномасштабных курганных сооружений на территориях, непосредственно прилегающих к Туве. Исследования этих и подобных комплексов представляются делом настоятельной необходимости.

В свое время нам уже приходилось обращать внимание на то, что ареал памятников саглынского типа охватывает и территории Северо-Западной Монголии; одновременно было отмечено, что в 1957, 1958, 1961 гг. нам довелось видеть курганы этого типа на территории Убса-Нурского аймака, и было высказано убеждение в перспективности их исследования [Грач, 1968 г. с. 18]. Первые раскопки этих памятников, проведенные в 1972-1974 гг. советско-монгольской историко-культурной экспедицией (руководитель В.В. Волков) в связи со строительными работами в окрестностях г. Улангома (долина р. Хархира-Гол к юго-западу от оз. Убса-Нур), принесли результаты первостепенного научного значения [Волков, Новгородова, 1973, с. 498-499; Волков, Новгородова, 1974, с. 535-536; Волков, Новгородова, 1975, с. 557-558; Цэвэндорж, 1973, с. 26-27]. Советские и монгольские археологи открыли здесь коллективные погребения в камерах-срубках, среди которых имеются комплексы, относящиеся к озен-ала-белигскому этапу саглынской культуры, и погребения улуг-хемской культуры в каменных ящиках.

Помимо обычных для саглынских погребений комплектов сопроводительного инвентаря обнаружен глиняный сосуд типичной для саглынских курганов формы, но с уникальными изображениями — наклепными фигурами двух горных козлов и марала с «древовидными» рогами. Находка этих изображений исключительно важна еще и потому, что датирует скифским временем «пласты»

наскальных изображений, хронологическое определение которых до этой находки не представлялось возможным.

В итоге поисков последних лет было установлено, что памятники саглынской культуры имеются и на территории Алтая. Среди 10 курганов, раскопанных Д.Г. Савиновым в 1973 г. на могильнике Узунтал II, восемь были пазырыкского типа (коллективные захоронения в подквадратных и подчетырёхугольных камерах, положение погребённых — скорченное, на левом боку, ориентировка — головой на СВ, сопроводительные погребения коней на приступке), и 2 содержали типичные саглынские комплексы [Савинов, 1974, с. 220-221; Савинов, 1975, с. 49-50]. На могильнике Узунтал II, как и в Туве, это коллективные захоронения в подквадратном срубе, ориентирован-

(37/38)

ном сторонами на СЗ, СВ, ЮЗ, ЮВ. Положение погребённых в срубах — скорченное, на левом боку, ориентировка — головами на СЗ, в головах камни — «подушки», в камеры ведут подхоронительные ходы.

Значение открытия, сделанного Д.Г. Савиновым, тем более велико, что им раскопана серия неграбленных комплексов.

Пристального внимания заслуживает и факт, документирующий проникновение пазырыкцев Алтая на территорию Тувы. В пределах могильника Саглы-Бажи II обнаружен и раскопан пока единственный в Туве комплекс пазырыкской культуры (курган 1). Погребальный обряд этого комплекса отличен от саглынского и представляет алтайский вариант погребений скифского времени в Туве: погребение в камере-срубе, ориентация камеры — сторонами по странам света, положение погребённых — с подогнутыми ногами, на правом боку, ориентировка — головами на восток, наличествует сопроводительное захоронение коней в убранстве.

Вопрос о взаимоотношении пазырыкских памятников алтайского типа и саглынских памятников центральноазиатского — тувинского типа представляется весьма важным. В будущем предстоит выяснить, было ли это дружественное взаимопроникновение несомненно родственных групп или это было проникновение иного рода.

Сопоставив алды-бельские памятники с более поздними саглынскими, легко заметить их резкое различие — как по конструкции и определяющим чертам погребального обряда, так и по комплектности сопроводительного инвентаря.

Итак, раннескифское время в Туве завершилось сменой археологических культур, и это явление заслуживает самого пристального внимания. Смена археологических культур свидетельствует об изменениях в этнической картине, о вытеснении алды-бельцев саглынцами — новыми хозяевами территорий в центре Азиатского материка. Однако если «вертикальное» развитие алды-бельской культуры в Туве было прервано, то «горизонтальные» отношения алды-бельцев с культурами, расположенными по соседству и далеко к западу и юго-западу от Тувы, позволяют проследить разительное сходство. Это сходство выявляется главным образом при сопоставлении комплектов инвентаря алды-бельских курганов с алтайским майэмиром и с памятниками тасмолинской культуры Казахстана. В то же время нельзя не отметить, что конструкция и погребальный ритуал курганов тасмолинской культуры отличны от алды-беля.

Саглынская культура просуществовала вплоть до рубежа гунно-сарматского времени, наступившего во второй половине III в. до н.э. Гунно-сарматское время стало эпохой крупных этнических перемен: в Туве распространяются памятники улуг-хемской культуры, в целом ряде случаев стратиграфически перекрывающие саглынские комплексы [Грач, 1971, с. 99-100], и памятники собственно хунну [Грач, 1971, с. 100-102; Мандельштам, 1975б, с. 4-5], а позднее — и памятники кок-эльского типа.

[1] Раскопки памятников скифского времени, произведённые в разных районах азиатских степей, показывают, что в VII-VI вв. до н.э. бирюза была в числе излюбленных полудрагоценных камней. По-видимому, уже в скифское время бирюзовые изделия наделялись различными благодетельными свойствами. В более поздние времена многие народы Востока

приписывали бирюзе качества самого сильного оберега [Пругер, 1971, с.118-119; Семёнов, 1912, с.298].

[2] Сердолик является разновидностью халцедона — полупрозрачного просвечивающего минерала. В древности сердолику во многих регионах Евразии приписывались чудодейственные свойства. В своей работе об «археологическом» сердолике В.И. Марковин пишет: «Сердолик, камень живого, охристого, приятного тона, не мог ли он считаться в эпоху бронзы близким солнцу; оберегать живое от смерти, болезней, даровать счастье и покой, т.е. исполнять те же функции, какими наделяло его древнее население Востока, средневековые жители кавказских гор и европейских городов?» [Марковин, 1965, с. 274; ср.: Ферсман, 1922].

[3] Попытка определения дендрохронологии Аржана была сделана Е.И. Захариевой [Захариева, 1974; Захариева, 1976].

[4] Уже после того как эта книга была полностью подготовлена к печати, А.В. Виноградов раскопал в долине р. Усту-Ишкин алды-бельский комплекс, несомненно синхронный Аржану (исследования проводились во время полевого сезона 1976 г. на могильнике Усть-Хадынныг I, курган 4). Датировка кургана, содержавшего 5 погребений в подчетырёхугольных срубках (в том числе одно неограбленное), устанавливается по находкам чекана, наконечников стрел – втульчатых (листовидного, башневидного), трёхлопастных с расщепленной втулкой и с усечённым черешком, а также деревянных томаров; найден также уникальный пояс с наборными бронзовыми бляхами с изображениями горных козлов и хищных птиц и костяное навершие в виде лошадиной головы [Виноградов, 1977]. В 1977 г. раскопки алды-бельских комплексов на Усть-Хадынныге были продолжены [Виноградов, 1978]. Таким образом, заполнение имевшейся лакуны началось, и суждение о месте Аржана в пределах памятников алды-бельской культуры получило подтверждение.

[5] После работы, проделанной С.А. Теплоуховым и Г.П. Сосновским, классификацией инвентаря скифского времени Тувы занимались Л.Р. Кызласов [Кызласов, 1958б, с. 75-79, табл. II], С.И. Вайнштейн [Вайнштейн, 1958, табл. IV], Н.Л. Членова [Членова, 1961, с. 133-155], В.И. Полторацкая [Полторацкая, 1966, с. 92-100], М.Х. Маннай-оол [Маннай-оол, 1970б, с. 46-76], обобщившие материал, известный ко времени написания их исследований.

[6] Наше старое предположение о том, что Улуг-Хорум в долине Саглы содержит царское захоронение скифского времени [Грач, 1967 г., с.231], не подтвердилось. Саглынский Улуг-Хорум – это курган-храм солнца, под которым могильной ямы не оказалось.

Глава V. К характеристике хозяйства древних кочевников.

Основной задачей реконструкции хозяйственного уклада племён Тувы скифского времени является определение того, к какому хозяйственно-культурному типу относилось их скотоводство — было ли оно кочевым, полукочевым или пастушеским.

Вопрос о хозяйственно-культурных типах и историко-археологических (историко-этнографических) областях был в своё время разработан известными советскими этнографами и антропологами М.Г. Левиным и Н.Н. Чебоксаровым [Левин, Чебоксаров, 1955, с. 3-17; см. также: Левин, Токарев, 1953, с. 148-156; Андрианов, 1968, с. 29-34; Андрианов, Чебоксаров, 1972, с. 15-25; Чеснов, 1970, с. 15-25; Хазанов, Арутюнов, 1979, с. 140-158]. Основные положения работы М.Г. Левина и Н.Н. Чебоксарова были направлены против концепций так называемой культурно-исторической школы (Гребнер, Шмидт, Анкерман), объяснявшей сходство в культуре различных народов наличием «культурных кругов» и «культурных комплексов», ведших своё происхождение из определённых центров. М.Г. Левин и Н.Н. Чебоксаров полемизировали и со школой диффузионистов, настаивавших на распространении культурных элементов независимо один от другого (учение о «моделях культуры»).

В итоге рассмотрения обширного археологического, этнографического и антропологического материала М.Г. Левин и Н.Н. Чебоксаров пришли к важным выводам, которые вкратце могут быть резюмированы

следующим образом: связь (соотношение) между хозяйственно-культурным типом и языковой общностью, по всей видимости, отсутствует; связь (соотношение) между историко-этнографической областью и антропологическим составом населения может существовать.

В качестве особого хозяйственно-культурного типа М.Г. Левин и Н.Н. Чебоксаров выделяют кочевников-скотоводов, появившихся на рубеже классового общества в I тысячелетии до н.э. Основные и универсальные признаки этого хозяйственно-культурного типа, по М.Г. Левину и Н.Н. Чебоксарову, таковы: «Хозяйство... высоко специализировано; как показывает самоё название этого типа, он связан с кочевым образом жизни, что в свою очередь накладывает глубокий отпечаток на всю культуру кочевников. Разводят главным образом лошадей, крупный и мелкий рогатый скот (особенно овец); в некоторых областях большую хозяйственную роль играет также разведение верблюдов... Основу питания составляет мясная и молочная пища, в связи с чем способы изготовления молочных продуктов очень разнообразны (различные виды квашеного молока и сыр, приготовление из молока опьяняющих напитков и т.д.). Главный тип жилища — переносный шатёр (форма его варьирует), крытый полотнищами из шерсти (ткаными или валяными) или, реже, кожей. Утварь преимущественно кожаная; гончарство, как правило, отсутствует. Если из древних народов характерными представителями этого типа можно считать скифов-кочевников и сарматов, то из современных народов к нему следует отнести монголов и часть туркмен (до периода социалистической реконструкции их хозяйства), кочевые иранские, тюркские и арабские племена стран Передней Азии и Северной Африки. Сюда же относятся, в известной степени, некоторые народы Восточной и Южной Африки» [Левин, Чебоксаров, 1955, с. 9].

Определение хозяйственно-культурного типа кочевников, данное М.Г. Левиным и Н.Н. Чебоксаровым, следует признать одним из лучших в современной литературе. В то же время, при-

(39/40)

менительно к кочевникам древности, это определение нуждается, с нашей точки зрения, в некоторых дополнениях и коррективах. Так, следует подчеркнуть, во-первых, разнообразие не только молочной, но и мясной пищи — в кочевых обществах Сибири и Центральной Азии вплоть до этнографической современности ассортимент пищевых изделий из мяса и внутренностей даже превосходил ассортимент видов молочной пищи. Во-вторых, археологические комплексы скифского времени Тувы и Алтая, как и других территорий Евразии, показывают, что кочевой быт не был препятствием для распространения керамических сосудов. Наконец, неправомерно не замечать очень широкого распространения у кочевников деревянной, а также берестяной посуды — такая посуда бытовала в Центральной Азии и на Алтае в скифское, гунно-сарматское и древнетюркское время, и подобное положение сохранилось вплоть до XIX-XX вв.

Приведённое выше определение хозяйственно-культурного типа в общем и целом применимо для характеристики кочевых племён скифского времени, обитавших на территории Великого пояса степей. Хозяйственно-культурный тип этой громадной зоны был единым, историко-этнографические области, получившие отражение в различии археологических культур и их вариантов, были разными.

При реконструкции древних форм кочевого хозяйства важное значение имеет метод сопоставления археологических данных с материалами по позднейшим кочевникам. Наиболее надёжные параллели даёт сопоставление данных археологии и этнографии, полученных в сходных (однотипных) экологических зонах. Многочисленные примеры подобных сопоставлений приводит, в частности, Г.Е. Марков [Марков, 1976]. Следует указать, что при проведении сопоставлений необходимы разумные коррективы, учитывающие диалектическое развитие общества и изменения экологической среды.

Исходя из этого, представляется вполне правомерным, рассматривая хозяйство кочевников Центральной Азии скифского времени, принимать во внимание конкретные формы кочевого хозяйства позднейших тувинцев, монголов и других народов, живущих в этом историко-географическом регионе.

Надёжным историко-этнографическим индикатором кочевого образа жизни древних племён справедливо считается присутствие в погребениях предметов конского убора или сопроводительных захоронений коней. Этот индикатор надёжно «работает» при интерпретации памятников самых разных

исторических эпох — от скифского времени до средневековья и нового времени. В то же время нельзя не отметить, что есть отдельные исключения из правила: например, погребальный обряд кочевников-хунну не предусматривал помещение в погребения сопроводительных конских захоронений или предметов конского убора.

Другим важным индикатором, свидетельствующим о кочевом образе жизни, является наличие в погребениях остатков различных частей бараньих туш.

Говоря о хозяйстве «уюкских» племён Тувы, Л.Р. Кызласов отметил его комплексный характер и указал на наличие скотоводства (по Л.Р. Кызласову, яйлажного), земледелия, а также охоты (в качестве подсобного промысла). Характеризуя образ жизни племён скифского времени Тувы, Л.Р. Кызласов решительно выступал против реконструкции его как кочевого. При этом Л.Р. Кызласов исходил из того, что в известных ко времени написания его работы погребениях скифского времени не были, за исключением одного случая, обнаружены предметы конской сбруи и сопроводительные погребения коней в убранстве. Это и породило вывод Л.Р. Кызласова, сводившийся к тому, что «ни одного погребения скифского времени с конём в Туве нет» [Кызласов, 1958б, с. 87].

Не прошло и года со времени публикации этого вывода, как преждевременность его стала очевидной: в Саглы было раскопано погребение пазырыцкого типа с сопроводительными захоронениями коней. Позднее в Уюкской долине было сделано выдающееся археологическое открытие: раскопан курган Аржан, где находилось более 160 сопроводительных захоронений коней.

Во многих случаях в курганах саглынской культуры обнаружены остатки ритуальной пищи, представленной костями овец. Так, 19 бараньих черепов найдены при раскопках могильника Туран I (вместе с козыми черепами); черепа, кости курдюков, лопатки, рёбра и другие кости овец найдены в могильниках Мажалык-Ховузу I, II, III и других могильниках.

Таким образом, несостоятельность тезиса, исключающего Туву из ареала расселения древних кочевников, в настоящее время стала полностью очевидной. Археологические материалы дают неоспоримую серию доказательств, что Тува уже в раннескифское время была одной из зон распространения кочевого скотоводства как хозяйственно-культурного типа.

Курганные находки дают вполне ясное представление о составе стада у древних кочевников Тувы и свидетельствуют, что он полностью соответствовал составу стада, до сих пор доминирующему в Центральной Азии. Большую роль играла лошадь, являвшаяся ездовым и тягловым животным. Основу поголовья домашнего скота составляли овцы. Именно

(40/41)

в эпоху древних кочевников доминирующим стало разведение мясных жирнохвостых овец [Кызыл-оол, 1975, с. 40-56]. Из шерсти овец изготавливались ткани, образцы которых сохранились в промёрзших курганных усыпальницах. Дошли до нас и фрагменты превосходно изготовленной кошмы. Второе место среди мелкого рогатого скота занимали козы. В курганах Тувы найдены и кости коровы, однако находки эти единичны и численно неизмеримо уступают находкам костей овец.

Развитию скотоводства в Туве способствовали природные условия: на пастбищные угодья, по современным данным, приходится до 25% территории и до 99% всей природной кормовой площади [Лысенков, 1969, с. 83; Варварин, 1950]. Общая площадь пастбищ Тувы составляет, по одним данным, 6,9 млн. га [Лысенков, 1958, с. 153], по другим данным, — до 5-7 млн. га [Соскин, 1958, с. 68]. По классам пастбища Тувы подразделяются на низинные речных долин и приозёрных окраин, плоскогорные полупустынно-степного пояса, горносклоновые лесостепного пояса, высокогорные субальпийского и альпийского пояса [Лысенков, 1969, с. 84-85].

Обнаруживается корреляция зон расположения классов пастбищ и курганных могильников скифского времени и других исторических эпох: курганы локализуются только на пастбищах первых трёх классов, а на субальпийских и альпийских лугах, как правило, не встречаются.

В настоящее время мы не располагаем данными о форме и устройстве переносных жилищ древних кочевников Тувы. Однако на соседнем с Тувой Алтае — в Пятом Пазырыкском кургане обнаружено решётчатое устройство, убедительно интерпретированное М.П. Грязновым как детали крыши войлочной юрты (С.И. Руденко считал частями переносного жилища детали, оказавшиеся, по М.П. Грязнову, верхом колесницы, обнаруженной в том же кургане) [Грязнов, 1960, с. 29; Руденко, 1953, с. 232-234].

Особого внимания заслуживает вопрос о деревянных наземных жилищах, подобием которых являются погребальные камеры-срубы скифского времени — скрытые глубоко под землёй «дома для мёртвых», сооружение которых отличалось высокой и весьма разработанной техникой.

Камеры-срубы могильников Саглынской долины, как и камеры-срубы многих других могильников скифского времени в Туве, сложены из лиственничных стволов и брусьев. Лиственница (*Larix sibirica* Ledeb) является наиболее крупным деревом в Сибири, имеет широкую пирамидальную крону, в нижней части стволы её конусовидно утолщены, высота стволов 40-45 м, диаметр до 1,75 м. В лесах Тувы лиственница занимает очень значительное место: в различных районах участие лиственницы в древостоях колеблется от 50 до 70%. Общая площадь лиственничников достигает 4337,3 тыс. га, или 54,6% всех лесных массивов. Исследователи-лесоводы отмечают, что нижняя граница распространения лиственницы в Туве непостоянна и зависит от экспозиции склонов гор: на северных склонах лиственница поднимается до 800-1100 м, на южных склонах — до 1500-1650 м, при этом чем далее на юго-запад, тем граница эта выше [Коропачинский, Сковрцова, 1966, с. 41-43].

Выбор лиственницы для сооружения камер-срубов и, вероятно, для сооружения жилищ диктовался высокими качествами лиственницы — её прочностью и способностью к длительной консервации.

Лиственничные брёвна для сооружения усыпальниц Саглынской долины доставлялись скорее всего с северных отрогов возвышенности Даган-Тэли, обрамляющей большую часть долины с юга, а также с отрогов основной цепи хребта Цаган-Шибэту, где и сейчас имеются большие лиственничные массивы (южные отроги Танну-Ола в этом районе безлесны). При доставке брёвен оттуда не требовалось преодолевать высокие перевалы, чем достигалась значительная экономия затрат труда. Исходя из этих соображений, следует исключить возможность доставки леса с северных отрогов хребта Танну-Ола — это потребовало бы несоизмеримо больших усилий и преодоления значительных по высоте перевалов.

Брёвна для сооружения погребальных камер-срубов доставлялись с применением тягловой силы — об этом говорят внушительные размеры и солидный вес брёвен, обнаруженных при раскопках. Об этом же свидетельствует наличие проушин в концах брёвен, зафиксированных при раскопках камеры-сруба кургана 9 могильника Саглы-Бажи II. Интересно, что эти проушины совершенно идентичны тем, которые были отмечены С.И. Руденко при исследовании больших Пазырыкских курганов [Руденко, 1953, с. 231-232] и К.А. Акишевым при демонтаже камер Бешатыра [Акишев, 1963, с. 80-82, рис. 68-69]. В качестве тягловой силы использовались лошади, а возможно, и быки.

Монтировались срубы, как уже указывалось, непосредственно в могильных ямах. Специальные исследования показали, что обработка брёвен, составлявших внутреннюю основу кургана Аржан, производилась маленькими и лёгкими бронзовыми кельтами с шириной лезвия 30-61 мм [Немировская, 1975, с. 207-211].

(41/42)

Бронзовыми кельтами обрабатывались и брёвна саглынских усыпальниц — следы применения этих орудий отлично сохранились благодаря мерзлоте. Обработка дерева строителями скифского времени Тувы во многом аналогична приёмам обработки дерева, применявшимся пазырыкцами Алтая [Семёнов, 1956, с. 204; Грязнов, 1950, с. 44].

О стремлении к сохранению бронзовых орудий от износа свидетельствует своеобразный технический приём — выжигание сучков на брусках, плахах и бревнах срубов как алды-бельской, так и саглынской культуры. Этот приём был зафиксирован нами и при исследовании могильников раннескифского времени (Алды-Бель I, Хемчик-Бом III; выжигание сучков применялось и при сооружении Аржана), и при изучении всех без исключения могильников саглынской культуры (Саглы-Бажи II, IV, VI, Улуг-Оймак I и II, Урбюн III, Хемчик-Бом I, IV, Мажалык-Ховузу I, II и др.). Данный приём имел

распространение и далеко за пределами Тувы; он был, в частности, отмечен нами при раскопках курганов сарагашенского этапа в могильнике Туран II. Подавляющее большинство металлических предметов, обнаруженных при раскопках этого могильника, в целом синхронного могильнику Саглы-Бажи II и аналогичным ему памятникам Тувы, было сделано из бронзы. Таким образом, подмечаемая закономерность, сводящаяся к сохранению бронзовых орудий и отражающая техническую ограниченность их применения при обработке твёрдых материалов, прослеживается не только среди памятников скифского времени Центральной Азии, но и на Среднем Енисее — среди тагарских объектов Минусинской котловины.

Объекты скифского времени свидетельствуют о том, что весьма совершенные приёмы обработки дерева и строительства деревянных сооружений у народов Саяно-Алтая и Центральной Азии имеют глубокую древность. Этнографические наблюдения показывают, что строительство зимних убежищ является в Центральной Азии одним из неперенных элементов кочевого скотоводства. Так, у тувинцев сооружение зимников производится повсеместно и имеет давнюю традицию. Монголы также сооружали зимники.

Н.М. Пржевальский и В.И. Роборовский наблюдали деревянные жилища, сооружённые наньшаньскими тангутами-кочевниками в горах Тэтунг (Ганьсу). Н.М. Пржевальский отмечает, что эти жилища сооружались из тонких брёвен, часто без рубки; щели замазывались глиной; в центре крыши находился подквадратный световой люк, служивший одновременно и для выхода дыма (люк прикрывался «ставней»). Эти жилища, описанные Н.М. Пржевальским, являлись, по-видимому, зимниками, основным же жилищем тангутам служили палатки, в которых, как пишет исследователь, «невозможно укрыться от дождя и холода» [Пржевальский, 1883, с. 416; рисунок «тангутской избы», выполненный В.И. Роборовским, помещён между с. 416-417].

Необходимость сооружения зимников была продиктована прежде всего суровыми климатическими условиями Тувы и сопредельных территорий Центральной Азии. В Тувинской котловине среднегодовая температура отрицательна (— 4,6° С). Морозы здесь доходят до — 58°, максимальная плюсовая температура 38°, и амплитуда крайних температур составляет 96°. Б.Н. Лиханов отмечает, что такие колебания на данных широтах земного шара нигде более не наблюдаются [Лиханов, 1958, с. 179].

С деревянным строительством были знакомы не только кочевые племена скифского времени и XIX в. Вряд ли кто-нибудь станет сомневаться в том, что центральноазиатские хунну (сюнну) были кочевниками: кочевой уклад их жизни надёжно подтверждается свидетельствами письменных источников. В «Исторических записках» Сыма Цяня читаем: «В поисках воды и травы (они) переходят с места на место, и ... у них нет городов, обнесённых внутренними и наружными стенами, нет постоянного местожительства и они не занимаются обработкой полей». Далее указывается: «... в мирное время они следуют за скотом и одновременно охотятся на птиц и зверей, поддерживая таким образом своё существование» [Материалы по истории сюнну, 1968, с. 34]. В переводе Н.Я. Бичурина кочевничество хунну подчеркнуто ещё сильнее: «Не имеют ни городов, ни осёдлости, ни земледелия» [Бичурин, 1950, с. 40].

В то же время комплексное рассмотрение письменных источников и археологических данных позволяет сделать надёжное заключение о том, что хунну превосходно владели приёмами деревянного строительства — в соответствии с нормами их погребального обряда гробы с телами погребённых находились внутри подчетырёхугольных срубов, помещавшихся на большой глубине под каменными наземными сооружениями весьма сложной конструкции [Руденко, 1962а, с. 6-23, рис. 5-8, 10-21, табл. II-III; Коновалов, 1975а, с. 10-13; Коновалов, 1975б; Коновалов, 1976; Грач, 1971, с. 100-101; Мандельштам, 1975б, с. 232].

Приведённых данных, на наш взгляд, достаточно для того, чтобы, во-первых, констатировать глубокие традиции сооружения кочевниками Центральной Азии деревянных строе-

(42/43)

ний — традиции, тянущиеся от скифского времени до современности, и, во-вторых, квалифицировать деревянные строения как необходимый и специфический элемент в сезонном цикле перекочёвок. Нельзя

не вспомнить в связи с этим прозорливое замечание С.П. Толстова об элементах осёдлости, которые «всегда сопровождают кочевое скотоводческое общество» [Толстов, 1934, с. 171].

Хозяйственный уклад древних кочевников Тувы и сопредельных территорий Центральной Азии, по-видимому, характеризовался кочеванием по маршрутам строго традиционным, выработанным на протяжении жизни многих поколений; скот круглый год содержался на подножном корму, существовали стационарные зимники; регулярного земледелия не было. Вопрос о том, откуда получали древние кочевники наших территорий сельскохозяйственную продукцию, остаётся открытым. Не исключена возможность, что её производили подчинённые племена.

Основным ездовым животным, как уже говорилось, была лошадь. Что же касается формы повозок или колесниц у древних кочевников Тувы и Северо-Западной Монголии, то прямых данных на этот счёт пока нет. Однако уже в эпоху бронзы на этих территориях имели распространение колесницы — об этом свидетельствуют наскальные изображения Мугур-Саргола — Чинге [Грач, 1971, с. 104; Формозов, 1969, с. 207-208, 210], а также петроглифы, открытые в Монголии [Волков, Новгородова, 1971, с. 461-462; Волков, Новгородова, 1974, с. 536; Волков, 1972б, с. 556; Новгородова, 1971, с. 49-53].

Нельзя не упомянуть, что у ближайших западных соседей древних кочевников Тувы — пазырыкцев Алтая — наличие колесниц документировано замечательной находкой в Пятом Пазырыкском кургане. Пазырыкская колесница, восстановленная в Эрмитаже М.П. Грязновым, имела ширину около 3 м и высоту 2,65 м [Руденко, 1953, с. 232, 234, рис. 146; Грязнов, 1955, с. 30-32; см. также: Руденко, 1952, с. 238-239; Руденко, 1960, с. 232-236, рис. 123-124; Руденко, 1968, с. 82, 84, 86-87, рис. 73]. О назначении пазырыкской колесницы есть разные суждения: С.И. Руденко, в частности, полагал, что это был свадебный экипаж [Руденко, 1960, с. 236]. Коснувшись вопроса о главной зоне использования подобных колесниц, С.И. Руденко справедливо обратил внимание на то, что эта находка «указывает на уже развитый гужевой транспорт по крайней мере в смежных с Горным Алтаем степных районах, так как на Алтае не было.... условий для колёсного транспорта» [Руденко, 1960, с. 236]. М.П. Грязнов высказал предположение, что колесница из Пятого Пазырыкского кургана была разборной и могла доставляться через горные перевалы выюками [Грязнов, 1955, с. 32]. В Пазырыкских курганах найдены и телеги с цельными колёсами, использовавшиеся для перевозки грузов [Руденко, 1953, с. 230-231, рис. 143-145].

Землеройную технику древних кочевников Центральной Азии следует признать весьма примитивной. Ямы выкапывались с применением колотушек и кольев, с помощью которых разрыхлялся грунт, и деревянных лопат, которыми грунт откидывался. Эти инструменты были найдены при раскопках промёрзших погребальных камер в Туве (Саглы-Бажи II, Даган-Тэли I) и на Алтае (Пазырык). Исследования в Туве позволили установить, что в качестве мотыг для разрыхления грунта применялись также рога маралов, добытые на охоте; в могильниках Даган-Тэли I и Саглы-Бажи I были обнаружены эти инструменты, положенные в погребальные камеры после захоронения последнего умершего. Маральи рога употреблялись в качестве орудий и при проходке горных выработок [Сунчугашев, 1969, с. 69, рис. 9, 1-3].

Широкое применение подобных орудий было обусловлено тем, что железо ещё не стало доминирующим металлом, а бронза была слишком мягка для применения в условиях исключительно тяжёлых грунтов (галечно-щебенчатые грунты наличествуют во многих местах, где нами раскапывались курганные комплексы: в Монгун-Тайге, Кара-Холе, Бай-Тайге, в Саглынской долине, на правобережье Улуг-Хема — на Куйлуг-Хеме, Улуг-Оймаке). Наряду с этим фактором играло роль и стремление к экономии металла.

Различные виды археологических источников позволяют говорить о значительной роли охоты у племен Тувы скифского времени. Об этом ярко свидетельствуют охотничьи амулеты из клыков диких животных, во множестве обнаруженные при мужчинах, погребённых в усыпальницах саглынской культуры. В широком ходу были изделия из рога и кости животных, добытых на охоте, — пряжки, пуговицы и поясные пластины из рога марала и лося.

Поголовье диких животных в горах Тувы в древности, как в скифское время, так и в более поздние исторические эпохи, было несоизмеримо более высоким, чем в наши дни (о современном животном мире и охотничьем промысле в Туве см.: [Башанов, 1961, с. 82-89; Башанов, Никифоров, Шурыгин, 1968, с. 214-223]). К тому же, как свидетельствуют петроглифы, в древности на территории Тувы

встречались такие виды диких животных, которые к настоящему времени либо полностью истреблены, либо встре-

(43/44)

чаются на очень удалённых от Тувы территориях. К числу таких животных относится антилопа-оронго, встречающаяся ныне на северных рубежах Тибета [Потапов Р.Л., 1957, с. 430-431; Грач, 1957, табл. VIII, XII]; дикий верблюд, изредка попадающийся в глубинных районах Монголии [Потапов Р.Л., 1957, с. 431; Грач, 1957, с. 415-419; Банников, 1954, с. 178-188]; дикая лошадь (так называемая лошадь Пржевальского) [Намнандорж, 1975, с. 30; Потапов Р.Л., 1958, с. 387].

В связи с вопросом об объектах древней охоты нельзя не обратить внимание на то, что среди животных, изображённых на предметах искусства, в подавляющем большинстве показаны опять-таки животные дикие — горные козлы, косули, горные бараны (архары), маралы. Известны и случаи изображения домашних животных — это изображения лошадей на резных роговых пластинах из Саглынской долины. О том, что это изображения именно домашних, а не диких лошадей, свидетельствуют отчётливо детализированные изображения хвостов, завязанных точно таким же образом, как можно видеть на трупях лошадей из пазырыкских курганов Алтая.

Саглынды Тувы охотились и на пушного зверя — об этом, как отмечалось, свидетельствуют находки (особенно многочисленные в могильнике Урбюн III) деревянных наконечников стрел со скруглёнными окончаниями. В одном из наиболее ранних известных сейчас памятников скифского времени Тувы — кургане Аржан — обнаружены фрагменты некогда роскошных одежд, сделанных из меха, который предположительно определяется как соболиный [Грязнов, Маннай-оол, 1974а, с. 196-198]. Томары найдены и при раскопках алды-бельских комплексов могильника Усть-Хадынныг I [Виноградов, 1978].

Господствующим металлом для производства труда и оружия на протяжении большей части скифского времени в Центральной Азии являлась бронза. Железо начало входить в широкий обиход только на заключительном этапе скифского времени (озен-ала-белигский этап саглынской культуры). Важной отраслью экономики Тувы скифского времени была поэтому добыча меди. Горняки скифского времени, несомненно, унаследовали многовековой опыт своих исторических предшественников — горняков эпохи бронзы [Кызласов, 1958, с. 88; Сунчугашев, 1969; Маннай-оол, 1970б, с. 93-95]. Нельзя не отметить, что одной из наиболее сложных задач, вставших в ходе исследования древних горных выработок, является определение их хронологии. Чрезвычайно трудно определить, какие из выработок относятся к эпохе бронзы, а какие — к скифскому времени (имеющиеся попытки датировки, как правило, малоубедительны).

Вопрос о месте добычи оловянного камня (касситерита), из которого выплавлялось олово, применявшееся при изготовлении бронзовых орудий, обстоятельно разобран специалистами. Ещё А.А. Иессен и Г.П. Сосновский, рассмотрев находки С.А. Теплоухова, высказали предположение, что олово для изготовления этих вещей добыто в пределах Тувинской котловины [Иессен, Сосновский, 1940, с. 47]. Сходной точки зрения придерживается Л.Р. Кызласов [Кызласов, 1960, с. 75]. Я.И. Сунчугашев, основываясь на материалах исследований геологов Тувинской комплексной геологической экспедиции А.И. Игошина, Г.Г. Вельского и В.В. Архангельской, делает обоснованный вывод: «Районами добычи олова в Южной Сибири могли быть как западный и восточный склоны Кузнецкого Алатау, так и южные отроги Западных Саян и северные склоны Западного Танну-Ола в Тувинской АССР» [Сунчугашев, 1969, с. 100].

Я.И. Сунчугашев и М.Х. Маннай-оол приводят данные металлографического исследования бронзовых ножей скифского времени, произведенного в лаборатории спектрального анализа ИА АН СССР: содержание олова в этих предметах колеблется от 5,6 до 7,5% [Сунчугашев, 1969, с. 98-99; Маннай-оол, 1970б, с. 94].

Впервые древняя медеплавильня была обнаружена в Туве на р. Бай-Сют в 1916 г. Памятник этот стал в своё время хрестоматийным, данные о нём многократно публиковались, он был воспроизведён и в известном учебнике В.И. Равдоникаса по истории первобытного общества [Равдоникас, 1947, с. 291, рис. 109]. Материалы по исследованию древних медеплавильен Тувы обобщены Я.И. Сунчугашевым, им же подробно прослежена конструкция этих сооружений, подразделяемых на три типа: медеплавильные

горны типа Он-Кажаа, медеплавильные ямы типа обнаруженных в Кызыл-Торге и места плавки на открытых очагах в глиняных тиглях [Сунчугашев, 1969, с. 73-102].

Завершая общую характеристику некоторых сторон хозяйства племён скифского времени Тувы и сопредельных территорий Монголии, необходимо отметить, что археологические данные с полной очевидностью свидетельствуют о выделении ремесленного производства. Ведущую роль играло металлообрабатывающее ремесло. Есть основания полагать, что виды ремесленной деятельности племён скифского времени Центральной Азии были уже дифференцированы — об этом прежде всего свидетельствует высокий уровень мастерства производства различных изделий из бронзы.

Глава VI. Социальный строй древних кочевников Центральной Азии и синхронных им племён азиатских степей.

Социальные категории древних кочевников азиатских степей по археологическим данным.

О формах семейных отношений.

К вопросу о положении женщины у древних кочевников.

Возрастные подразделения общества.

Отражение войны и военных отношений в археологических памятниках древних кочевников.

Разработка вопросов социального строя древних кочевников относится к числу комплексных проблем, решаемых на материалах археологии, этнографии, антропологии с привлечением данных нарративных источников. [1] Археологические данные играют при этом весьма важную роль, а привлечение этих данных для социологических реконструкций является давней и прочной традицией отечественной исторической науки.

Изучение социального строя древних кочевников находится в тесной связи с освещением социального устройства кочевников поздних; археологические и этнографические материалы документируют разновременные этапы непрерывного исторического процесса.

М. О. Косвен писал: «В кочевых скотоводческих обществах распад первобытнообщинных отношений идёт быстрее, чем у земледельческих. Скотоводство ведёт к более быстрому и интенсивному образованию богатств, имущественному расслоению, оформлению родоплеменной власти и пр.» [Косвен, 1957, с. 226; ср.: Тереножкин, 1966, с. 43-45]. Это заключение старейшего советского этнографа находится в полном согласии с известными выводами Ф. Энгельса о роли первого великого общественного разделения труда (выделение скотоводства), приведшего в конечном счёте к формированию классового общества, и о том, что именно на стада прежде всего распространилась частная собственность глав отдельных семей скотоводов [Маркс и Энгельс, т. 21, с. 161-162]. К. Маркс отметил, в свою очередь, роль мобильного имущества кочевников в возникновении обмена и денег: «Кочевые народы первые развивают у себя форму денег, так как всё их имущество находится в подвижной, следовательно, непосредственно отчуждаемой, форме и так как образ их жизни постоянно приводит их в соприкосновение с чужими общинами и тем побуждает к обмену продуктов» [Маркс и Энгельс, т. 23, с. 99].

По поводу социального строя скифов Восточной Европы существует ряд концепций, трактующих степень их социального развития от патриархально-родового строя до рабовладения (М. И. Ростовцев полагал даже, что Скифия была феодальным государством) [Лаппо-Данилевский, 1887; Ростовцев, 1925; Готье, 1925, с. 246-247; Смирнов А. П., 1934; Смирнов А.П., 1966, с. 12-15, 140-150; Артамонов, 1947а, с. 63-64; Артамонов, 1947б, с. 70-71; Артамонов, 1948; Артамонов, 1973, с. 56-67; Граков, 1950, с. 7-8; Граков, 1956, с. 9-10; Граков, 1971; Елагина, 1962; Тереножкин, 1966; Хазанов, 1968; Хазанов, 1970; Хазанов, 1972а; Хазанов, 1975]. Анализируя эту проблему, Д. Б. Шелов обоснованно заметил, что дискуссия об общественном устройстве скифов часто ведётся без учёта того, что развитие социальных институтов скифского общества не было неким единовременным явлением. Д. Б. Шелов указал далее: «Если подходить к вопросу о становлении классового общества у скифов, о возникновении скифской государственности с диалектических позиций, то нельзя не признать, что эти явления были не

единовременными актами, а длительными процессами вызревания одних общественных форм и отмирания других» [Шелов, 1972, с. 78].

Рассматривая проблемы социального строя племён, населявших территории Средней Азии, Казахстана, Сибири и Центральной Азии в скифское время, мы исходим из того, что исторические процессы, протекавшие в это время на пространствах Великого пояса степей, представляют

(45/46)

собой совокупность диалектически развивавшихся явлений, имевших место на протяжении единого исторического периода. Единство исторических процессов, разумеется, не исключает локального своеобразия явлений. Нельзя также забывать и о том, что темпы развития разных районов скифского мира не были совершенно одинаковы. Под влиянием внутренних причин и под воздействием внешних факторов (контакты и взаимодействие с более развитыми в социально-экономическом отношении цивилизациями) некоторые районы быстрее пережили разложение высшей фазы первобытнообщинного строя. Тем не менее, ясно одно: племена скифского времени, будь то на Западе — в Причерноморье или на Востоке — в предгорьях Саян, Танну-Ола, Хангая, на Енисее и на Алтае, находились на стадии становления классового общества, и внутренние процессы распада старых, первобытнообщинных отношений зашли уже достаточно далеко.

СОЦИАЛЬНЫЕ КАТЕГОРИИ ДРЕВНИХ КОЧЕВНИКОВ АЗИАТСКИХ СТЕПЕЙ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ. [^]

При определении социальной квалификации того или иного погребального комплекса мы считаем необходимым принимать в расчёт масштабы не только внешних, но и подземных погребальных сооружений, так же как и общий объём затраченного на их подготовку труда. Представляется также обязательным учитывать наличие в погребениях не только золотых и вообще так называемых драгоценных вещей, как это обычно делалось раньше, но и бронзовых, особенно массивных, предметов (бронза была дефицитной), а также высокохудожественных предметов из недргоценных металлов.

В курганных могильниках скифского времени казахстанско-сибирско-центральноазиатского пояса степей можно выделить следующие основные категории погребений представителей разных социальных слоёв.

1. Царские погребения в курганах пазырыкской культуры на Горном Алтае (Пазырык, Башадар, Туэкта и др.), в больших курганах алды-бельской культуры в Турано-Уюкской котловине в Туве, в Салбыкских курганах тагарской культуры в Минусинской котловине, в больших сакских курганах в долине Бесшатыр и в долине Чиликты в Казахстане.

Масштабы царских курганов всех этнокультурных зон свидетельствуют о том, что в их сооружении принимали участие значительные коллективы людей, и о том, что сооружение грандиозных усыпальниц потребовало очень больших для своего времени затрат труда. Согласно подсчётам М. П. Грязнова [Грязнов., 1950. с. 13-15], объём наземного сооружения Первого Пазырыкского кургана составил 1800 куб. м камня, объём могильной ямы составил 196 куб. м; было заготовлено около 500 лиственничных брёвен для камеры-усыпальницы и наката, огромное количество берёсты, лиственничной коры, курильского чая. Большого труда и значительных затрат времени потребовал и монтаж подземных сооружений. Размеры курганов большой Пазырыкской пятёрки были, однако, различными: если диаметр наземного сооружения Первого Пазырыкского кургана составлял 47 м, а высота 2,2 м, то диаметры и высоты наземных сооружений Второго, Третьего, Четвертого и Пятого курганов составляли соответственно 36 и 3,75 м, 36 и 2,6 м, 24 и 1,5 м, 42 и 3,75 м [Руденко, 1953, с. 362, 365, 369, 371, 372]. Размеры других царских курганов Алтая также различались: Первый Башадарский — диаметр 40 м при высоте 1,6-2 м, Второй Башадарский — диаметр около 58 м при высоте около 2,7 м, Первый Туэктинский — диаметр 68 м при высоте 4,1 м, Второй Туэктинский — диаметр 32 м при высоте 2,6 м, Третий Туэктинский — диаметр 62 м при высоте 5,4 м, Четвертый Туэктинский — диаметр 48 м при высоте 3,7 м, Шестой Туэктинский — диаметр 52 м при высоте 4,1 м [Руденко, 1960, с. 26, 30, 93, 106], Шибэ — 45 м при высоте 2 м [Грязнов, 1928, с. 217].

Царский курган алды-бельской культуры в Туве — курган Аржан, исследованный М. П. Грязновым и М. Х. Маннай-оолом в долине р. Уюк, также отличался огромными размерами [Грязнов, Маннай-оол, 1973, с. 191-206]. По расчетам М. П. Грязнова, диаметр наземного сооружения до разработки составлял около 120 м, высота 3-4 м. Камни для сооружения кладки кургана происходят не только из горных отрогов Турано-Уюкской котловины, но доставлялись и откуда-то издалека [Дерпгольц, 1964, с. 100]. На уровне древней поверхности были расположены срубы, перекрытые накатами, сооружёнными из мощных стволов лиственницы (толщиной до 0,7 м); диаметр площади, занятой срубами, достигал 80 м.

Размеры больших курганов в Уюкской долине не стандартны. Как уже отмечалось, в районе Аржана имеется 8 цепочек крупных «земляных» курганов, а также два (помимо Аржана) каменных сооружения, представляющих собой своего рода «платформы». Курганы, входящие в цепочки, имеют диаметры от 30 до 70 м при высоте от 1 до 8 м, каменные «платформы» диаметр от 80 до 100 м при высоте около 1,5 м [Грязнов, Маннай-оол, 1974а, с. 191].

(46/47)

Огромный труд был вложен и в сооружение Большого Салбыкского кургана, являющегося, пожалуй, самым крупным курганным объектом Саяно-Алтайской зоны (датируется курган, по мнению С. В. Киселёва, IV-III вв. до н. э.). Высота Большого Салбыкского кургана перед раскопками достигала 11 м, окружность — 500 м. Исследователями кургана установлено, что первоначально курганное земляное сооружение находилось внутри ограды размером 70х70 м и имело высоту, превышавшую сохранившуюся в два с лишним раза, около 25-30 м; тем самым установлено, что смыто и свеяно в стороны около 30 тыс. куб. м земли. Ограда имела циклопический характер; общая высота стены ограды достигала 2,5-2,8 м, по углам и через определённые промежутки по линии стены были установлены плиты высотой до 4-5 м и весом по 30-40 т [Киселёв, 1951, табл. XVIII, 2-7; Киселёв, 1956, с. 56-58; Грязнов, 1967, с. 191]. Большой Салбыкский курган входит в группу, которая состоит из ещё четырёх аналогичных, но несколько уступающих ему по величине, и 10 курганов, уступающих по масштабам наиболее крупным царским курганам урочища Салбык.

Большой Бесшатырский курган имел ко времени раскопок высоту около 15 м, диаметр 105 м. К. А. Акишев отмечает, что наиболее сохранившаяся сторона кургана имела высоту 17 м. Центральное сооружение было опоясано каменным валом, имевшим ширину 2 м при высоте 0,5-0,6 м. Центральное сооружение было возведено из камня, земли и щебёнки. Внушительные размеры имели и другие царские курганы южной группы Бесшатыра: первый диаметр 52 м, высота 7,6 м (с южной стороны почти 9 м); второй — диаметр 68 м, высота 9,5 м; третий — диаметр 73-75 м, высота 11,5 м; четвёртый — диаметр 48 м, высота 7 м; пятый диаметр 45 м, высота 6 м; шестой — диаметр 52 м, высота 8 м [Акишев, 1963, с. 27-62]. При оценке затрат труда, употреблённого на сооружение этих усыпальниц, должны быть учтены и усилия, затраченные на заготовку, транспортировку и обработку брёвен, из которых затем осуществлялся монтаж погребальных камер Бесшатыра. При этом нелишне вспомнить, что, согласно данным, приводимым К. А. Акишевым, лес заготавливался в 200-250 км от долины сакских царей — в отрогах Заилийского Алатау. Брёвна транспортировали на волокушах (такие волокуши найдены в Шестом Бесшатырском кургане) к р. Или, затем плотами переплавляли их на правобережье и далее, снова на волокушах, доставляли в долину Бесшатыр [Акишев, 1963, с. 80].

Размеры земляных сооружений тринадцати больших курганов Чиликтинской долины в Восточном Казахстане также весьма различны от 100 м в диаметре при высоте 8-10 м до 20-60 м в диаметре при высоте 2-5 м. Размерами выделяются 4 из них, в том числе курган 5, — по этому памятнику можно представить себе конструкцию и масштабы сооружения. Диаметр кургана 5 составлял 66 м, высота 6 м (первоначальный диаметр, по расчету С. С. Черникова, — 45 м, высота около 10 м). Наземное сооружение было возведено из земли, глины, гальки и крупного битого камня. При этом, если земля и галька брались на месте, то камень доставлялся из отрогов гор, отстоящих от места захоронения на расстояние около 15 км, а лиственничные брёвна для сооружения погребальной камеры и дромоса транспортировались к месту сооружения кургана из лесного массива, отстоящего на 40 км [Черников, 1965, с. 11-21, рис. 2, табл. I-VII].

Если рассмотреть данные о масштабах погребальных сооружений так называемых царских курганов в пределах каждой этнокультурной зоны азиатских степей, то окажется, что эти усыпальницы вовсе не стандартны по размерам сооружений и соответственно по затратам труда, употреблённого на их устройство. Различия настолько значительны, что самая высокая по иерархии категория погребальных

комплексов скифского времени — «царская» совершенно очевидно распадается на группы, отражающие подразделения в высшем социальном слое древних кочевых племён. Критерий масштабности погребальных сооружений приобретает особенно важное значение ещё и потому, что все до единого большие курганы азиатских степей разграблены в древности и судить о составе помещённого в них инвентаря мы можем лишь по очень богатому боковому погребению кургана Иссык [Акишев, 1978].

2. Погребения родовой дружинной аристократии, властвовавшей в пределах более узких территорий, — курганы тасмолинской культуры в Казахстане [Кадырбаев, 1966а, с. 303-433; Кадырбаев, 1968, с. 21-36], погребения саков Семиречья [Акишев, 1963, с. 88-112, курганы пазырыкской культуры с сопроводительным захоронением коней на Алтае и в Туве, уступающие по размерам и пышности большим пазырыкским, погребения алды-бельской (VII-VI вв. до н. э.) и саглынской (V-III вв. до н. э.) культур в Туве, уступающие по размерам однокультурным им царским курганам (царские курганы саглынцева, впрочем, ещё неизвестны), курганы баиновского, подгорновского и сарагашенского этапов тагарской культуры в Минусинской котловине [Грязнов, 1968, с. 187-196; Киселёв, 1951, с. 184-285], уступающие по масштабам царским усыпальницам Салбыка.

(47/48)

Эти памятники, все без исключения, приписывались исследователями рядовому населению. Подобная трактовка, по-видимому, исходила из сопоставления масштабов этих захоронений ж масштабов царских курганов. Далее априорно подразумевалось, что в соответствии со скромностью размеров захоронений второй категории бедным должен быть и инвентарь. Поскольку целиком неграбленных могильников долгое время открыть не удавалось и, естественно, не удавалось получить целостные комплекты инвентаря, эта точка зрения считалась неоспоримой. Однако открытие в течение последних полутора десятилетий многочисленных неграбленных захоронений этой категории в Туве (могильники Хемчик-Бом III, Саглы-Бажи II, IV, V, Дужерлиг-Ховузу I, Даган Тэли I) и в Минусинской котловине (раскопки Красноярской экспедиции АН СССР) продиктовало необходимость пересмотра точки зрения, трактовавшей погребения этой категории как «рядовые». В погребениях алды-бельской и саглынской культур в Туве были найдены в весьма значительном количестве золотые художественные изделия, дорогие импортные предметы (например, сердоликовые бусы, доставленные из древней Индии), изделия из рога и кости, являвшиеся произведениями высокоталантливых мастеров. В погребениях обнаружено множество предметов из бронзы — предметы вооружения, конского убора, орудия труда и украшения, а бронза была, как уже указывалось, дефицитным материалом. Количество ценностей, положенных в погребения данной категории, было таким, что продолжать интерпретировать их как «рядовые» означало бы моделировать своего рода золотой век у древних кочевников.

Разумеется, мы далеки от мысли трактовать погребения этой категории как некое монолитное целое, не подразделяющееся, в свою очередь, на группы. Мы далеки также и от того, чтобы конструировать совершенное однообразие социальных процессов, протекавших в пределах различных этнокультурных зон, — локальные различия, несомненно, имели место, и археологические памятники дают тому весьма убедительные свидетельства. Однако выделение дополнительных подразделений в пределах второй категории погребений древних культур скифского типа является делом будущих исследований. Пока же можно уверенно говорить о том, что погребения второй категории — захоронения «среднего слоя» — демонстрируют определённые различия по уровню внутри категории. Эти различия отражают динамичный процесс имущественной и социальной дифференциации, выделение более состоятельных семей и семей, достигших меньшего уровня социальной значимости и соответственно меньшего уровня накопления ценностей.

3. Погребения людей низших социальных групп выявлены пока в ограниченных количествах; такие погребения сопутствовали, например, тагарским (при раскопках Салбыкского кургана и синхронного ему могильника Туран II в пределах оград были обнаружены сопроводительные по отношению к главным захоронениям погребения взрослых людей без какого-либо инвентаря). Показательны и факты человеческих жертвоприношений, установленные при исследовании курганов-храмов поклонения солнцу типа Улуг-Хорума в Саглынской долине.

Непотревоженные погребения, которые могут быть интерпретированы как погребения домашних рабов, были открыты при исследовании могильников Мажалык-Ховузу I и II. Они расположены у задних (юго-восточных) стенок срубов курганов саглынской культуры, положение захороненных (в отличие от

погребённых основного ряда) — на правом боку, ориентировка — головой на СВ. Погребения эти, как правило, не сопровождаются никаким инвентарём.

О ФОРМАХ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ. [^](#)

При характеристике древних форм семьи определяющее значение имеет исследование коллективных захоронений, особенно таких, которые включают разнополые и разновозрастные погребения.

Какая группа людей погребена в каждой коллективной усыпальнице саглынской культуры? Совокупность археологических данных и антропологических характеристик позволяет полагать, что каждая камера-сруб — это усыпальница семьи. Для того чтобы определить форму семьи, необходимо обратиться к этнографическим материалам.

Вопрос о формах семейно-брачных отношений у кочевых народов Сибири, Казахстана и Средней Азии получил весьма детальную разработку в трудах русских и советских этнографов, в особенности в послереволюционный период (новейшая обобщающая монография, посвящённая этой теме, принадлежит известному советскому этнографу Н. А. Кислякову [Кисляков, 1969]; см. также: [Кисляков, 1967, с. 91-104; Першиц, 1967]; в этих разработках приводится обстоятельная библиография по отдельным народам). Этнографами были рассмотрены и наиболее пережиточные формы семейно-брачных отношений народов Средней Азии и Сибири — реликты группового брака и матернитета. Было констатировано, что в относи-

(48/49)

тельно недавнем прошлом тюркоязычные народы Сибири и Средней Азии практиковали две формы заключения брака, которые развились из «ортодоксального» (определение Н. А. Кислякова) группового брака: 1) более древняя форма — заключение брака посредством похищения, со следующим затем примирением и выкупом и 2) заключение брака со сватовством и уплатой калыма за невесту [Кисляков, 1967, с. 94, 101].

Советские этнографы подробно зафиксировали и обобщили данные по таким реликтовым образованиям, как патриархальные семейные общины с целым рядом явно древних пережиточных форм организации. Было установлено, что к началу XX в. на обширных территориях Средней Азии и Казахстана существовала наряду с большой патриархальной семьёй и малая семья [Кисляков, 1967, с. 98-100].

Н. А. Кисляков подчёркивает, что одним из главных для этнографов вопросов является датировка возникновения большой патриархальной семьи. Заметим, что этот вопрос не менее важен и для археологов, изучающих по своим конкретным материалам древние формы семьи. В самом деле, вопрос о времени сложения этой формы семейных отношений имеет первостепенное значение, ибо, не представляя себе временную динамику процесса, нельзя должным образом понять явление, дожившее практически до этнографической современности.

По вопросу о времени возникновения большой патриархальной семьи Н. А. Кисляков присоединяется к точке зрения большинства специалистов (А. Н. Бернштам, С. П. Толстов, С. М. Абрамзон, Т. А. Жданко), сводящейся к тому, что время первоначального оформления патриархальных семейных общин «относится к началу нашей эры или даже к середине I тысячелетия до н. э.» [Кисляков, 1967, с. 98].

Как было отмечено рядом этнографов, распад больших патриархальных семей сопровождался прежде всего уменьшением их численного состава и образованием переходной формы семейно-брачных отношений — так называемой неразделённой семьи (это наименование было предложено в своё время О. А. Сухаревой и М. А. Бикжановой и применяется ныне большинством специалистов). «Неразделённая семья, — указывает Н. А. Кисляков, — состоит не из трёх и более поколений, как более древняя большая патриархальная семья, а из двух поколений, старшее из которых — одна пара — отец и мать, а с ними живут женатые сыновья». Н. А. Кисляков отмечает, что «женитьба внука вела к

выделению *новой семьи* (курсив мой. — А. Г.), однако ещё не порывающей своих связей, часто и экономических, со старой семьей» [Кисляков, 1967, с. 99].

Особое значение для рассматриваемой проблемы имеет исследование С. М. Абрамзона, подробно изучившего в фактическом и общетеоретическом плане особенности этого процесса у кочевых и полукочевых народов [Абрамзон, 1951, с. 136-156]. С. М. Абрамзон приходит к следующим, весьма существенным для нас заключениям.

1. У кочевников Средней Азии родоплеменная организация в позднейшее дореволюционное время чаще всего представляла собою «идеальную» схему, далеко не всегда отражавшую реальную структуру. Главную роль в объединениях кочевников от племени до «рода» играл «классово-политический момент».

2. Патриархально-родовые подразделения имели реальную форму в виде больших или меньших до составу семейно-родственных групп.

Ретроспекция в сторону археологических материалов от материалов этнографических и сопоставление этих двух категорий наших источников позволяют констатировать, что в скифское время, отстоящее на 2700-2200 лет от эпохи бытования явлений, фиксируемых этнографами, родоплеменная организация имела не «идеальное», а вполне реальное выражение. Степень этнографической и собственно этнической монолитности в пределах конкретных историко-культурных зон «скифского» мира была весьма высокой. В то же время археологический материал, фиксирующий, естественно, несравненно более ранние формы развития, чем этнография, сигнализирует о большой роли семьи как социально-экономической единицы.

Монографическое исследование опорного могильника саглынской культуры Саглы-Бажи II и в особенности анализ возрастных групп погребённых в нём людей показывают, что в «глубоких» срубах помещались останки двух групп взрослых женатых людей (два их поколения), а также малолетние дети. Если «скалькировать» на археологические объекты приведённые выше этнографические определения, то по всем историко-этнографическим категориям признаков, и прежде всего по наличию двух женатых поколений одной семейной группы, камера-сруб саглынской культуры — это место захоронения не членов большой патриархальной семьи в её классической форме, а членов «неразделённой семьи» (к сходным выводам пришел Д. С. Раевский при анализе погребений Неаполя Скифского [Раевский, 1971, с. 60-68]).

Напомним еще раз, что «неразделённая семья» является формой, переходной от большой патриархальной к малой семье. Поэтому

(49/50)

если наши предположения правильны, то придётся обстоятельно проверить общепринятую датировку зарождения большой патриархальной семьи. Нижняя хронологическая граница этого процесса определялась в пределах от середины I тысячелетия до н. э. до начала н. э. Думается, что приведенные нами данные позволяют предложить существенный корректив этой даты: процесс трансформации большой патриархальной семьи, во всяком случае у древних кочевников Центральной Азии, по-видимому, начался значительно раньше, чем предполагалось рядом исследователей.

Открытия последних лет показали, что семейные усыпальницы людей среднего социального слоя с многоактными захоронениями имели распространение не только в Сибири, Центральной Азии и некоторых регионах Средней Азии и Казахстана. Семейные усыпальницы в значительной серии были открыты на территории Южного Приуралья (Оренбургская экспедиция Института археологии АН СССР под руководством К. Ф. Смирнова). До недавних пор, отмечает К. Ф. Смирнов, памятники этого рода были известны только в двух случаях — на р. Илек, Мечетсайский могильник, курган 2 (3 погребённых); «Близнецы», курган 1 (5 погребённых, из них 4 взрослых). В 1972 г. экспедиция К. Ф. Смирнова открыла на Ново-Кумакском курганном могильнике серию коллективных погребений V-IV вв. до н. э. с количеством погребённых до десяти в каждой могиле (мужчины, женщины, дети). К. Ф. Смирнов, основываясь на полевых наблюдениях (особенно показательно, что в двух могилах погребённые лежали «попарно»), констатировал, во-первых, принадлежность погребённых в каждом склепе к одной семье,

во-вторых, многоактность производства захоронений. Функции подхоронительного хода играл в этих памятниках дромос, через который вносили каждого следующего захораниваемого. Исходя из анализа сопроводительного инвентаря, К. Ф. Смирнов пришёл и к ещё одному несомненно важному выводу: исследованные им склепы — это не погребения рядовых кочевников, а усыпальницы богатых савромато-сарматских семей [Смирнов К. Ф., 1973а, с. 108-109; Смирнов К. Ф., 1973б, с. 207].

В 1958-1959 и 1962 гг. раскопки Ново-Кумакского могильника велись экспедицией М. Г. Мошковой на основании обнаружения двухъярусных неоднотипных погребений в могильных ямах курганов 15 и 19. М. Г. Мошкова справедливо квалифицировала эти курганы как семейные (предположительно к семейным захоронениям автор раскопок отнесла и курган 7, где были обнаружены мужское и женское захоронения). Важным представляется вывод М. Г. Мошковой о хронологическом единстве разноактных погребений — о принадлежности их к одной эпохе [Мошкова, 1962, с. 211, 217, 218, 220-222, рис. 6, 5-9, рис. 7, 1-2, 6-7, 10-11].

Несомненно, важное значение имеет топография расположения курганных комплексов в пределах могильников. Так, при исследовании пазырыкских памятников Алтая С. И. Руденко обратил внимание на то, что в некоторых могильниках большие курганы располагаются цепочками — по пять-шесть в один ряд. Есть случаи расположения больших курганов в пределах того или иного могильника по три, по два, по одному. В пределах собственно Пазырыкского могильника большие курганы группируются так — Первый и Второй, Третий и Четвёртый, отдельно сооружен Пятый. Из этого С. И. Руденко сделал вывод, что в долине Пазырык под крупными сооружениями были погребены представители трёх семей, занимавших выдающееся положение в обществе [Руденко, 1953, с. 259].

Аналогичная картина наблюдалась нами при исследовании синхронных пазырыку памятников саглынской культуры в Южной Туве. Курганы этой культуры также располагаются цепочками, вытянутыми в меридиональном направлении. Например, могильник Саглы-Бажи II чётко подразделяется на две обособленные группы — А и Б с одинаковым количеством курганов в каждой (если учитывать только курганы с камерами-срубами саглынской культуры — соответственно 3 и 3 объекта). Группировка объектов наблюдается и на могильниках саглынской культуры в Центральной Туве (Урбюн III, Аргалыкты VIII, Хемчик-Бом I, IV и др.).

А. Н. Бернштам подчёркивал в своё время такую закономерность внутренней топографии расположения курганов в могильниках ранних кочевников Средней Азии и Казахстана, как группировка их в цепочки меридионального направления [Бернштам, 1949б, с. 344-345]. С. М. Абрамзон, подойдя к этим археологическим данным с позиций этнографа, расшифровывает каждую такую цепочку курганов как захоронения членов одной семьи [Абрамзон, 1973, с. 290].

К ВОПРОСУ О ПОЛОЖЕНИИ ЖЕНЩИНЫ У ДРЕВНИХ КОЧЕВНИКОВ. [^](#)

Наблюдения, дающие конкретную информацию о положении женщины в семье и обществе в целом, были сделаны в ходе археологических исследований непотревоженных в древности погребений алды-бельской и саглынской куль-

(50/51)

тур Центральной Азии. Решающее значение в разработке этой проблемы имеют три собственно археологических исследовательских аспекта.

1. Специальное исследование стратиграфии памятников с целью выяснения вопроса об одноактности или многоактности коллективных погребений, выяснение того, не были ли женщины насильственно умерщвлены.
2. Анализ внутренней топографии погребальных камер и соответственно выяснение положения останков женщин и их соотношения с останками мужчин.
3. Распределение инвентаря, находящегося при мужских и женских костяках, и взаимное соотнесение погребённых взрослых и погребённых детей.

Рассмотрим последовательно результаты исследований по этим трём аспектам.

Для получения наиболее полного цикла наблюдений по стратиграфии в ходе полевых исследований нами был применён приём оставления бровок до уровня перекрытия погребений, на какой бы глубине они ни находились. Приём этот, невзирая на некоторые трудности и неудобства (сохранение бровок до значительных глубин — порою в 3-4 м — весьма трудоёмко и требует особой осторожности), применялся нами при раскопках могильников скифского времени на различных территориях Тувы (курганы алды-бельской культуры на могильниках Алды-Бель I, Куйлуг-Хем I, Хемчик-Бом III, V и саглынской культуры на могильниках Саглы-Бажи II, IV, VI, Кюзленги I, Дужерлиг-Ховузу I, Даган-Тэли I, Улуг-Оймак I, II, Куйлуг-Хем I, III, Хемчик-Бом I, IV, Мажалык-Ховузу I, II) и Минусинской котловины (могильники подгорновского и сарагашенского этапов тагарской культуры Туран I, II, III).

В тех случаях, когда под одним курганом находилось несколько отдельно сооружённых могил (памятники алды-бельской и тагарской культур), часто удавалось установить взаимную (относительную) хронологию погребений. Весьма точные наблюдения удаётся сделать, изучая и фиксируя так называемые валики выброса и их соотношение с отдельными погребениями.

Изучение стратиграфии бровок неграбленых курганов дало возможность вполне однозначно ответить на вопрос, являются ли погребения двух, трёх и более людей одноактными или многоактными, — вопрос принципиальный для выявления ряда черт социального устройства и семейной организации общества. Если бы засыпка могильных ям имела монолитный, вполне однородный характер, это позволило бы говорить о возможной одноактности погребений. Однако по бровкам было зафиксировано, что во всех без исключения случаях во все коллективные семейные усыпальницы неграбленых курганов саглынской культуры ведут шахты подхоронительных ходов, чётко отделяющиеся от окружающих слоёв засыпки могильных ям. В каждой из таких шахт наличествовало каменное заполнение, которое применялось устроителями древних усыпальниц для того, чтобы облегчить работу, проводившуюся при освобождении хода для помещения в камеру-сруб очередного умершего члена семьи: каждый раз разрыхлять и извлекать слежавшуюся, а в высокорных зонах и промёрзшую засыпку было бы много труднее.

Подхоронительные ходы оказались достаточно обширными, и в ряде случаев их площадь оказалась равной 2/3 площади сруба. Нас, естественно, не мог не интересовать вопрос о сопряжении нижнего яруса подхоронительных ходов с перекрытием срубов. Выяснение этого вопроса оказалось нелёгким делом. Трудности обуславливались тем, что неграбленые усыпальницы, скованные мерзлотой, несмотря на отличную сохранность самих камер, как правило, имели перекрытие плохой сохранности: объяснялось это тем, что перекрытия в соответствии с условиями образования курганной мерзлоты в долине Саглы находились в активном мерзлотном слое. Только в 1968 г. при раскопках кургана I могильника Саглы-Бажи IV удалось, наконец, открыть такую камеру, где сохранность перекрытия, подхоронительного хода и самого сруба позволила документально установить, что в потолке камеры имелся обширный люк, через который и производились подхоронения; ход в этом кургане был укреплен съёмным вертикальным листовым бревном. В последующие полевые сезоны входы в камеры были документально зафиксированы на могильниках Саглы-Бажи VI, Дужерлиг-Ховузу I и Даган-Тэли I.

Исследование стратиграфии бровок и подхоронительных ходов привело нас к выводу, что погребения в коллективных усыпальницах саглынской культуры были не одноактными, а многоактными. Умершие помещались в камеры не все сразу, а по мере наступления смерти того или иного члена семьи независимо от пола и возраста.

Вполне однозначные данные даёт анализ внутренней топографии погребальных камер саглынской культуры. В соответствии с канонами погребального ритуала, особенно строго соблюдавшимися на раннем (собственно саглынском) этапе саглынской культуры, размещение погребённых в камерах было таково: взрослые покоились в один ряд, головами у западных — северо-западных бортов камер-

(51/52)

срубов, дети, как правило, — в ногах взрослых. Положение погребённых — в позе спящих, с подогнутыми ногами, на левом боку, ориентировка — головой на запад, северо-запад. Женщины покоятся в усыпальницах в одном ряду с мужчинами и в совершенно одинаковом с ними положении

(антропологические определения, совмещённые с анализом дифференциации инвентаря). Зафиксировано наличие при мужчинах оружия и отсутствие такового при женщинах. Кроме того, показательно распределение посуды: в подавляющем большинстве случаев глиняная кухонная посуда находилась при останках женщин, деревянная посуда (в том числе деревянные сосуды явно походного назначения — с отверстиями для подвешивания, проделанными в ручках) — при останках мужчин. При женских костяках часты захоронения детей — это дети, погребённые в ногах своих матерей. Особый интерес представляет один случай, зафиксированный при исследовании кургана 9 могильника Саглы-Бажи II, где погребённая женщина (костяк 1) в возрасте более 45-50 лет сжимала в объятиях ребёнка в возрасте до 1 года (бабушка с внуком?). Напомним также, что при женских костяках в серии случаев были найдены специфические амулеты — антропоморфные подвески, изображавшие женское божество, в функции которого входило и покровительство деторождению и плодovitости.

Не отмечено ни одного случая насильственного умерщвления женщин и сопроводительного захоронения женщины вместе с мужчиной. Как и мужчины, женщины вносились в камеры через охарактеризованные выше подхоронительные ходы.

Сопроводительный инвентарь даёт вполне ясные свидетельства о том, что в кругу занятий мужчин видное место занимало участие в военных походах, а круг занятий женщин включал ведение домашнего хозяйства и воспитание малолетних детей. Археологические данные свидетельствуют о мобильности мужчин-воинов и о более стационарном образе жизни женщин, ведших домашнее хозяйство и, по-видимому, остававшихся в зоне обитания отдельных этнических групп во время межплеменных войн. Таким образом, внутренняя топография распределения погребённых и неодновременность (разновременность) совершения захоронений при отсутствии обряда «соумирания» женщин свидетельствуют о достаточно самостоятельном и относительно высоком положении женщин в семье и обществе в целом, что, впрочем, специфично для кочевых народов разных исторических эпох.

«Классической» для патриархального рода формой погребального обряда считаются парные погребения, т.е. захоронение вместе с мужчиной умерщвлённой женщины — жены или наложницы. Для племен скифского времени Саяно-Алтая, Центральной Азии и Казахстана этот обряд не был характерен совершенно и, во всяком случае, достоверно не зафиксирован ни в одном захоронении первых двух социальных категорий — высшей и средней. Даже если когда-либо подобный обряд существовал на указанных территориях, к скифскому времени он давно ушёл в прошлое, не оставив каких-либо заметных следов. [\[2\]](#)

Коллективными и многоактными бывали и погребения в царских курганах.

Многоактность погребений была достоверно зафиксирована при раскопках Большого Салбыкского кургана в Хакасии. Главная погребальная камера была обнаружена в западной части кургана. Снаружи она была покрыта слоем берёсты и шестью слоями наката. Камера-сруб имела размер 4х3,5 м. В камере (она была ограблена дважды — в древности и в XVIII в.) находились останки шести погребённых. С запада в погребальную камеру вёл подземный коридор, который входил в неё через середину западной стены. «Через этот коридор, — указывает С. В. Киселёв, — осуществлялись повторные погребения в камере». [Киселёв, 1956, с. 58]. Таким образом, по нашей терминологии, салбыкский коридор является подхоронительным ходом.

К сказанному существенно добавить, что в Большом Салбыкском кургане были открыты дополнительные погребения: у северо-западной и юго-западной стен — погребения взрослых, которые С. В. Киселёв характеризует как строительные жертвы [Киселёв, 1956, с. 57], у северо-восточной и юго-восточной стен погребения младенцев.

Если сопоставить имеющиеся фрагментарные (ввиду ограбления) данные о погребальной камере Большого Салбыкского кургана и детальные данные по конструкции комплекса в целом, можно заключить, что этот поистине царский курган содержал коллективное погребение. Скорее всего, это было погребение семьи. Правда, против такого вывода могло бы быть выдвинуто предположение, что это погребение

какого-то главного лица с сопровождающими его лицами. Однако отмеченное С. В. Киселёвым наличие подхоронительного хода и вся сумма других фактов убедительно свидетельствуют, что шесть погребённых были помещены в камеру не одновременно, а по мере смерти каждого из них.

При исследовании погребальной камеры Второго Пазырыкского кургана С. И. Руденко были сделаны весьма ценные наблюдения о состоянии тел погребённых здесь людей [Руденко, 1949, с. 264-265]. В камере их было погребено двое — мужчина в возрасте Sen. (от 50 до 60 лет) и женщина в возрасте Mat. (свыше 40 лет). Мумифицированные тела погребённых первоначально, до «ограбления» кургана, покоились в огромной колоде, покрытой внутри чёрным войлоком, поверх которого был постлан тонкий шерстяной коврик. С. И. Руденко делает совершенно определённое заключение о естественной смерти женщины: «На голове женщины, как и на её теле, не обнаружено никаких признаков насильственной смерти». [Руденко, 1949, с. 265]. Мужчина же погиб, сражённый боевым чеканом, — на теменных костях имеются три отверстия, пробитых чеканом (уже потом, после проникновения в курганный камеру «грабителей», мумии подверглись расчленению).

Вопрос о «соумирающих» или подхороненных встал и при исследовании Хорезмской комплексной археолого-этнографической экспедицией ИЭ АН СССР захоронений эпохи поздней бронзы на могильнике Тагискен, датируемых IX-VIII вв. до н. э. и относящихся, таким образом, к историческому периоду, непосредственно предшествующему скифскому времени, памятники которого были открыты в пределах этого же могильника и на могильнике Уйгарак.

К мавзолеям эпохи бронзы примыкают прямоугольные ограды, сложенные из кирпича. По интерпретации авторов раскопок, в этих оградах были погребены родственники и приближённые главного погребённого [Толстов, Итина, 1966, с. 152]. Предлагаемая авторами раскопок интерпретация совершенно справедлива, так как вытекает из всех наличных данных.

Вовсе не так однолинейно, как раньше, предстаёт сейчас и вопрос об одноактности или неоднакости царских усыпальниц западных территорий — собственно Скифии. При исследовании царского скифского кургана Толстая Могила (окраина г. Орджоникидзе, в 10 км от Чертомлыка) были открыты: центральное погребение (царь), боковая гробница (женщина-царица и ребёнок), погребения «воина-охранника» и «возничего» и два женских захоронения («служанки»). Всего знатных погребённых сопровождало в иной мир четверо слуг [Мозолевский, 1972а, с. 6-7; Мозолевский, 1972б, с. 268-308; Мозолевский, Черненко, Зарайская, 1972, с. 338-341]. По-царски пышными были и центральная усыпальница, и усыпальница женщины с ребенком. Руководитель раскопок Б. Н. Мозолевский уже в предварительной публикации убедительно доказал наличие родственных связей между главными погребёнными, их принадлежность к одной семье и выдвинул аргументированную версию, согласно которой между погребениями мужчины из центральной усыпальницы и ребёнка из боковой прошёл некоторый промежуток времени (максимум три года, этот отрезок времени мог быть и значительно меньшим). Похороны ребёнка состоялись и позже похорон женщины (вероятно, его матери), и он был внесён в гробницу через отдельный вход. По справедливому заключению Б. Н. Мозолевого, похороны каждого из лиц царской семьи были одноактными. Учитывая, что Толстая Могила входит в круг других царских скифских курганов, которые, однако, были подвергнуты сокрушительному разграблению, наблюдения, сделанные при исследовании, должны быть «скалькированы» и с должной осторожностью «наложены» на другие, нарушенные, комплексы. Думается, что это позволит объективно проверить явно одностороннее представление о повсеместной и обязательной одноактности всех царских семейных усыпальниц (Б. Н. Мозолевский напомнил об одном весьма важном факте: в кургане Верхний Рогачик, очень близком к Толстой Могиле, женская усыпальница была, по-видимому, и центральной и основной [Мозолевский, 1972б, с. 306]).

Изложенное, разумеется, не противоречит твёрдо установленным археологическим фактам, сочетающимся с сообщениями письменной истории и свидетельствующим о наличии в царских скифских захоронениях погребений насильственно убитых людей, «сопровождавших» скифских владык в иной мир. Исследователи выделяют 4 группы погребений в царских курганах помимо захоронений царей: I группа — богатые женские захоронения, которые порою сами сопровождаются погребениями женщин, причём последние отличаются либо полным отсутствием, либо крайней скудностью инвентаря; II группа — весьма богатые мужские захоронения с большим количеством оружия и золотых украшений; III группа — погребения людей, связанные с конскими захоронениями; IV группа — погребения мужчин, женщин и подростков, находящиеся у входа в главную камеру или в самой камере — при главном мужском, реже, при женском захоронении [Хазанов, 1972, с. 163].

Следует со всей ясностью отметить, что только погребённые III и IV групп по приведенной классификации могут быть квалифицированы как захоронения насильственно умерщвлённых людей. Что же касается богатых захоронений I и II групп, то это погребения членов царской семьи, и для того чтобы говорить о насильственном умерщвлении этих лиц, нет решительно никаких оснований. Археологические данные не дают никаких свидетельств в пользу того, что какие-либо члены семьи умерщвлялись после смерти её главы. Напротив, неоднородность помещения в усыпальницы членов царской семьи, в том числе женщин — жён царей, свидетельствует об их захоронении по мере естественной смерти. Археологические данные не дают никаких подтверждений особо принижённого положения женщин в семье знатнейших скифов.

Не следует думать, что положение женщин у племен, обитавших в разных историко-культурных зонах «скифского» мира, имело некий стандартный характер.

В легендарной форме вопрос о положении женщин у скифов, с одной стороны, и савроматов — с другой, излагается в известном рассказе об амазонках и происхождении савроматов. В изложении Геродота речь амазонок, обращённая к скифским юношам, такова: «Мы не можем жить с вашими женщинами. Ведь обычаи у нас не такие, как у них: мы стреляем из лука, метаем дротики и скачем верхом на конях; напротив, к женской работе мы не привыкли. Ваши же женщины не занимаются ничем из упомянутого, они выполняют женскую работу, оставаясь в своих кибитках, не охотятся и вообще никуда не выходят. Поэтому-то мы не сможем с ними поладить» (Геродот, IV, 114). Далее Геродот сообщает, что у савроматов «женщины сохраняют свои стародавние обычаи: вместе с мужьями и даже без них они верхом выезжают на охоту, выступают в поход и носят одинаковую одежду с мужчинами» (Геродот, IV, 116). И ещё далее: «Что касается брачных обычаев, то они вот такие: девушка не выходит замуж, пока не убьёт врага. Некоторые умирают старухами, так и не выйдя замуж, потому что не в состоянии выполнить обычай» (Геродот, IV, 117). [3] В известной мере эти сообщения Геродота перекликаются с его же сообщением о положении женщины у исседонов: «Этих людей (исседонов. — А. Г.) также считают праведными, а женщины у них совершенно равноправны с мужчинами» (Геродот, IV, 26). [4]

Анализируя сообщения Геродота о савроматах, нельзя не отметить свойственные вообще любым легендарным сведениям элементы гиперболизации. Таково описание идеализированного общества без мужчин — общества амазонок, как и возможное преувеличение роли женщин в войне и в охоте. Однако важно в этих отрывках другое: коль скоро речь идёт об обществе кочевников, даже при учёте отмеченных элементов гиперболизации можно чётко фиксировать достаточно высокое положение женщин.

Сопоставляя данные, полученные при исследовании археологических культур скифского времени азиатских степей, с сообщениями Геродота о более западных территориях скифского мира, мы можем, например, констатировать, что, по-видимому, положение женщины у древних кочевников Центральной Азии, в частности у носителей саглынской культуры, было более близким к положению женщины у савроматов и исседонов, нежели к обычному положению женщины у скифов.

Вопрос о роли и положении женщины у европейских скифов уже много лет находится в поле зрения исследователей.

Д. Б. Шелов констатирует «отсутствие у скифов ощутимых следов матриархальных отношений» и делает вывод о «принижённом» положении женщины у скифов. При этом Д. Б. Шелов, однако, указывает, что случаи многожёнства у скифов следует рассматривать в свете известного замечания Ф. Энгельса, который писал: «Многожёнство одного мужчины было, очевидно, результатом рабства и было доступно только лицам, занимавшим исключительное положение» [Маркс и Энгельс, т. 21, с. 64].

Вывод Ф. Энгельса находит ныне подтверждение в обширных сериях археологических фактов. В частности, исследование скифских погребальных памятников показывает, что сопребения, которые можно было бы трактовать как сопроводительные по отношению к мужским, совершенно

несвойственны захоронениям средних и тем более рядовых слоёв. Письменный источник даёт нам всего одно свидетельство о многожёнстве у скифов, причем человек, имевший, согласно этому источнику, трёх жён, занимал наивысшее в обществе положение это скифский царь Ариапейт (Геродот, IV, 78-80; это свидетельство Геродота упоминается и Д. Б. Шеловым).

История рассмотрения вопроса о положении женщины у скифских и савроматских племён даёт примеры крайностей во мнениях.

(54/55)

Хрестоматийная точка зрения о приниженности женщин в эпоху патриархата встретила на своем пути концепцию, констатирувавшую сохранение элементов матриархата у такой группы, как савроматы. Автором реконструкции женовластия у сарматов явился Б. Н. Граков, усмотревший у них пережитки матриархата [Граков, 1947]. Дискуссия, развернувшаяся после публикации в 1947 г. работы Б. Н. Гракова, выявила две противоположные точки зрения. Сторонники и противники концепции Б. Н. Гракова ведут спор уже много лет.

С реалистических позиций подошел к рассмотрению так называемой проблемы матриархата у савроматов А. П. Смирнов. Основные его выводы сводятся к следующему: матриархат как стадия развития человеческого общества связан с началом родового строя, который характеризуется низким уровнем развития производительных сил и социальных отношений; погребения женщин-воительниц свидетельствуют о высоком положении женщин, однако это не является чертой, свойственной лишь савроматам, — подобная черта свойственна многим другим народам; «гинекократизм» савроматов не есть пережиток матриархата, а является отражением того, что во время войн и грабительских набегов «вся безопасность дома и стада обеспечивалась женщиной» [Смирнов А. П., 1966, с. 84-85].

Дискуссия об элементах матриархата у савроматов не так давно была продолжена [Хазанов, 1970, с. 138-148]. Было отмечено, что дискуссия в значительной мере зашла в тупик, потому что как сторонники теории Б. Н. Гракова, так и противники признания «женовластия» у сарматов часто основывают свою аргументацию на давно устаревших и вышедших из научного обихода положениях. В то же время широкое привлечение данных, известных современной этнографической науке, позволяет перенести сугубо археологический спор в область общей этнографии. Не касаясь дискуссионной проблемы соотношения материнского и отцовского рода в ранние периоды истории первобытности, исследователи считают необходимым со всей ясностью напомнить о следующих важных положениях, развиваемых в современной этнографии.

1. Разложение первобытнообщинного строя вовсе не обязательно знаменуется распадом материнского рода и заменой его родом отцовским. Патриархальный род и позднематеринский род — параллельные формы распада первобытнообщинных форм.

2. Для позднего материнского рода характерны такие черты, как матрилинейность счёта родства и порядка имущественного и социального наследования, матрилокальность (авункулокальность) или дислокальность брачной резиденции при наличии постепенно развивающейся патрилокальности; сохранение парного брака (или его пережитков); важная роль женщины в хозяйстве (есть исключения); высокое, но вместе с тем отнюдь не доминирующее положение женщины в социальном отношении — решающая роль принадлежит мужчине.

3. Как для патриархального, так и для позднематеринского рода характерны общие явления: развитие частной собственности, обособление отдельных семей в экономическом отношении, рождение форм эксплуатации.

4. Совершенно неправомерно употребление в дискуссии термина «матриархат», идущего ещё от В. Бахофена: применение исследователями этого термина не только затемняет, но и искажает существо спора.

Особое положение женщины у кочевых народов нашло отражение в средневековых письменных источниках. Так, указание о том, что женщины поздних кочевников принимают участие в ратных делах наравне с мужчинами, присутствует в сочинении Анны Комнин. Однако в погребениях поздних

кочевников южнорусских степей сабли, мечи, луки, шлемы, кольчуги, панцири присутствуют исключительно в мужских погребениях, в то время как ножницы, зеркала, браслеты — принадлежность женских позднекочевнических погребений; в то же время в женских погребениях в очень редких случаях известны находки колчанов — 3 случая, или 4%, и стрел — 3 случая, или 4%. Г. А. Фёдоров-Давыдов, исходя из данной совокупности фактических данных, вполне справедливо усматривает в сообщении Анны Комнин стремление увидеть амазонок в южнорусских степях [Фёдоров-Давыдов, 1966, с. 116-117].

Если обратиться к этнографическим материалам, характеризующим брак и семью кочевников Центральной Азии и иллюстрирующим обычное семейное право, то мы получаем данные, опять-таки свидетельствующие об относительно высоком положении женщин в семье и обществе. С одной стороны, выясняется, что женщина была в высокой степени обременена обширным кругом хозяйственных обязанностей и существенных правовых ограничений. С другой стороны, обычное семейное право у кочевников Центральной Азии (особенно у кочевников, не исповадовавших ислам, например у тувинцев, являющихся одним из древнейших по происхождению тюркоязычных народов) издревле предусматривало известную правовую самостоятельность женщины. Например, согласно обычному праву тувинцев, если муж наносил физическое оскорбление жене, она имела

(55/56)

возможность тут же расторгнуть брак и уйти к родителям, забрав с собой свою долю имущества (главную часть приданого составляла юрта). Неприличной и недопустимой считалась даже простая ссора между мужем и женой в присутствии посторонних. Эти моменты обычного права и семейного быта были зафиксированы рядом исследователей, в том числе и мною, в самых разных районах Тувы (ср.: [Яковлев, 1900, с. 94; Забелина, 1973, с. 82-84р. Аналогичные правовые нормы нам довелось наблюдать и у монголов — халха и дербетов (ср.: [Цэрэнханд, 1977]).

В киргизском эпосе фигурируют женщины-богатырши; зафиксировано участие женщин в богатырских развлечениях — воинских состязаниях киргизов [Симаков, 1977, с. 84].

Приведённые данные вполне убедительно свидетельствуют о специфических чертах положения женщины в кочевом мире, — чертах, сложившихся в глубокой древности и прошедших до наших дней через многие столетия, через смену социальных формаций.

ВОЗРАСТНЫЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ОБЩЕСТВА. [^](#)

Археологические данные в сочетании с антропологическими характеристиками позволяют в некоторых случаях выяснить контуры возрастных подразделений. В частности, определение возрастных категорий целиком не потревоженного в древности и полностью монографически исследованного могильника саглынской культуры в Туве Саглы-Бажи II (V-IV вв. до н. э.) даёт возможность сделать следующие заключения.

1. Возрастной состав погребённых соотносится с конструктивными данными погребальных сооружений (масштаб подземного сооружения и глубина его залегания). Антропологические определения показывают, что из 18 человек, погребённых на местах взрослых в «глубоких» камерах-срубках, 13 оказались людьми старческих для своего времени возрастов — средний возраст 45 лет с большим количеством людей 50-60 лет (Sen.). В «мелких» камерах-срубках погребены более молодые. На особых местах погребены дети; возрастной диапазон от менее 1 года до 7-8 лет (Inf.); все дети лежат, как правило, в ногах взрослых.

2. На «взрослых» местах в нескольких случаях погребены подростки 9-10 лет. Примечательно, что в этих случаях погребённые лежат у южных — юго-западных стенок камер, на краях «взрослых» рядов, и инвентарь, обнаруженный при этих погребённых, отражает некоторое их обособление от взрослых воинов: из оружия при подростках найдены только стрелы и отсутствуют тяжёлые бронзовые боевые кинжалы и чеканы, походные «несессеры» и другие предметы, обычно находящиеся при останках людей 25-летнего (Ad.) и более старшего возраста.

В целом не потревоженные в древности могильники Саглынской долины демонстрируют следующую картину половозрастного состава: 1) старшая категория, куда входили мужчины и женщины в возрасте Ad., Mat., Sen. — от 25-30 лет и выше; 2) категория взрослых мужчин и женщин, куда входили люди от 16 до 25 лет; 3) категория лиц подростковых и юношеских возрастов (от 9 до 16 лет), причисленных к взрослым, однако с ограничениями; 4) дети до 7-8 лет.

Проблема возрастных классов и их пережитков давно уже стала предметом исследований советских этнографов [Толстов, 1938, с. 72-81; Кисляков, 1936, с. 114-120, 138; Абрамзон, 1949; Абрамзон, 1947, с. 146; Рахимов, 1977, с. 43-44]. Рассмотрение С. П. Толстовым этой проблемы показало, что институт возрастных классов имел широкое распространение у древних народов Центральной и Средней Азии, а затем, прекратив своё существование в чистом виде, сохранился в виде пережитков вплоть до весьма поздних времён.

Специальное исследование посвятила этой проблеме К. Л. Задыхина [Задыхина, 1951, с. 157-159]. Обобщив материалы, собранные исследователями у узбеков, таджиков, киргизов, казахов, К. Л. Задыхина пришла к весьма важным заключениям: у народов Средней Азии как мужчины, так и женщины проходили четыре главные возрастные ступени: детство, юношество, зрелость и старость. Переход из одного подразделения в другое сопровождался реликтовыми ритуальными действиями и соответствующими изменениями в одежде, причёске и т.д. Мальчики, например, в возрасте от 5-7 до 9-12 лет отделялись от матерей и начинали освоение круга мужских занятий; совершались и некоторые обрядные действия, знаменовавшие их переход в разряд юношей. От 5-6 до 12 лет наступало время обрезания, знаменовавшее приобщение к разряду мужчин, — сложный комплекс, отражавший древние инициации. Главный вывод исследования таков: «Моменты, связанные с институтом возрастных классов, несмотря на деформацию и почти полное исчезновение этого института, представляют большой интерес, ибо благодаря им выявляется одна из недостаточно исследованных бытовых сторон жизни народов Средней Азии, прошедших общий для всех народов путь общественного развития» [Задыхина, 1951, с.178].

(56/57)

Возрастное разделение, обусловленное военной организацией общества, — явление не узколокального, а мирового порядка, характерное для народов, находившихся на заключительных этапах разложения первобытнообщинного строя и рождения государственных форм. Это явление весьма ярко отражает влияние военной организации общества на корректировку и некоторое переоформление привычного для первобытнообщинного строя возрастного деления. Подобные явления имели широкое распространение и в древности — у народов, проходивших стадии развития, отмеченные войной и развитием военных отношений. Наш археологический материал вполне убедительно свидетельствует об этом.

Наличие возрастных подразделений общества в скифском мире должно было предусматривать бытование инициации — комплекса испытаний, которые проводились при переходе молодых людей в категорию взрослых членов общества. Мировая этнография даёт поистине необозримое количество примеров и характеристик инициации и их пережитков у народов разных материков и этнокультурных зон. Этнографические материалы позволяют считать инициации комплексом явлений всемирно-исторического порядка, зародившимся во времена глубокой первобытности, но характерным и для эпохи распада первобытнообщинного строя и рождения классового общества (о происхождении возрастных инициации см.: [Семёнов, 1966, с. 302-309; Токарев, 1964б, с. 130-131, 213-235]).

Л. Леви-Брюль вслед за Спенсером и Гиленом дал одно из наиболее чётких определений сущности инициации: «Церемонии посвящения имеют целью сделать индивида «совершенным», способным исполнять все функции законного члена племени, они призваны закончить» его в качестве живого человека» Леви-Брюль, 1930, с. 237]. Далее Леви-Брюль начертил ставшую классической схему мировых систем инициации: «Новопосвящаемые отделяются от женщин и детей, с которыми ни жили до этого времени. Обычно отделение совершается внезапно и неожиданно. Будучи вверены попечению и наблюдению определённого взрослого мужчины, с которым они часто находятся в известной родственной связи, новопосвящаемые обязаны пассивно подчиниться всему, что с ними делают, и переносить, без каких бы то ни было жалоб всякую боль, пытки являются долгими и мучительными, а порой доходят до настоящих пыток. Тут мы встречаем и лишение сна, пищи, бичевание и сечение

палками, удары дубиной по голове, выщипывание волос, соскабливание кожи, вырывание зубов, обрезание, подрезание, кровопускание, укусы ядовитых муравьёв, душение дымом, подвешивание при помощи крючков, вонзаемых в тело, испытание огнём и т.д.» [Леви-Брюль, 1930, с. 238-239].

Л. Леви-Брюль делает вывод, сводящийся к тому, что стремление удостовериться в храбрости и выносливости иницируемых, испытание их мужества, их способности терпеть боль и не выдать тайну — это мотив второстепенный. Главный, по Леви-Брюлю, мотив достижения мистического результата, заключающегося в установлении связи между новопосвящёнными и «мистическими реальностями», которыми, по мнению французского исследователя, определяется сущность общественной группы [Леви-Брюль, 1930, с. 239].

Мы не будем вдаваться здесь в сущность мистических целей инициации — это не относится к предмету нашего исследования. Отметим лишь, что Л. Леви-Брюль определённо преуменьшает «экзаменационное» значение инициаций, являющихся суммой испытаний, которые должны были выдержать молодые, вводимые в разряд взрослых полноправных членов общества. Заметим, что во время посвящения, как справедливо подчеркивает Ю. И. Семёнов, юношам сообщали нормы поведения в коллективе [Семёнов, 1966, с. 303-304]. Что же касается варварского зачастую характера инициации, то он отражал те ступени социально-экономического развития, на которых находились конкретные этнические группы.

Письменные источники, хотя и не содержат целостной характеристики инициации у племён Великого пояса степей скифского времени, свидетельствуют о наличии инициации и об отдельных существенных элементах и нормах посвячительных и испытательных обрядов.

Повествуя о воинских обычаях европейских скифов, Геродот указывает: «Когда скиф убивает первого врага, он пьёт его кровь. Головы всех убитых им в бою скифский воин приносит царю. Ведь только принесший голову врага получает свою долю добычи, а иначе нет» [Геродот, 1972, с. 202; ср.: Геродот, 1888, с. 331]. При комментировании этого отрывка Г. А. Стратановский указал со ссылкой на «Золотую ветвь» Д. Фрэзера, что кровь врага пили, «чтобы вместе с кровью всосать его “силу”» [Геродот, 1972, с. 520]. Соотнесение Г. А. Стратановским рассказа древнего историка с материалами, имеющимися в труде Д. Фрэзера, в данном случае неосновательно: помимо приведённого Д. Фрэзером свидетельства о галлах, также имевших обычай пить кровь своих врагов и обмазываться ею, в труде этом сведены данные, свидетельствующие об обычаях многих народов, связанных с табу-

(57/58)

ированием крови [Фрэзер, 1928, с. 71-73]. Нам кажется, что обряд питья крови первого убитого в бою врага включал в себя прежде всего элемент испытания жизнестойкости души молодого воина, ведь по обширному кругу этнографических свидетельств можно судить о том, что вместе с кровью подразумевалось и вхождение в него души его врага.

Этногенетические предания скифов также содержат отзвук обряда инициации. Напомним в связи с этим рассказ о трёх сыновьях Таргитая — Липоксае, Арпоксае и самом младшем, Колаксае. Геродот пишет, что в их царствование на скифскую землю упали золотые предметы: плуг, ярмо, секира и чаша. «Первым увидел эти вещи старший брат. Едва он подошёл, чтобы поднять их, как золото запылало. Тогда он отступил, и приблизился второй брат, и опять золото было объято пламенем. *Так жар пылающего золота отогнал* (курсив мой. — А. Г.) обоих братьев, но, когда подошёл третий, младший, брат, пламя погасло и он отнёс золото к себе в дом. Поэтому старшие братья согласились отдать царство младшему» [Геродот, 1972, с. 188; ср.: Геродот, 1888, с. 305]. В рассказе этом, с нашей точки зрения, отразились обряды суровых испытаний огнём, — испытаний, которым, в свете этого свидетельства, подвергались скифские воины.

Второй вариант этногенетических преданий скифов опять-таки содержит элементы испытательных обрядов инициации. Геракл говорит женщине-змее: «Когда увидишь, что сыновья возмужали, то лучше всего тебе поступить так: посмотри, кто из них сможет вот так натянуть мой лук и опоясаться этим поясом, как я тебе указываю, того оставь жить здесь. Того же, кто не выполнит моих указаний, отошли на чужбину. Если ты так поступишь, то и сама останешься довольна и исполнишь моё желание» [Геродот, 1972, с. 189]. В переводе Ф. Г. Мищенко это место имеет оттенки, еще более категорично

указывающие на элемент испытаний: «Когда дети твои возмужают, поступи лучше всего так: посмотри, который из них натянет этот лук так, как я его натягиваю, и по-моему опояшется этим поясом, тому и предоставь твою землю для жительства; напротив, вышли отсюда того из них, который не сможет предложенной задачи выполнить (курсив мой. — А. Г.)» [Геродот, 1888, с. 307-308]. В отрывке этом мы видим не только испытания подвергавшихся инициации юношей, но и суровые выводы, которые следовали для тех, кто комплекса испытаний не выдерживал, — они не только не считались достойными быть равноправными членами общества, но и не считались достойными вообще жить на родной земле.

Есть у Геродота и отражение женских инициаций. Сообщая о брачных обычаях савроматов, он указывает: «Девушка не выходит замуж, пока не убьёт врага. Некоторые умирают старухами, так и не выйдя замуж, потому что не в состоянии выполнить обычай» [Геродот, 1972, с. 216; ср.: Геродот, 1888, с. 355]. Несмотря на несомненную долю гиперболизации (на это нам уже приходилось указывать в разделе, посвящённом роли и положению женщин), и здесь мы видим суровый обычай: не выдержавшая инициации девушка безоговорочно лишалась права на переход в категорию взрослых женщин и соответственно не получала права на вступление в брак.

Таким образом, в труде Геродота имеются вполне ясные свидетельства о том, что обряды инициации в скифском мире бытовали и что племена скифского времени не составляли в этом отношении исключения из общемирового круга. Старшие возрастные категории общества скифского времени планомерно готовили себе замену, и инициации являлись рубежом воспроизводства зрелых и полноправных членов общества.

В проблеме возрастных подразделений общества одними из узловых являются вопросы исследования молодежи: какова её роль в обществе, как происходит переход из младших возрастных категорий в старшие, каковы возрастные границы молодёжи (иными словами, где проходит рубеж, отделяющий молодёжь от старших возрастов)? Этим и другим важным вопросам теоретического порядка посвящена монография В. Н. Боряза [Боряз, 1969]. Он справедливо подчёркивает, что при определении такой группы общества, как молодёжь, следует исходить из комплекса данных, освещающих не только биологические, но и (что не менее важно) психологические и социальные характеристики [Боряз, 1969, с. 135]. Думается, что сказанное должно распространить и на определения других возрастных подразделений общества. К этому следует добавить, что собственно археологические объекты — погребальные комплексы дают возможность реально выделить, во всяком случае, две из отмеченных выше характеристик — биологическую (антропологическую) и социальную.

Определение сущности социальных отношений в связи с проблемой воспроизводства «совокупного индивида» было предложено М. Н. Перфильевым, который указал, что «в системе общественных отношений в качестве исходного звена существуют отношения, которые связаны с условиями существования и расширенного воспроизводства совокупного индивида как производительной силы (объекта и субъекта

(58/59)

труда) и как личности (прежде чем индивид включится в исторически обусловленную систему экономических, политических и иных общественных отношений, т.е. прежде чем он станет личностью в полном смысле этого слова, он должен быть как-то подготовлен к этим отношениям, получить элементарные навыки познания, чтобы приобщиться к ним)» [Перфильев, 1974, с. 38; ср.: Перфильев, Орлова, 1973, с. 98].

Данные исследования и выявления возрастных категорий общества древних кочевников скифского времени позволяют «скалькировать» определения методологического порядка на констатации, вытекающие из археологического и этнографического материала.

Прежде всего следует обратить внимание на то, что в обществе древних и поздних кочевников обычным правом был регламентирован процесс воспроизводства взрослых возрастных категорий за счёт возрастных категорий, постепенно подготавливаемых к общественной жизни — к труду, войне, к участию в многообразии социальных явлений. Процесс общественного воспроизводства предстает как

процесс организованный и жизненно необходимый; без планомерного пополнения соответствующим образом подготовленных взрослых членов общества кочевые объединения были бы, несомненно, обречены на гибель.

Возрастные категории молодёжи современного общества определяются В. Н. Борязом в пределах 14-35 лет (без дифференциации возрастного признака по полу) [Боряз, 1969, с. 148]. Археологические факты, в частности наблюдения, сделанные при исследовании саглыных усыпальниц, говорят о том, что возрастные границы подготовки молодёжи к активной жизни в обществе древних кочевников были значительно ниже, нежели современные, и возрастной диапазон категорий молодёжи охватывал возрасты от 9-10 до 25 лет. Этнографические факты в сочетании с археологическими данными убедительно свидетельствуют, что обществу кочевников процесс воспроизводства старших категорий за счет планомерной и узаконенной системы возрастных подразделений — подготовки молодых к деятельности взрослых людей — был присущ так же, как и любому другому типу общественной организации.

ОТРАЖЕНИЕ ВОЙНЫ И ВОЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ ДРЕВНИХ КОЧЕВНИКОВ. [^](#)

Археологический материал даёт исчерпывающие свидетельства того, что у древних кочевников широкое развитие имела военная организация; а война занимала в их жизни прочное место. Каждый мужчина, погребённый в фамильных камерах-срубках, это прежде всего воин, снабжённый полным набором вооружения. Ассортимент предметов вооружения, найденных при останках взрослых воинов, говорит о явной стандартизации: при каждом воине имеются кинжал-акинак, колчан со стрелами, боевой чекан, нож (говоря о ножах, следует учитывать и их хозяйственное, бытовое применение; это же относится и к луку со стрелами, которые использовались не только на войне, но и на охоте).

Важную роль войны и военной организации древних обществ особо отмечал К. Маркс, который, в частности, писал следующее: «...состоящая из ряда семей община организована прежде всего по-военному, как военная и войсковая организация, и такая организация является одним из условий её существования в качестве собственности» [Маркс и Энгельс, т. 46, ч. I, с. 4651. При этом К. Маркс указывал, что войны велись как для захвата чужих территорий, так и для защиты своих земель.

О социальных процессах, связанных с возникновением регулярных войн, Ф. Энгельс писал: «Грабительские войны усиливают власть верховного военачальника, равно как и подчинённых ему военачальников; установленное обычаем избрание их преемников из одних и тех же семейств мало-помалу, в особенности со времени утверждения отцовского права, переходит в наследственную власть, которую сначала терпят, затем требуют и, наконец, узурпируют; закладываются основы наследственной королевской власти и наследственной знати. Так органы родового строя постепенно отрываются от своих корней в народе, в роде, во фратрии, в племени, а весь родовой строй превращается в свою противоположность: из организации племён для свободного регулирования своих собственных дел он превращается в организацию для грабежа и угнетения соседей, а соответственно этому его органы из орудий народной воли превращаются в самостоятельные органы господства и угнетения, направленные против собственного народа» [Маркс и Энгельс, т. 21, с. 164-165].

Рассмотрение археологических материалов скифского времени по Алтаю, Туве, Монголии, Казахстану и Средней Азии показывает, что племена, оставившие эти памятники, стояли на стадии разложения первобытнообщинного строя и развития социальной и имущественной дифференциации. Саглыные срубы или погребения алды-бельцев — это места захоронения семей военной аристократии; не случайно каждый погребённый мужчина снабжён

(59/60)

достаточно богатым набором вооружения. Не были ли эти знатные воины скифского времени в Туве, силою оружия установившие свою власть над рядовыми кочевниками, синонимичны знатым участникам военных дружин на Западе? Представляется, что в общем плане постановка такого вопроса вполне правомерна, невзирая на локальную специфику и взаимную хронологию — факторы, которые надо постоянно держать в поле зрения. Иными словами, процесс разложения первобытнообщинного

стройка у разных народов и на разных территориях Евразии наряду с местной спецификой не может не иметь сходных моментов и параллельных линий развития.

Археологические материалы дают конкретные свидетельства вытеснения этнических образований с определённых территорий в результате вторжения чужеродных этнических групп. В связи с этим нами был вновь пересмотрен важный вопрос о времени и обстоятельствах «ограбления» в древности курганных могильников. Установление датировки и целей нарушения погребений — дело сложное, однако практика полевых исследований показывает, что тщательная и всесторонняя фиксация исследуемых объектов даёт в ряде случаев возможность достоверно судить о времени нарушения погребений; большое значение имеют данные общей стратиграфии комплексов, не менее важно фиксировать в каждом отдельном случае степень разложения трупов погребённых людей к моменту проникновения в камеру «охотников за мёртвыми».

В целой серии случаев удалось установить, что нарушение древних погребений скифского времени было совершено вскоре после их сооружения, а мотивы проникновения в усыпальницы не были связаны только с поисками бронзовых, золотых и других ценностей. Так, некоторые курганы скифского времени в Центральной Туве (могильники Куйлуг-Хем I, Улуг-Оймак I, II) были нарушены явно не с целью простого грабежа, а по несколько иным мотивам; костяки погребённых были порублены и затем вновь завалены камнями, из погребений исчезли боевые кинжалы и многие другие предметы вооружения, но там были оставлены ценные золотые и бронзовые предметы. Естественно предположить, что в погребения проникли пришельцы, захватившие данную территорию и осуществлявшие «обезвреживание» мёртвых врагов.

Существенна в этом плане картина ограбления Второго Пазырыкского кургана на Алтае, восстановленная С. И. Руденко: с погребённых была сорвана и изорвана в клочья одежда, головы были отрублены, у женщины обрублены ступни, голени и кисть правой руки, надломлены пальцы. Туловища обоих погребённых были вырублены из льда, заполнявшего колоду, и брошены к западной стенке камеры, отрубленные головы также отброшены. С. И. Руденко считает, что расчленение мумифицированных трупов понадобилось лишь для удобства грабежа — совлечения с погребённых гривн, браслетов, колец [Руденко, 1949, с. 264-265]. В этом с автором раскопок трудно согласиться: сравнение с картинами «разграбления» более скромных усыпальниц носителей среднего социального слоя саглынской культуры в Центральной Туве позволяет предположить, что и пазырыкские мумии были «обезврежены» людьми, проникшими в роскошные царские усыпальницы на Алтае.

Показательно, что радиоуглеродная дата нарушения Первого Туэктинского кургана совершенно совпадает с общей датой памятника — 2450 ± 120 лет [Руденко, 1960, с. 103; Вутомо, 1963, с. 26]. Большие Пазырыкские курганы также были ограблены вскоре после их сооружения, о чем свидетельствуют характеристики первой и второй мерзлотных фаз [Руденко, 1953, с. 21-22].

Проникновение в камеры Пазырыкских, Башадарских, Туэктинских курганов Алтая и курганов скифского времени Тувы велось большими коллективами людей, причём совершенно открыто. Представить в качестве подобных грабителей и осквернителей могил соплеменников погребённых, разумеется, невозможно. Известное свидетельство Геродота о почитании могил предков относится, правда, к западным скифам, однако приводимый Геродотом ответ Иданфирса Дарию весьма показателен для идеологии эпохи древних кочевников в целом. Скифский царь дал следующий ответ царю персов: «Никогда прежде я не убегал от страха ни от кого, не убегаю и от тебя, и теперь я не сделал ничего нового сравнительно с тем, что обыкновенно делал в мирное время. Почему я не тороплюсь сразиться с тобой, объясню тебе это. У нас нет городов, нет засаженных деревьями полей, нам нечего опасаться, что они будут покорены или опустошены, нечего поэтому торопиться вступать с вами в бой. Если бы вам крайне необходимо было ускорить сражение, то вот: есть у нас гробницы предков; разыщите их, попробуйте разрушить, тогда узнаете, станем мы сражаться с вами из-за этих гробниц или нет» (Геродот, IV, 127).

Нарушители покоя древних усыпальниц были, конечно, иноплеменниками, захватившими данные территории в результате военного вторжения. Чрезвычайный интерес представляет в связи с этим серия фактов перекрыва-

ния курганами алды-бельской культуры более древних погребений монгун-тайгинского типа в Туве. На могильниках Куйлуг-Хем I, Орта-Хем II, III, Чинге I курганы алды-бельцев как бы подавляют собою памятники предшествовавших им обитателей Центральной Азии. На разных могильниках отмечен один и тот же приём перекрывания — алды-бельские курганы перекрывают монгун-тайгинские краями. Факты эти можно трактовать как своего рода символику победы и завоевания территорий.

Современное состояние разработки вопросов социального устройства племен скифского времени, расселявшихся на территории Великого пояса степей, показывает, что археологические данные представляют достоверную информацию по вопросам как общего, так и частного значения. В то же время нельзя не констатировать, что разработка проблемы находится ещё в начальной стадии. Одна из наиболее существенных трудностей — наметившаяся неравномерность в исследовании конкретных историко-археологических зон, затрудняющая выполнение необходимых сопоставлений. Дальнейшая разработка проблем социального строя по археологическим данным, проводящаяся комплексным методом, представляется делом большой исследовательской перспективы. Успех на сложном пути расшифровки древних социальных форм будет, разумеется, принадлежать целевой археологии, находящейся в неразрывной связи с этнографической наукой.

[1] Ряд разделов этой главы и некоторые не включённые в неё общие положения были опубликованы: [Грач, 1975б, с.158-182].

[2] Сравнительно недавно исследования могильников эпохи бронзы ощутимо поколебали хрестоматийные представления о парных погребениях. Неодноактными оказались 6 из 9 парных разнополюх погребений тазабагыбской культуры на могильнике Кокча 3, исследованных С. П. Толстовым и М. А. Итиной; более того, оказалось, что в 6 случаях разнополюх погребений в трёх раньше мужчины была погребена женщина (см.: [Толстов, 1962, с.55]). Аналогичные факты были отмечены В. С. Сорокиным при исследовании могильника Тасты-Бутак I в Казахстане [Сорокин, 1959, с.12-13].

[3] Все три отрывка о савроматах цит. по изданию: [Геродот, 1972, с. 215-216].

[4] См.: [Геродот, 1972, с. 193]. В переводе Ф. Г. Мищенко первая часть фразы имеет несколько иной оттенок: «Вообще же этот народ считается справедливым...». [Геродот, 1888, с. 315].

Глава VII. Верования и погребальный ритуал.

Храмы солнца древних кочевников.

«Огневой» прибор из Саглы и вопросы расшифровки циркульного орнамента.

К расшифровке семантики антропоморфных женских подвесок.

Погребальный ритуал (идеологические аспекты).

Изучение идеологии племён Центральной Азии скифского времени является задачей, сложность которой определяется прежде всего полным отсутствием письменных источников, прямо свидетельствующих об идеологии, верованиях и погребальном ритуале указанного региона. Это обстоятельство практически делает главным источником для освещения этих вопросов археологические материалы. Сказанное, однако, вовсе не исключает, а, напротив, предполагает привлечение нарративных данных, касающихся синхронных племён Великого пояса степей скифского времени.

Специфика археологических данных определяет фрагментарность изучения вопросов верований древних кочевников. Это обстоятельство диктует комплексный подход к решению поставленной задачи, в частности обязательное привлечение данных, имеющихся в распоряжении этнографии.

Исследования, произведенные в 50-70-е годы в Туве, значительно расширили возможности изучения духовной жизни людей скифского времени: в дополнение к многочисленным погребальным

комплексам, которые и раньше обычно давали основной материал по этой проблеме, в Центральной Азии были открыты и исследованы храмы солнца, сооруженные древними кочевниками.

ХРАМЫ СОЛНЦА ДРЕВНИХ КОЧЕВНИКОВ. [^](#)

Особое значение имеют раскопки Улуг-Хорума — наиболее крупного по масштабам кургана-храма Тувы (подробную характеристику памятника см. в прил. 1). Результаты исследований этого монументального комплекса солярного культа необходимо рассмотреть на фоне общих сведений о культе солнца у древних кочевников Великого пояса степей.

В плане саглынский Улуг-Хорум представляет собой гигантское кольцо с 32 «спицами»-лучами, т.е. как бы солнце, распластанное в степи. Хорошо известно, что колесо (как и символ в виде круга с точкой в центре, а также древний знак-свастика) является одним из наиболее распространённых у целого ряда древних и почти современных народов символов, обозначающих солнце [Липс, 1954, с. 199; Штернберг, 1936, с. 373; Миллер, 1933, с. 125-157; Montelius, 1905]. Колесо — это не только обозначение собственно солнца, но и символ его движения. В самом деле, великое светило, от восхода до заката совершающее зримое людям движение по небосводу, имело прямое сходство с колесом: чётко видимые при соответствующих метео- и световых условиях солнечные лучи составляли в представлении людей спицы солнечного колеса, появляющегося утром на востоке и скрывавшегося вечером на западе.

Миниатюрные поделки в виде колеса, справедливо интерпретируемые исследователями как символы солярного культа, были распространены в скифское время очень широко, — они обнаружены среди собственно скифских древностей (например, в Каменском городище) и в античных городах Северного Причерноморья, в частности в Ольвии [Граков, 1962, с. 92]; найдены эти предметы в памятниках ананьинской культуры [Talgep, 1919, с. 154], в савроматских погребениях [Смирнов, 1964], среди памятников финно-угров [Голубева, 1978].

Какова семантика сотен кольцевых выкладок, зафиксированных в непосредственном окружении саглынского солнечного храма? С нашей точки зрения, не исключена возможность того, что они обозначают систему звёзд и планет, и солнце — Улуг-Хорум — предстаёт таким

(62/63)

образом в окружении обширной космической системы. [\[1\]](#)

Выше уже указывалось, что Улуг-Хорум, хотя и является наиболее масштабным из известных в Туве курганов-храмов, вовсе не единичен. Два аналогичных памятника меньших размеров представлены в одной с ним группе, аналогичные курганы имеются в других пунктах Саглынской долины (в том числе и в Саглы-Бажи; один из них раскопан нами в 1960 г.) и на территории Сагильского сумона МНР — по левому берегу р. Дужерлиг. Представлены они и на крайнем юго-западе Тувы — в Монгун-Тайге, в частности в долине р. Моген-Бурен.

Исследователями ранее не предполагалась возможность строительства подобных курганов-храмов кочевниками. Однако Улуг-Хорум и серия аналогичных ему памятников являются неопровержимым свидетельством того, что уже в раннескифское время сооружение курганов-храмов солнцепоклонников велось в весьма широких масштабах. Наличие солнечных храмов у древних кочевников Центральной Азии доказывает, что религиозная идеология, связанная с солнечным культом, была широко распространена.

Культ солнца имел широкое распространение в сако-массагетском мире. Геродот сообщает о массагетах: «Из богов чтут только солнце, которому приносят в жертву лошадей. Смысл жертвы этой тот, что быстрейшему из всех богов подобает быстрейшее животное» (Геродот, I, 216; см.: [Геродот, 1888, с. 114]). Страбон в полном согласии со свидетельством предшественника указывает: «Богом они почитают только солнце и приносят ему в жертву лошадей» (Страбон, XI, 86).

Ю. А. Рапопорт первый обратил внимание на то, что сообщение Геродота совершенно совпадает с образом Авесты (Видевдат, XXI, 20): «Солнце с быстрыми конями» [Rappoport, 1963, с. 130-131]. Этот вопрос был рассмотрен и К. Ф. Смирновым, который также сопоставил текст Авесты с сообщением Геродота, но пришёл к более осторожному, нежели другие авторы, выводу о том, что мировоззрение саков и савроматов «содержало элементы зороастризма» [Смирнов, 1964, с. 250-253].

Подробно и разносторонне данный вопрос был изучен Б. А. Литвинским, который привёл яркие сопоставления текстов, археологических материалов, этнографических и фольклорных данных. Анализируя тексты Авесты, Б. А. Литвинский особое внимание обратил на выражение: «Сияющее солнце, бессмертное, богатое (обладающее) быстрыми конями (*aurvat. asrem*) мы почитаем» [Литвинский, 1972, с. 149-155; здесь же см. литературу вопроса]. Б. А. Литвинский указывает, что, судя по текстам Авесты, «древние иранцы... представляли себе движение солнца по небу в виде сверкающей повозки, в которую запряжены небесные кони»; белые небесные кони связываются с солнечным богом и в Ригведе.

Как уже указывалось, на внешних сторонах крепиды кургана-храма имеются изображения лошадей, комбинирующиеся с изображениями горного козла и архара. Изучение зафиксированных нами двух фигур лошадей не оставляет сомнений, что здесь изображены не местные центральноазиатские лошади, а тонконогие поджарые скакуны с высокими шеями, область происхождения которых находилась далеко на Западе.

Сцены, обнаруженные при исследовании саглынского Улуг-Хорума, и стилистически и композиционно во многих важнейших чертах совпадают со знаменитыми изображениями, обследованными в 1946 г. экспедицией А. Н. Бернштама в Киргизии в 25 км к северо-западу от г. Оша, вблизи селения Араван, а также с изображениями, открытыми на скалах Айрымачтау, в 8 км к северо-западу от г. Ош [Бернштам, 1952, с. 222-230; Бернштам, 1948а, с. 115-161; Заднепровский, 1962, с. 125-128].

Араванские изображения состоят из двух объектов, расположенных на отдельных плитовых поверхностях. Первый объект включает изображения двух лошадей вправо; второй объект более сложен и включает, как и первый, изображения двух лошадей вправо и, кроме того, изображения горных козлов, благородного оленя и человеческие фигуры, которые, по интерпретации, предложенной А. Н. Бернштамом, исполняют культовый танец. Что касается изображений горных козлов, то А. Н. Бернштам трактует их не как объекты охоты, а как солярно-космические символы. Тонко проанализировав изображения лошадей, А. Н. Бернштам справедливо связывает их с кушанским кругом и подчеркивает их отличие от ло-

(63/64)

шадей Монголии и Передней Азии. А. Н. Бернштам приходит к выводу, что на араванских памятниках мы видим изображения высокоценной на Востоке и в Китае местной породы даваньских лошадей — знаменитых «шаньма» — чистокровных лошадей, потомков небесных коней тяньма (А. Н. Бернштам ссылается на «Шицзи», 123, л. 3, 14а).

Изображения Айрымачтау стилистически совершенно аналогичны араванским. Однако, как отмечает Ю. А. Заднепровский, здесь изображения лошадей (их в Айрымачтау более 30) комбинируются не только с фигурами горных козлов: есть сцена, где композиция включает наряду с фигурами лошадей и фигуры оленей с подогнутыми ногами и ветвистыми рогами [Заднепровский, 1962, с. 126] (последние, очевидно, выполнены в скифском зверином стиле). Аналогичные араванским изображения лошадей открыты также среди петроглифов Сармичсая и Башкызылсая [Кабилов, 1971, с. 410-411; Кабилов, 1974, с. 18, 23-24]. Тонконогие лошади с «лебедиными» шеями, являвшиеся предметом алчных вожделений древнекитайских полководцев, ходивших походами на Давань, были и в табунах кочевых властителей. Напомним, что лошади этой породы найдены наряду с типичными центральноазиатскими лошадьми в Больших Пазырыкских курганах на Алтае, т.е. в непосредственной близости от Тувы и Северо-Западной Монголии. В. О. Витт, исследователь останков лошадей, обнаруженных в Пазырыке, полагает, что лошади эти были выведены внутри местной породы, и отвергает возможность гипотезы об импорте их из отдалённых стран [Витт, 1952, с. 184; ср.: Руденко, 1953, с. 71-72]. М. П. Грязнов, напротив, полагает, что это были лошади, полученные кочевыми владыками из Средней Азии, дорогие кони, содержавшиеся на зерновых кормах и особо обихаживаемые (в то же время М. П. Грязнов фиксирует, что в день своей смерти лошади Первого Пазырыкского кургана питались травой и пережили период весенней

бескормицы). М. П. Грязнов подметил сходство некоторых существенных черт ухода за тонконогими скакунами пазырыкских властителей с чертами, сохранившимися до современности у туркменских коневодов, — подрезку волос по краям ушей, в ушных раковинах, на щеках, путовых суставах и на репице хвоста [Грязнов, 1950, с. 51].

Стиль изображений Улуг-Хорума и памятников араванского круга, как и внутрикомпозиционные особенности едины. В то же время необходимо подчеркнуть, что если связь араванских изображений с солнечно-космическим культом могла устанавливаться в общем гипотетически, то изображения Улуг-Хорума, входящие в общий комплекс храма солнца, фиксируют эту связь вполне определенно. Свидетельства письменных источников — от Авесты и Ригведы до Геродота — о взаимосвязи культа солнца с культом коня получают теперь материальное подтверждение.

Интерпретацию, которую А. Н. Бернштам дал смысловому значению изображений горных козлов, зафиксированных среди петроглифов араванской группы, аргументированно поддержал А. П. Окладников, который справедливо напомнил, что связь образа горного козла с солярно-космическим культом относится к числу явлений, общих для обширных пространств Центральной и Средней Азии. Араванско-улуг-хорумская линия этого сюжета простирается до пределов Забайкалья; среди петроглифов этого региона А. П. Окладниковым были открыты весьма многочисленные изображения горных козлов и архаров, комбинирующихся с солярными знаками (местонахождения Усть-Кяхта — гора с маяком, Бага-Заря, Табангутское обо) [Окладников, Запорожская, 1969, с. 22-28, 30-31, табл. 15, 1, 18, 2, 6, 19, 20, 5, 21, 22, 2, 24, 2, 27, 2, 3, 30, 1, 31, 4, 34, 37, 2, 3, 39, 2, 40, 1, 42, 4, 43, 1; Окладников, Запорожская, 1970, с. 146]. Солярные знаки, обнаруженные среди петроглифов Забайкалья, распадаются на две основные группы — круги с крестообразной разметкой внутренних линий и круги с более множественным количеством лучей солнечного колеса. Существенно, что комбинации других животных с солярными знаками находятся по сравнению с комбинациями солярных знаков и горных козлов в несомненном меньшинстве. Нельзя не отметить также, что среди петроглифов Забайкалья, исследованных и изданных А. П. Окладниковым, есть изображения лошадей явно не местной породы — скакунов с «лебедиными» шеями, расположенные по соседству с солярными знаками [Окладников, Запорожская, 1970, с. 22, табл. 15, 2].

Материалы исследования саглынского Улуг-Хорума позволяют вновь вернуться к сложной проблеме генезиса «солнечной» религии у племён скифо-сакского мира и к вопросу о «подоснове» зороастризма у древних иранцев.

Большинство исследователей сходятся во мнении о хронологической многослойности зороастризма (см. по этому поводу: [Лившиц, 1963, с. 232-233; Литвинский, 1972, с. 151]). «Авеста, — пишет Б. Г. Гафуров, — сложный сплав разнородных и разновременных элементов» [Гафуров, 1972, с. 60; ср.: Гафуров, 1952, с. 27-30]. К важному заключению пришёл В. И. Абаев, который констатировал, что «зороастризм зародился в непосредственном контакте со скифской стихией и при известном уча-

(64/65)

стии этой стихии» [Абаев, 1956, с. 39]. Широкое распространение получила концепция о появлении зороастризма в Средней Азии с приходом сако-массагетских племён.

Кому посвящались храмы солнца древних кочевников, обнаруженные в Центральной Азии, — абстрагированному солнечному образу или персонифицированному божеству? Вопрос этот в значительной мере остается пока открытым. Следует, однако, напомнить суждение Б. А. Литвинского о «солнечном боге» массагетов: с точки зрения этого исследователя, было бы рискованно отождествлять этого бога только с Ахура-Маздой, это мог быть Митра или божество комплексное, в котором слиты черты Ахура-Мазды и Митры. В связи с возможностью посвящения солнечных храмов типа Улуг-Хорума персонифицированному божеству нельзя не обратить самое пристальное внимание на то, что центральные наземные сооружения увенчивались оленными камнями совершенно определённого типа — с «ожерельями», круговыми выбоинами, изображениями животных и предметов вооружения. Не были ли эти стелы антропоморфным отображением образа солнечного божества? Вопрос этот, несомненно, заслуживает дальнейшей разработки.

Солнечные храмы древних кочевников предстают как памятники сложившейся и весьма разработанной идеологической системы. В свете материалов исследований этих храмов в Туве можно считать установленным, что в ареал солярных культов, столь распространённых в индо-иранском мире, входила и Центральная Азия.

«ОГНЕВОЙ» ПРИБОР ИЗ САГЛЫ И ВОПРОСЫ РАСШИФРОВКИ ЦИРКУЛЬНОГО ОРНАМЕНТА. [^](#)

Существенное значение для понимания культовых представлений носителей саглынской культуры имеет анализ циркульного орнамента по планке-основе прибора для добывания огня из могильника Саглы-Бажи II (первую публикацию см.: [Грач, 1966в, с. 28-32].

Исследователи циркульного орнамента справедливо заключают, что он имеет широчайшее временное и территориальное распространение [Гущин, 1939, с. 63; Иванов, 1963, с. 464-473].

Древнейшие из числа известных в Сибири предметов с циркульным орнаментом были найдены в неолитических могильниках Прибайкалья — игольник из трубчатой кости птицы из могильника Циклодром и костяное острие из Китойского могильника [Окладников, 1950, с. 390, рис. 31].

Очень древние находки предметов с циркульным орнаментом были найдены при исследовании памятников древних земледельцев Южной Туркмении. И. Н. Хлопин полагает, что культовые идеи, отразившиеся в сооружении круглых жертвенников (основа их — круг с центральной точкой), возникли в конце периода Намазга I, в абсолютной хронологии — во второй половине IV тысячелетия до н.э. Этот орнаментальный сюжет продолжал существовать и в периоды Намазга II и Намазга III, когда он наносился на керамику и женские статуэтки [Хлопин, 1964а, с. 163-165; Хлопин, 1964б, с. 48-51]. Мотив этот в южноземледельческих культурах Средней Азии сохраняется и в эпоху бронзы; знак наносился на предметы с помощью штампов-матриц [Хлопин, 1978, с. 34-37].

Циркулярный орнамент весьма широко представлен на предметах скифского времени с территории Сибири. В Минусинской котловине он имеется на вещах тагарской культуры — костяных гребнях [Теплоухов, 1927, табл. 1, 7] и так называемых головных ножах (могильник Туран I, раскопки автора). В Туве роговые пряжки с циркульным орнаментом найдены в кургане 8 могильника Саглы-Бажи II и в кургане 2 могильника Даган-Тэли I.

В иероглифике древнего Египта кружок с центральной точкой выражал понятие «солнце» и был в числе иероглифов, обозначавших конкретные предметы. Этот иероглиф применялся и при образовании письменных знаков, использовался в переносном значении: в необходимых случаях иероглиф «солнце» передавал и понятие «день» [Истрин, 1961, с. 108-110; Добльхофер, 1963, с. 98, рис. 27; Авдиев, 1960, с. 7].

В древнекитайской иероглифике фигурировал всё тот же древний символ, тоже обозначавший солнце (правда, с течением времени знак этот сильно видоизменился). Кружок с центральной точкой можно видеть и среди пиктограмм на ритуальных бронзовых сосудах иньской и чжоуской эпох (II тысячелетие до н.э.) [Истрин, 1961, с. 105, 110, рис. 18-21]. Этот же солярный знак представлен и среди позднейшей китайской орнаментики.

Первое обобщение этнографических материалов по циркульному орнаменту у народов Сибири было произведено С. В. Ивановым [Иванов, 1963, с. 464-473]. Собранные им данные неопровержимо показывают, что у многих народов Сибири орнаментальный символ в виде кружка с центральной точкой также обозначал солнце. Этот солярный символ зафиксирован в орнаментике алтайцев (рисунки на шаманских бубнах), хакасов (круг с точкой — солнце, точка в центре — душа солнца), бурят (тамги — знаки собственности), якутов (подвески на

шаманском костюме), хантов (фигура игры — деревянный круг с точкой в центре), манси (украшения берестяной посуды), нанайцев (знаки на шапках, которые надевались на больных по указанию шамана), нивхов (знаки на деревянных ножах, употреблявшихся на медвежьем празднике) и других народов.

Изучение археологических и историко-этнографических материалов приводит к выводу, что циркульный орнамент является мировым орнаментальным мотивом, представленным у народов Европы, Азии и Америки. Этот солярный символ возник на разных материках земного шара конвергентно.

«Огневой» прибор из Саглы стал находкой, которая позволила предложить конкретизированную расшифровку древнего смыслового значения циркульного мотива. Напомним, что этот орнамент нанесен как на «рабочей» стороне огневого прибора, так и на обратной его стороне, где приложение лучкового сверла не предполагалось; на «рабочей» стороне кружка с точкой в центре нанесены как раз в ряду сверлин, и можно думать, что они были и на местах рабочих сверлин. Таким образом, «производственное» и культовое значения как бы слиты на саглыном приборе воедино.

Н. А. Рубакин, известный просветитель и исследователь явлений, которые в течение многих столетий было принято считать сверхъестественными, сделал весьма любопытные наблюдения над некоторыми зрительными эффектами, связанными с изображением концентрических кругов с точкой в центре. Действительно, если взять в руки предмет, на котором нанесено циркульное изображение, и потрясти его несколько секунд, то, когда глаз слегка устанет, появляется впечатление, будто круг вращается с большой скоростью [Рубакин, 1965, с. 113-114, рис. 11]. Добавим к этому, что, по-видимому, данное явление сыграло не последнюю роль в том, что циркульный мотив стал не только символом солнца, но и символом вращения — ведь сверло при добывании огня вращалось.

С учётом сказанного выше циркульный орнамент на «огневом» приборе расшифровывается как символ вращения, дающего тепло и свет, возжигающего из искр огонь домашнего очага. Нельзя в связи с этим ещё раз не обратить внимание на семейный характер погребальной камеры кургана 19, в которой была обнаружена уникальная находка и которая, как и другие усыпальницы саглынской культуры, близко имитировала бревенчатые зимние жилища древних кочевников.

Значение огня в быту и идеологии народов мира Ю. Липс охарактеризовал так: «Существование дома, племени и самой человеческой жизни было бы невозможно без благословенного огня, этого таинственного брата солнца. Значение огня настолько всеобъемлюще, что нет ни одного народа на земле, который в своих сказаниях и преданиях не пытался бы объяснить его происхождение. Огонь представляется настолько большой ценностью, что, согласно большинству мифов, люди похищают его у богов, которые его ревностно оберегали и отнюдь не собирались делиться им со смертными» [Липс, 1954, с. 34].

Орнамент на «огневом» приборе из Саглы свидетельствует, что семантика циркульного орнамента вовсе не исчерпывалась только солярной символикой — семантическое содержание мотива было гораздо шире и многообразнее. Кружок с точкой как символ солнца — это только часть весьма дифференцированной символики. «Огневой» прибор древних саглынцев показывает, что циркульный орнамент в древности являлся и символом добывания огня.

Графически простой, а в древности столь значительный символ бытовал и после окончания скифского времени. Так, мы видим кружок с точкой в орнаменте древнетюркской эпохи, — этот знак наносился на рукояти ножей, и седельные луки (могильник Кудыргэ на Алтае) [Руденко, Глухов, 1927, с. 44-45, рис. 11], на роговые обкладки берестяных колчанов (Монгун-Тайга, долина р. Каргы) [Грач, 1960б, рис. 63-65]; мотив этот был представлен и в орнаментике енисейских кыргызов [Киселёв, 1951, табл. IX (надо: LIX, — П.А.), 26; Нечаева, 1966, рис. 22, 5].

Солярный символ в виде кружка с точкой в центре продолжает жить в орнаментах многих народов мира, обозначая солнце, свет, горение, тепло, огонь, возникновение огня. В одних случаях знак сохраняет эту многообразную смысловую символику, в других случаях он утрачивает свое значение и превращается в орнаментальный мотив, лишённый смысла.

В наши дни данный символ присутствует среди астрономических знаков, обозначая солнце, и каждый может видеть этот знак ежедневно на отрывных листках своего календаря.

К РАСШИФРОВКЕ СЕМАНТИКИ АНТРОПОМОРФНЫХ ЖЕНСКИХ ПОДВЕСОК. [^](#)

Среди инвентаря, сопровождавшего погребённых в камерах-срубках саглынской культуры, была обнаружена серия своеобразных подвесок, вырезанных из кости. Эти подвески, несмотря на некоторые различия в деталях, совершенно однотипны: все они имеют «головку», а в ней — отверстие для подвешивания, ниже идет «поя-

(66/67)

сок», украшенный орнаментом либо в виде кружков, либо в виде поперечной резьбы, ещё ниже — усечённо-конусовидное основание. Таким образом, все подвески трёхмерные.

Во всех случаях, когда подвески были обнаружены в потревоженных погребальных камерах и когда принадлежность их можно было определить совершенно достоверно, они находились только при останках женщин (могильник Казылган, курган А-17, костяк 2; Саглы-Бажи II, курганы 4, 13).

Ключевое значение для определения семантики этих предметов имеет подвеска, найденная в кургане 13 могильника Саглы-Бажи II (костяк 2). На её «головке» виднеется чётко нанесенное изображение человеческого лица и причёски, завершающейся ниспадающей косой. Полная аналогичность этой подвески по форме и орнаментации другим подобным подвесным амулетам позволяет определить их как амулеты антропоморфные, изображающие женщин в расширяющейся книзу одежде. Нахождение же этих антропоморфных подвесок только при женских костяках заставляет искать их связь с культами плодovitости.

На произведениях переднеазиатского искусства доахеменидского и ахеменидского времени в культовых и иных сценах встречаются изображения предметов, удивительно напоминающих саглынские подвески. Предметы эти обычно трактуются в литературе как «курильницы». Как и саглынские подвески, «курильницы» всегда трёхмерные: вверху — главообразное навершие, в «поясничной» части — орнаментированный перехват, нижняя часть конусообразная, расширяющаяся книзу.

Ранние образцы изображений «курильниц» известны в произведениях ассирийского искусства — на барельефах во дворце Ашшурбанипала в Ниневии и во дворце Саргона II в Дур-Шарруккине [Руденко, 1961, с. 17, рис. 7 а, б]. Сцены на обоих рельефах в значительной степени сходны: и тут и там изображены жрецы в молитвенных позах, большие алтари и перед ними «курильницы».

В ахеменидское время изображения «курильниц» фигурируют на цилиндрах, встречены они и среди рельефов Персеполя. В Персеполе две «курильницы» изображены на барельефе перед сидящим на троне Артаксерксом I [Руденко, 1961, с. 17, рис. 8; ср.: Фрай. 1972, рис. 31, 69]. С. И. Руденко отмечает, что наиболее поздним является изображение курильницы на цилиндре, представленном в коллекции Кларка и датированном первой половиной V в. до н.э. По описанию, приводимому С. И. Руденко, на цилиндре изображена богиня, сидящая на троне и держащая в руке растение (цветок), прислужница подаёт богине птицу, ещё одна женщина (она в зубчатой короне) находится перед «курильницей» [Руденко, 1961, с. 17, рис. 9].

На древнеперсидских тканях, обнаруженных в Пятом Пазырыкском кургане на Алтае, представлен этот же сюжет [Руденко, 1953, табл. CXVII, 3; Руденко, 1961, с. 15-17, рис. 6]. На ткани выявлена серия квадратов, заполненных сценой повторяющегося содержания. В центре сцены — «курильница» (С. И. Руденко допускает ещё одно значение — «жертвенник»); с обеих сторон перед «курильницей» находятся по две женщины в коронах, причём женщины, находящиеся непосредственно перед курильницей, более высокие, и с их корон ниспадает «фата»; женские фигуры, стоящие позади первых, ниже ростом, и в их уборе «фата» отсутствует; женщины в коронах — в строго канонических позах. Автор раскопок С. И. Руденко правильно подмечает сходство «курильниц» на древнеперсидской ткани из Пятого Пазырыкского кургана с приведённым выше кругом аналогий, причем дугообразное

изображение сбоку каждой «курильницы» С. И. Руденко справедливо интерпретирует как изображение цепочки, подобной цепочке на «курильницах» персепольского барельефа Артаксеркса I.

Рассмотрение сюжетов переднеазиатского происхождения показывает определённую связь «курильниц»-алтариков с культом Великой богини — матери всего сущего, причём данный культовый предмет скорее всего и являлся изображением этой богини. Чётко прослеживается и моление этому предмету именно женских персонажей культовых сцен.

О том, что культ Великой богини достиг пределов Саяно-Алтайской зоны, зримо свидетельствует знаменитый войлок из Пятого Пазырыкского кургана (войлок местной работы — это следует подчеркнуть). На нём нанесена повторяющаяся сцена, изображающая Великую богиню, восседающую на троне, в руке её неперменный атрибут — цветущая ветвь; перед богиней обращённый к ней всадник на коне — человек «арменоидного» типа, брюнет, с закрученными вверх усами, в развевающемся небольшом плаще [Руденко, 1953, с. 322-323, 375, табл. XXXVIII, XCV]. Итак, местные мастера-пазырыкцы исполнили на войлоке аппликацию переднеазиатского содержания. Изображение самими пазырыкцами этой сцены свидетельствует о важности культа Великой богини в идеологии народов Саяно-Алтая.

Культу Великого женского божества была суждена долгая жизнь как на протяжении скифского времени, так и в течение многих столетий, прошедших после окончания этой исторической эпохи.

(67/68)

На Западе, в причерноморских степях, этот переднеазиатский образ имел широкое распространение в ряде модификаций. Это грозная богиня Дева, которой приносились человеческие жертвы (Геродот, IV, 103), это и змееногая богиня скифов — одно из основных воплощений Великой владычицы зверей [Шелов, 1950, с. 64, 66, 69; Артамонов, 1961, с. 57-87; Пятышева, 1947, с. 214-215, 218; Грач, 1952, с. 178-181]. Образы эти, как и на своей родине — в Передней Азии, — тесно связаны с образом древа жизни (пути проникновения древневосточных мотивов в скифское искусство убедительно прослежены Б. Б. Пиотровским; см.: [Пиотровский, 1949а, с. 182-187; Пиотровский, 1949б, с. 126-129; Пиотровский, 1944, с. 312; Пиотровский, 1959, с. 248-256, рис. 85-87]).

В первые века нашей эры поздним вариантом образа Великой богини является Орсилоха, упоминаемая у Аммиана Марцеллина (Amm. Marc., Res gestae, XXII, 34). Возможно, именно это женское божество с прорастающими руками было изображено вместе с двумя предстоящими крылатыми грифонами на известном штемпеле из боспорского города-крепости первых веков нашей эры Илурата. Возможно также, что именно Великому женскому божеству приносились человеческие жертвы в знаменитом илуратском святилище, раскопанном экспедицией В. Ф. Гайдукевича [Гайдукевич, 1950, с. 187-200; Гайдукевич, 1958, с. 37-47, 79, 81-84, рис. 13, 15, 27, 29, 30, 31, 76; Гайдукевич, Капошина, 1951, с. 185-186, рис. 15; Gaidukevič, 1971, с. 410-411; Грач, 1952, с. 174-181].

Образ Великой богини дожил в Европейской России до этнографической современности, превратившись в орнаментальные мотивы русских вышивок и почти полностью утратив с течением многих веков свою древнюю многоплановую семантику [Стасов, 1872; Городцов, 1926, с. 7-36; Динцес, 1951, с. 465-491, рис. 241-248, 254, 264, 266-267; Динцес, 1948, с. 36-38, 43, рис. 1, 2, 7; Рыбаков, 1948, с. 90-106; Амброз, 1965, с. 14-27; Амброз, 1996, с. 62-76]. В азиатских степях образ Великой богини тоже был пронесён через тысячелетия и в реликтах дожил практически до наших дней.

Рассматривая дальнейшую историческую судьбу образа, связанного с женскими антропоморфными амулетами скифского времени, необходимо иметь в виду и антропоморфную фигурку гуннского времени из Ноин-Улы (курган 23, найдена в могильной камере возле гроба) [Руденко, 1962а, с. 88, 121, рис. 64]. Фигурка эта уплощённой формы (толщина около 0,5 см), вырезана из полупрозрачного камня, трёхмерная, в верхней части вырезаны контуры человеческого лица, над которым угадываются контуры высокого головного убора; сверху вниз фигура расширяется (контуры расширяющегося платья). Имеются все основания предполагать, что фигурка изображает женщину. Не исключена возможность и того, что погребение в кургане 23 было женским, во всяком случае, инвентарь, сохранившийся в разграбленной камере, как будто этому не противоречит. С. И. Руденко указывал, что, хотя большие курганы Ноин-Улы принято считать погребениями хуннских шаньюев, в некоторых курганах,

возможно, были погребены женщины, принадлежащие к хуннской знати (так, С. И. Руденко считал женским погребение в кургане 24) [Руденко, 1962а, с. 23].

Сопоставляя фигурку из Ноин-Улы с антропоморфными амулетами из более древних саглыньских курганов, следует всё же иметь в виду, что аналогичность сопоставляемых предметов не является безусловной и должна быть подкреплена новыми находками.

Под именем Умай Великая богиня почиталась племенами древнетюркского времени — предками современных тюркоязычных народов. Это имя фигурирует в древнетюркских текстах. В надписи в честь выдающегося деятеля II тюркского каганата «премудрого» Тоньюкука имеется такое место: «Небо, (богиня) Умай, священная Родина (земля-вода) — вот они, надо думать, даровали (нам) победу» [Малов, 1961, с. 68]. В тексте на памятнике принцу Кюль-Тегину тоже упоминается Умай: «В десять лет для (т.е. на радость) её Величества моей матери-катун, подобной Умай, мой младший брат получил геройское имя Кюль-Тегин (стал зваться мужем, т.е. богатырем)» [Малов, 1951, с. 40; Мелиоранский, 1899, с. 71].

Умай представлена и среди образов искусства древнетюркского времени. Изображение богини присутствует на известном валуне из могильника Кудыргэ: в сложной сцене, высеченной на камне, имеется изображение богини в короне, ещё одно женское изображение (слева от главной женской фигуры), значительно меньшее по масштабу, но тоже в короне, держит в руках уздечку одного из трёх присутствующих в сцене коней [Руденко, Глухов, 1927, с. 51-52, рис. 18; Гаврилова, 1965, с. 20; Длужневская, 1978, с. 230-237]. Л. Р. Кызласов был первым, кто достоверно отождествил главное женское изображение на кудыргинском валуне с богиней Умай [Кызласов, 1949, с. 49]. Следует обратить особое внимание на то, что древнетюркская Умай, как и её древнеиранские прообразы, изображена с короной на голове.

(68/69)

Богиня Умай древних тюрков и одноимённое божество, почитавшееся многими современными или почти современными тюркоязычными народами, соединены единой генетической линией (впервые это подметил выдающийся русский тюрколог М. П. Мелиоранский, который указал также, что «современная» Умай — «покровительница детей») [Мелиоранский, 1898, с. 266]. Этнографы Н. Ф. Катанов, Н. П. Дыренкова, Л. Э. Каруновская, С. М. Абрамзон и др. зафиксировали культ Умай у таких народов, как алтайцы, хакасы, шорцы, а также киргизы и узбеки [Образцы народной литературы тюркских племён, 1907, с. 564, 578; Дыренкова, с. 134-139; Каруновская, 1927; Абрамзон, 1949, с. 82]. Все эти материалы, как и материалы собственных полевых сборов, были сведены Л. П. Потаповым, посвятившим культу Умай у тюркоязычных шаманистов специальное исследование [Потапов, 1973, с. 265-286].

Работы этнографов показывают, что в позднейшее время Умай сохранила только часть своих божественных функций: в XIX — начале XX в. она была покровительницей детей и фигурировала в обрядах, связанных с рождением ребёнка и ранним его детством. В древности же это была богиня, связанная и с войной [Грач, 1958, с. 158]: могущественной Умай приписывалось и дарование древним тюркам побед. В ещё более глубокой древности — в скифское, а также в сарматское время на западных территориях степного пояса грозному женскому божеству приносились человеческие жертвы.

Находка подвесок, символизировавших женское божество, только при женских костяках является, как нам кажется, достаточно ясным свидетельством того, что одна из столь, казалось бы, противоположных функций женского божества, бывшего богиней войны и богиней плодovitости, широко признавалась в скифское время. Именно эта последняя функция — плодovitости, отражённая в культе Умай, дожила до самых позднейших времён [Грач, 1979в]. Все другие функции Великой богини в течение многих веков и под влиянием изменившихся исторических условий были забыты и утрачены навсегда.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ РИТУАЛ [^](#)

(идеологические аспекты)

В погребальном ритуале носителей многих культур скифского времени нашло отражение важное социальное и идеологическое явление эпохи в целом — коллективизм в сооружении погребальных

комплексов и, часто, коллективный характер самих комплексов. Это явление ярко представлено в памятниках алды-бельской и саглынской культур. Особенно существенным представляется то, что сплочённость конкретных кочевых коллективов отразилась в памятниках обеих культур, несмотря на их разноэтничность, проявившуюся в резком отличии погребальных сооружений алды-бельской культуры от саглынских курганов.

Как уже указывалось в соответствующих разделах книги, погребения алды-бельцев были, как правило, одиночными, совершавшимися в подпрямоугольных плитовых или деревянных камерах. Однако эти одиночные погребения всегда группируются возле главного — центрального — погребения в пределах общего погребального комплекса. Саглынские погребения совершались в общих для всего коллектива погребальных камерах-срубках, гораздо более значительных по сравнению с алды-бельскими размеров. При всём несхождении конструкций погребальных сооружений обеих культур и различии многих элементов погребального ритуала выделяется одна общая черта, состоящая в том, что это прежде всего погребения определённых коллективов людей.

Рассмотрение курганных погребений скифского времени, оставленных различными этническими объединениями на многих территориях Великого пояса степей, демонстрирует и на Западе, и на Востоке повторяющуюся и неперенную деталь конструкции погребальных сооружений — каменное кольцо, одинарное или двойное. Кромлех, таким образом, присущ курганам скифского времени многих археологических культур. В том или ином виде кольцевые выкладки являются компонентом курганных сооружений европейских скифов, савроматов, саков Приаралья, Памира, Ферганы и Тянь-Шаня, Семиречья, пазырыкцев Алтая, алды-бельцев Тувы. Впрочем, кольцевые каменные выкладки не свойственны погребальным сооружениям тагарской культуры на Среднем Енисее и большинству погребений саглынской культуры в Туве.

Одним из выдающихся образцов сооружений, связанных с конструкциями типа кромлехов, является храм солнца на открытом воздухе саглынский Улуг-Хорум у северной границы котловины Больших озёр Монголии.

Кромлехам разных исторических эпох посвящена поистине огромная литература. Среди этих трудов несомненно выделяется изданная почти 50 лет тому назад работа И. И. Мещанинова. Рассматривая материалы раскопок Усатовских курганов под Одессой и курганов Ольвийской периферии, И. И. Мещанинов пришел к совершенно определённом выводу о культовом назначении каменных курганных

(69/70)

колец: «Каменные круги (кромлехи) соединяются с курганами вовсе не случайно и играют вовсе не подсобную техническую роль крепид. Они выступают в этом соединении со своей самостоятельной ролью выразителя определённого культового задания» [Мещанинов, 1930, с. 9]. Уточняя и дополняя обобщаемые наблюдения, И. И. Мещанинов указал (в связи с материалами Зевсова кургана в Ольвии) на возможность комбинации культового и технического назначения кромлеха-крепиды [Мещанинов, 1930, с. 17].

Действительно, имеющиеся материалы по кромлехам в курганных конструкциях, в том числе и в погребальных сооружениях алдыбельской культуры, заставляют констатировать в большом числе вариантов явное слияние культовой семантики каменного кольца и его технико-конструктивного значения как крепиды, удерживающей курганное сооружение от развала и расползания. При этом смысловое значение кромлехов чаще всего справедливо связывается с солярно-космическими представлениями.

Курганы саглынской культуры в подавляющем большинстве находятся в ограде подчетырёхугольной формы (округлые ограды единичны). Во всех случаях, когда ограды эти при курганах зафиксированы, они «внешние» между оградой и собственно курганными сооружениями всегда имеется определённое пространство. Внутри ограждения находится, как правило, одна усыпальница. В редких случаях (например, могильник Саглы-Бажи II, курганы 3, 4) внутри ограды имеются два кургана со срубками, и лишь однажды зафиксированы три кургана (могильник Даган-Тэли I, курганы 1-3). В ряде случаев в оградах найдены каменные плиты или небольшие угловые камни, превосходящие, однако, по размерам

камни, из которых выложены стороны оград (при всём отличии саглыных памятников от курганов тагарской культуры Среднего Енисея в этом элементе можно видеть известное сходство идеологических мотивов).

Семантика подчетырёхугольных оград погребальных памятников саглынской культуры представляется иной, нежели смысловое значение сооружений типа кромлехов. Ограды эти обозначали, по-видимому, табуирование участков земли и соответственно табуирование усыпальниц, находившихся на этих участках.

Все люди, погребённые под курганами алдыбельской и саглынской культур, покоились на боку, с подогнутыми ногами, т.е. в так называемом скорченном положении. Количественно преобладают погребения на левом боку. Проблема скорченных погребений составляет одну из важнейших археолого-этнографических проблем мирового порядка. Глубочайшая древность их происхождения (древнейшие из известных погребений этого рода относятся к мустьерскому времени) и широкое их распространение практически во все исторические эпохи вплоть до этнографической современности издавна привлекают внимание исследователей к интерпретации скорченных погребений, к расшифровке их семантики.

Само понятие «скорченные погребения» в значительной мере условно, поскольку обычно им обозначают и погребения, скорченные в буквальном смысле слова, и погребения с чуть согнутыми в коленном суставе ногами. Под понятие «скорченные погребения» подпадают ещё два вида: погребения на спине с подогнутыми ногами и сидячие погребения (эти два вида погребений мы здесь не рассматриваем).

Рассмотрение погребальных обрядов, присущих населению этнокультурных зон Великого пояса степей скифского времени, и сопоставление с этими данными сведений о погребальных обрядах носителей алды-бельской и саглынской культур показывают, что такой важный элемент, как положение погребённых, вовсе не был повсеместно идентичен: в одних зонах преобладало помещение умерших в погребения в вытянутом положении на спине, для других зон были специфичны скорченные погребения.

В скорченном положении на боку хоронили умерших пазырыкцы Алтая и Тувы. Первое же неграбленное погребение среднего слоя носителей пазырыкской культуры, раскопанное в Саглынской долине (могильник Саглы-Бажи II, курган I), полностью подтвердило давнее предположение С. В. Киселёва о скорченном положении и восточной ориентировке как важных канонах погребального ритуала пазырыкцев. Предположение это было сделано С. В. Киселёвым на основе внимательного изучения сохранившихся *in situ* костей человека, погребённого в кургане 6 могильника Туэкта на Алтае [Киселёв, 1951, с. 293, табл. XXVIII, 21].

В скорченном положении хоронили своих покойников люди, оставившие памятники большереченского этапа на Верхней Оби, и саки Памира. В то же время в вытянутом положении на спине хоронили умерших сородичей тагарцы Среднего Енисея, носители культуры плиточных могил Монголии и территорий, прилежащих к Байкалу, бийцы Верхней Оби, саки Средней Азии и Семиречья, тасмолинцы Казахстана.

Вытянутое положение было господствующей позой погребённых в могильниках савроматов, хотя встречаются у них и скорченные погребения. По данным К. Ф. Смирнова, среди савро-

(70/71)

матских погребений скорченные составляют всего 14%, причём в раннесавроматское время скорченных погребений на спине зафиксировано 23,7%, а скорченных погребений на боку — 42%; в позднесавроматское время тех и других было соответственно 5,4 и 1,1% [Смирнов, 1964, с. 92]. Таким образом, у савроматов наблюдается резкое понижение процента скорченных погребений в V-IV вв. до н.э.

У скифских племён причерноморских степей преобладающим стал обычай хоронить покойников в вытянутом положении на спине [Смирнов А.П., 1966, с. 43, 54; Граков, 1971, с. 64; Телегин, 1972, с. 56-

58]. В то же время скорченные погребения, особенно на ранних этапах скифского времени, продолжают сопутствовать погребениям в вытянутом положении. [2]

Скорченные погребения встречены и в некрополях, расположенных в зонах античных городов Северного Причерноморья — Ольвии и Херсонеса. По вопросу об этнической принадлежности этих погребений существуют различные точки зрения. Большинство исследователей приписывает их местному населению (ольвийские — скифам, херсонесские — скифам или таврам) [Капошина, 1941, с. 161-173; Капошина, 1973; Книпович, 1940а, с. 80-82; Книпович, 1940б, с. 92-106; Белов, 1938, с. 194; Белов, 1950, с. 276-278; Белов, 1948, с. 31-33, табл. I, II; ср.: Блаватский, Гайдукевич, 1949, с. 147]. Мнение, что эти погребения являются греческими [Лалин, 1966, с. 212-213], подверглось острой критике (см.: [Шелов, Брашинский, 1969, с. 170]), но встретило и поддержку (см.: [Кадеев, 1972, с. 101-102]).

Как и на скифских могильниках, скорченные погребения ольвийского и херсонесского некрополей сосуществуют с основным и преобладающим типом — с погребениями в вытянутом положении на спине. В последние годы скорченные погребения были открыты в Чайкинском некрополе, расположенном возле одноимённого городища в Крыму [Яценко, 1974, с. 213-215; Коновалов, 1969, с. 294-295; Коновалов, 1971, с. 250; Коновалов, 1972, с. 344], и в некрополях Фанагории [Долгоруков, Масленников, Шавырина, 1975, с. 107], Кеп, Гермонассы, Тирамбы, Пантикапея [Масленников, 1976, с. 112-127]. Недавно скорченные погребения были открыты и в некрополе Нимфея (раскопки Н. Л. Грач, 1977 г.).

Присутствие скорченных погребений в собственно скифских могильниках и даже в некрополях античных городов Северного Причерноморья свидетельствует о наличии традиции, резко отличающей эти погребения от основной массы захоронений.

В археологической литературе господствует концепция, согласно которой скорченные погребения скифского времени, обнаруженные в Европейской части СССР, являются отражением традиций более древних исторических эпох на этих же территориях. Иными словами, предполагается автохтонное развитие этого погребального обряда в скифское время (см., например: [Труды XI АС, с. 156-157; Труды XIII АС, с. 240; Смирнов А. П., 1966, с. 54; Смирнов А. П., 1961, с. 86; Шелов, 1961, с. 90]). Это убеждение основано на том факте, что скорченное положение погребённых характерно для всех предшествующих скифскому времени историко-археологических общностей: и для ямной, и, что особенно важно в этом плане, для катакомбной и срубной культур.

Думается всё же, что охарактеризованная выше картина распространения скорченных погребений на территориях Великого пояса степей в целом, как и данные новейших исследований культур скифского типа в азиатских пределах пояса степей ставят на повестку дня и вопрос о возможных для раннескифского времени восточных проникновений обряда скорченности погребённых. Во всяком случае, в свете этих данных гипотеза автохтонного происхождения обряда скорченности в погребениях скифского времени Восточной Европы нуждается в проверке.

Скорченность погребений в курганах алдыбельской и саглынской культур, как и наличие скорченных погребений в других, разных по хронологии и этнокультурной принадлежности группах памятников, вовсе не является свидетельством этногенетической преемственности. Единственное, о чём можно в этом плане говорить, — это об известной общности религиозной идеологии в пределах скифского времени.

В Центральной Азии для всех вариантов памятников монгун-тайгинского типа, предшествующих алдыбельской культуре — наиболее ранней центрально-азиатской культуре скифского типа, — характерны скорченность и западная ориентировка погребённых. Однако, несмотря на то, что скорченность (так же как и преобладание западной ориентировки) присуща и алды-бельским погребениям и памятникам ещё более поздней саглынской культуры, говорить о генетической преемственности нет оснований, поскольку общий комплекс типичных черт погребального ритуала и конструк-

(71/72)

ций погребальных сооружений демонстрирует резкие отличия монгун-тайгинских погребений от алдыбельских и алды-бельских погребений — от саглынских. Речь может идти только о том, что

скорченность является и здесь, в Центральной Азии, как и дальше на Западе, явлением стадиально более древним,

В послескифское время — в погребениях улуг-хемской культуры, датируемых последними веками до нашей эры и относящихся уже к гунно-сарматскому времени, скорченность ещё продолжает сохраняться, однако общий комплекс типичных признаков ритуала и конструкции погребальных сооружений вновь свидетельствует об отсутствии прямой генетической связи между носителями улуг-хемской и предшествующей ей саглынской культуры.

В погребальном ритуале памятников кокзельского типа, датируемых первыми веками нашей эры, уже безраздельно господствует вытянутое положение на спине. В более поздние исторические эпохи — в древнетюркское время (VI-X вв. н.э.), в монгольское время, в погребениях тувинцев XVII-XX вв. при трупоположении вытянутое положение на спине сохраняется.

Рассмотрение погребального ритуала носителей алды-бельской и саглынской культур показывает, что в отличие от ряда других этнокультурных зон «скифского» мира — и от расположенных по соседству (тагарцы, зона плиточных могил), и от удалённых областей (саки Средней Азии и Казахстана, савроматы, собственно скифские территории) — скорченность погребённых была основным и преобладающим типом позы погребённых, прочно сохранявшимся на протяжении всего скифского времени в целом.

Широкое и длительное распространение обряда скорченности в пределах разных этнокультурных зон «скифского» мира, в том числе и наличие определенного процента скорченных захоронений среди погребений собственных скифских, показывает ошибочность известного вывода В. В. Гольмстен, сводившегося к тому, что «при трансформации... общества осёдлых пастухов в общество кочевых скотоводов (скифов) исчезает скорченность» и что это следует связывать «со значительным ослаблением родовых связей, с изменением формы семьи, с выделением частной собственности» [Гольмстен, 1935, с. 41]. Приходится заметить, что цитированные положения не соответствуют не только данным, полученным в течение последних десятилетий, но и материалам, имевшимся ко времени написания работы В. В. Гольмстен. Скорченность погребённых у алды-бельцев, саглынцев, саков Памира и ряда других племён сопровождала те же явления, общие для пояса степей в целом — рождение элементов классовых отношений, — что и в иных этнокультурных зонах, отмеченных иными чертами погребального ритуала. Таким образом, связывать исчезновение обряда скорченности в ряде районов степного пояса с разложением первобытнообщинного строя по меньшей мере неоправданно.

Попытки объяснения семантики скорченной позы погребённых исходят, как правило, из этнографических материалов и сводятся в основном к трём версиям: придание мёртвому позы спящего; придание мёртвому положения человеческого зародыша в утробе матери; наконец, стремление путём связывания трупа обезопасить живых от мёртвых.

Стандартного объяснения семантики скорченных погребений применительно к разным народам и историческим эпохам быть не может. Хотелось бы в то же время подчеркнуть, что к интересующим нас вариантам скорченных погребений наименее применима версия, объясняющая их появление и широчайшее территориально-временное распространение стремлением «обезвредить» мёртвого, сделать его безопасным для живых.

Этнографическая и археологическая литература полна выводов о страхе перед мёртвыми и о стремлении избавиться от них путём погребения. Напомним в связи с этим обобщение, сделанное Ю. Липсом, который, характеризуя страх перед мёртвыми, сопутствующий заботе о них, писал: «Представление о ревнивой мстительности мёртвых проходит красной нитью через похоронные обряды человечества, начиная с доисторических времён и кончая нашей современной цивилизацией». Далее Ю. Липс перечисляет «приёмы, которыми пользуются для того, чтобы заставить трупы оставаться в своих могилах»: заваливание камнями могил у тасманийцев и связывание ими трупов по рукам и ногам; связывание мумий древними египтянами; прибивание трупов гвоздями к доскам в первобытной Испании; «пришпиливание» покойников копьями у австралийцев; наконец, забивание гвоздями современных гробов [Липс, 1954, с. 386-387]. Все эти примеры приводятся порою и затем, чтобы аргументировать версию, будто основная функция такого способа погребения — обезопасить живых [Семёнов, 1966, с. 389-392].

На наш взгляд, главное, из чего должна исходить расшифровка погребений в положении на боку с подогнутыми ногами, — это прежде всего анализ самой позы. Необходимо в связи с этим подчеркнуть, что с древнейших этапов истории человечества эта поза была глубоко преднамеренной.

(72/73)

В свете всех имеющихся данных мы считаем возможным интерпретировать скорченные погребения под курганами алды-бельской и саглынской культур как погребения людей, покоящихся в позе спящих. Поскольку саглынские камеры-срубы являются близкими подобиями жилищ, есть основания предполагать, что погребения разных возрастных категорий людей в этих срубках повторяли размещение живых людей во время сна в реальных жилищах.

Сопоставлять смерть и сон, — казалось бы, сопоставлять несопоставимое. Между тем не только в представлениях древних людей, но и в научной биологии основания для такого сопоставления имеются. Рассматривая проблему аналогичности смерти и сна, великий русский учёный И. И. Мечников приводит соображения ряда исследователей, сводящиеся к тому, что сон является следствием самоотравления организма либо в связи с накоплением в мозгу продуктов истощения (которые уносятся кровью во время сна), либо в связи с накоплением в организме некоей кислоты, либо в связи с накоплением щелочи (лейкомаины), либо в связи с накоплением веществ, сходных с ядовитыми продуктами болезнетворных микробов [Мечников, 1964, с. 115-124]. «Аналогия между сном и естественной смертью, — указывает И. И. Мечников, — позволяет предположить, что последняя наступает также вследствие самоотравления. Оно гораздо глубже и серьёзнее того, которое вызывает сон» [Мечников, 1964, с. 119].

Переходя к характеристике отдельных черт погребального обряда древних кочевников Центральной Азии, следует прежде всего отметить, что черепа целого ряда людей, погребённых в могильнике Саглы-Бажи II и в других могильниках саглынской культуры, оказались трепанированными (особенно большая серия трепанированных черепов была получена при раскопках могильников Мажалык-Ховузу I, II). Трепанационные отверстия были проделаны в лобных, затылочных, теменных костях черепов (рис. 116). Очевидно, трепанационные отверстия проделывались для извлечения мозга. Обычно трепанация применялась при бальзамировании трупов, которое было широко распространено в различных районах древнего мира: в Ассирии, Мидии, у персов и египтян. Бальзамирование трупов умерших знатных лиц было в обычае у различных племён «скифского» мира — в Европейской Скифии и на соседнем с Тувой Алтае — у пазырыкцев [Руденко, 1953, с. 332, табл. XVIII; Руденко 1960, с. 329-334, рис. 1611.

С. И. Руденко, подробно проанализировавший все случаи трепанации и бальзамирования в курганах Алтая, отмечает, что они свойственны только погребённым в больших курганах и в курганах малых не встречены. В Туве же саглынские памятники дают, как уже указывалось, значительное число трепанированных черепов. Более того, при исследовании кургана 3 могильника Урбюн III (4-й отряд СТЭАН, Д. Г. Савинов, 1965 г.) были обнаружены впервые в Центральной Азии — останки мумифицированных тел людей. Части мумифицированных тел, уцелевших здесь после ограбления погребальных камер, демонстрируют высокий уровень искусства мумификации. Устанавливается ряд важных деталей применявшихся приёмов мумификации: мягкие ткани и мускулы удалялись, освободившиеся полости заполнялись травой, при сшивании употреблялись сухожилия и конский волос. Части мумифицированных тел сохранились и в кургане 1 могильника Даган-Тэли I.

В тех случаях, когда мумии не обнаружены, есть всё же основания полагать, что какие-то меры для возможно более долгого сохранения тел умерших предпринимались.

В погребальных обрядах древних кочевников Центральной Азии скифского времени большую роль играл культ лошади.

При раскопках царского кургана Аржан в Уюкской долине были обнаружены костяки более 160 жеребцов. С культом лошади были связаны и кольцевые выкладки: здесь в характерном сочетании зафиксированы кости коней черепа и кости ног ниже голеностопного сустава (отсутствуют позвонки, рёбра и крупные кости конечностей). М. П. Грязнов и М. Х. Маннай-оол полагают, что это остатки конских шкур, в которых были оставлены черепа и нижние кости конечностей. Исследователи Аржана считают также, что оградки были местами жертвоприношений после погребальных или поминальных

тризн. По подсчётам М. П. Грязнова и М. Х. Маннай-оола, на поминальных тризнах возле кургана Аржан было съедено около 300 лошадей [Грязнов, Маннай-оол, 1973, с. 200-204].

В курганах среднего социального слоя носителей алды-бельской культуры пока не найдено сопроводительных захоронений коней, но устойчивой серией представлены находки комплектов характерных для раннескифского времени уздечных наборов, включающих бронзовые удила со стремечковидными окончаниями. Комплекты эти находятся во всех случаях на краях центральных могильных ям, на уровне древней поверхности почвы. Нельзя не отметить, что далеко на западе, в собственно скифских областях, царские погребения тоже сопровождаются конскими гекатомбами, а погребения более скромных социальных кате-

(73/74)

горий, как правило, не содержат сопроводительных конских захоронений, однако в них часты предметы конской сбруи.

Можно считать установленным, что для погребений среднего социального слоя носителей саглынской культуры сопроводительные захоронения коней не характерны (ни один царский курган саглынской культуры пока не известен). Однако в саглыньских курганах присутствуют явные и многочисленные следы культа коня. Особенно знаменательными можно считать находки конских черепов с предметами конской сбруи у краёв могильных срубов. Первая находка такого рода была сделана ещё в 1927 г. С. А. Теплоуховым (могильник Туран I, курган 93 (34) [Полторацкая, 1966, с. 82-83]). За северо-западной стенкой сруба саглынской культуры было найдено 4 конских черепа и многочисленные предметы сбруи (в основном от уздечных наборов), а также 18 черепов овцы (ещё один череп овцы был найден за северо-восточной стенкой сруба). В большинстве курганов могильников Мажалык-Ховузу были обнаружены конские кости (в том числе черепа), а также овечьи кости (в том числе черепа). Значение этих находок трудно переоценить: они не только говорят о коневодческом направлении хозяйства кочевников-саглынцев, но и чётко фиксируют наличие у них культа лошади.

Сопроводительные погребения коней были обнаружены и в единственном пока раскопанном в Туве кургане алтайской пазырыкской культуры (могильник Саглы-Бажи II, курган 1), где кони в соответствии с канонами погребального ритуала пазырыкцев помещены на «полике» у северного борта погребальной камеры и ориентированы головами на восток.

Традиции помещения костей коня и предметов конского убора в погребения была суждена в Центральной Азии и Южной Сибири более чем двухтысячелетняя жизнь. Сопроводительные погребения коней, древнейшие варианты которых были открыты в погребениях скифского времени, представлены затем в погребениях древнетюркского времени (погребения по обряду ингумации VII-IX вв. н.э.), монгольского времени и, наконец, в погребениях тувинцев и южных алтайцев XVII-XIX вв.

Вопрос о культе коня у различных монголоязычных народов был не так давно рассмотрен К. В. Вяткиной, которая обобщила материалы о роли этого культа в генеалогических преданиях, свадебных обрядах, тотемистических представлениях, в шаманском культе (Тайлга) и, наконец, в похоронной обрядности [Вяткина, 1968, с. 117-122]. Помимо ссылок на современных этнографов К. В. Вяткина приводит и известное свидетельство В. Рубрука о похоронном обряде команов-кыпчаков: «Я видел одного недавно умершего, около которого они повесили на высоких жердях 16 шкур лошадей, по четыре с каждой стороны мира» [Рубрук, 1957, с. 102].

Нам, со своей стороны, также приходилось уже отмечать некоторые факты, связанные с погребением лошади или шкуры лошади в древнетюркское время [Грач, 1968б, с. 109-111]. В свете всех имеющихся данных можно полностью солидаризоваться с К. В. Вяткиной, утверждавшей, что вероятнее всего «источником их у предков тюркских и монгольских народов была общая домонгольская и дотюркская стадия общественного развития» [Вяткина, 1968, с. 121]. К этому следует лишь добавить, что роль алды-бельско-майэмирских и саглыньско-пазырыкских всадников в сложении культурных и культовых традиций, связанных с лошады, была на этой «дотюркско-домонгольской стадии» велика.

Рассмотрение погребений скифского времени Тувы позволяет установить бытовавшие в древности общие стандарты комплектов сопроводительного инвентаря, «причитавшегося» той или иной социальной, половой или возрастной категории погребённых. В погребениях среднего социального слоя носителей алды-бельской культуры мужчина снабжался на тот свет кинжалом, ножом, оселком, небольшим набором стрел, гребнем, зеркалом; женщина снабжалась шилом, зеркалом, набором бус-украшений, гребнем. В саглыньских курганах мужчина сопровождался в иной мир кинжалом, чеканом, колчаном со стрелами, походным «несессером» (нож, шило), зеркалом, деревянной посудой, охотничьими амулетами из клыков медведя, кабана, марала, кабарги и некоторых других животных; женщине сопутствовала керамика, при ней были украшения (бусы, раковины каури), амулеты в виде женской фигурки, игла, шилья. Состав сопроводительного инвентаря отдельных погребений, разумеется, имеет варианты, однако основа стандартов повторяется устойчиво.

Обращает на себя внимание совершенно определённая ограниченность комплектов погребального инвентаря у центрально-азиатских племён скифского времени, выражающаяся в следующем.

1. В алды-бельских погребениях совершенно отсутствует керамическая посуда, отмечены лишь находки деревянных сосудов. В саглыньских погребениях, напротив, керамическая посуда, как и деревянная, представлена обильно.

2. Как в алды-бельских, так и в саглыньских погребениях обнаружены наконечники боевых

(74/75)

и охотничьих стрел. Особенно многочисленны находки стрел (в мерзлоте сохранившихся вместе с древками) в курганах саглыньской культуры, — там они положены в головах погребённых в кожаных колчанах, причем, как правило, поперёк по отношению к длинной оси погребённых. В неграбленном кургане пазырыкской культуры (могильник Саглы-Бажи II, курган 1) колчаный набор находился в ногах, но тоже поперёк к длинной оси погребённых. Наряду с этим нет ни одной находки лука. Объяснение, что луки полностью разрушены временем, ни в коей мере не является оправданным: в курганах, камеры которых были скованы мерзлотой, деревянные вещи гораздо меньшей прочности, нежели луки (например, деревянные сосуды и женские головные уборы), сохранились превосходно, а луков там всё же нет.

3. Как уже указывалось, устойчивым компонентом погребального ритуала алды-бельской культуры является помещение в курган предметов сбруи — уздечных наборов. Характерно, впрочем, что в погребениях среднего социального слоя предметы конского убора находились не в погребальных каменных ящиках, а у краёв могильных ям главных погребений. Сопроводительных погребений лошадей в курганах среднего социального слоя не было, в то же время в царском кургане Аржан были открыты многочисленные сопроводительные захоронения коней в сбруе. Для курганов саглыньской культуры в отличие от синхронных саглыньским пазырыкских курганов сопроводительные погребения полных туш коней не характерны, в большинстве случаев нет там и предметов конской сбруи, однако, как уже было сказано, нередко обнаружены черепа и другие кости лошадей.

4. Как и в курганах пазырыкской культуры Горного Алтая, в саглыньских курганах были обнаружены орудия для копки и разрыхления грунта (могильник Саглы-Бажи II, курганы 3, 8). Однако в погребальном инвентаре саглыньцев совершенно отсутствуют орудия для обработки дерева и строительства срубов — те самые бронзовые кельты, следы работы которыми столь отчетливо видны на брусках камер-срубов. Это обстоятельство не случайно: по-видимому, соплеменники погребённых полагали, что эти орудия труда не потребуются умершим людям в загробном мире, ведь подземные дома — обиталища мёртвых — были для них уже сооружены.

Таким образом, многие вещи, сопутствовавшие людям при жизни, не сопровождали их в иной мир, причём «ограничительный регламент» соблюдался весьма чётко.

Как объяснить это явление? Прежде всего, представляется, что «ограничительный регламент» диктовался идеологическими соображениями. Если рассмотреть указанные выше моменты ограничений

инвентаря и сопоставить их с комплектами, наличествующими в погребениях алды-бельской и саглынской культур, то могут возникнуть два объяснения: страх перед покойными или осознаваемое отличие загробного мира от мира реального. Первая версия, как нам думается, отпадает: хотя в погребениях не было луков, колчаные наборы стрел состояли из реальных наконечников по преимуществу боевого применения и порчи этих наконечников не отмечено. К тому же (и это главное) погребенные воины были снабжены боевыми кинжалами, чеканами, а также ножами, и предметы эти опять-таки помещены в погребения целыми, не поломанными и не затупленными. Значит, мотивы страха перед умершими сородичами отступают на задний план. В то же время отсутствие керамики в алды-бельских погребениях и отсутствие конских захоронений или сбруи в курганах саглынских говорят о наличии представлений о том, что эти сосуды, сбруя и верховые кони не потребуются покойным в ином мире, который представлялся качественно отличным от мира живых. [3]

Вся совокупность имеющихся данных свидетельствует о том, что погребения носителей культур скифского времени в Центральной Азии отражают комплекс представлений, получивший в этнографии наименование идеи «живого мертвеца». Идея эта у многих древних и современных народов мира была связана с представлением о продолжении после смерти функционирования умершего человека, однако в ином качестве и в ином мире.

Вопрос о роли чисто анимистических представлений в погребальном ритуале алды-бельцев и саглынцев сложен, а собственно археологические материалы дают по этому поводу мало свидетельств. Одно из них, говорящее, по-видимому, о наличии анимистических пред-

(75/76)

ставлений, — находки несомненно вотивных предметов, моделей, значительно уступающих по размерам предметам реальным. В числе этих предметов можно назвать изредка находимые в саглынских курганах миниатюрные копии боевых кинжалов и чеканов.

Погребальные обычаи саглынцев предусматривали устройство кенотафов; первые подтверждения этому уже есть.

Древнейший в Центральной Азии воинский кенотаф был обнаружен в неграбленной погребальной камере кургана 2 могильника Дужерлиг-Ховузу I (см.: [Грач, 1977б]). В этой усыпальнице покоились останки двух мужчин-воинов с богатым и разнообразным инвентарём, а там, где должен был бы лежать третий воин, находился его «портрет» на маленьком овальном роговом медальоне, предметы вооружения, золотая кокарда с изображением триквестра (знак воинского отличия) и некоторые бытовые предметы и украшения (керамический сосуд, гривна, пуговица, пряжка).

В кургане 8 могильника Саглы-Бажи II в ряду взрослых было 5 погребённых, а с краю ряда, у северо-восточной стенки камеры, было оставлено «незанятым» пространство, которого как раз хватило бы на захоронение ещё одного человека; в «головах» «незанятого» пространства лежали камень-подушка и глиняный сосуд, между брёвнами северо-восточной стенки камеры оказался вставлен бронзовый кинжал-акинак (возле этого места на полу камеры найдена пастовая бусина). Можно полагать, что это — кенотаф.

С. А. Токарев отмечает, что любому похоронному обряду свойственны две тенденции — избавление от покойника и стремление сохранить его вблизи от живущих. Предложенная С. А. Токаревым схема развития форм погребения разработана как бы в двух направлениях и показывает развитие обрядов как следствие двух инстинктов, отраженных в отмеченных выше основных тенденциях, — опрятности и социальной привязанности [Токарев, 1964б, с. 171]. Рассмотрение материалов по погребальным обрядам скифского времени, в том числе по погребальным обрядам алды-бельцев и саглынцев, показывает преимущественное влияние инстинкта и соответственно тенденции социальной привязанности. Это выражается в стремлении сохранить умерших, мумификации, сооружении погребальных курганов, склепов (последнее прямо связано с элементом «хранения в жилой хижине»). Элементы же, связанные обычно с преимущественным стремлением избавиться от умершего (оставление и выбрасывание трупа, пещерное погребение, воздушное погребение, наземное погребение, как и погребение водяное и погребение в ладье), как будто не свойственны древним кочевникам скифского времени (впрочем, такая форма погребения, как расчленение трупов, была зафиксирована в ряде погребений сарагашенского

этапа тагарской культуры на Среднем Енисее [Киселёв, 1951, с. 261]; подобные факты были зафиксированы и автором этой книги при исследовании могильников тагарской культуры Туран I и II).

Исследование погребальных обрядов скифского времени, в том числе изучение скорченных погребений в различных историко-археологических провинциях «скифского» мира, позволяет сделать вывод, что эти обряды являются отражением осознания социальной связи живых и мёртвых. Особенно наглядно представление о такой связи проявилось в сооружении курганов вождей племён. Помимо чисто культового значения эти памятники имели функции пропаганды могущества кочевых «царей», символизировали этническое и соответственно боевое единство людей, соорудивших огромные погребальные комплексы. Именно такие функции нес и царский курган Аржан — место захоронения «царя» алды-бельцев. [4]

Погребениям скифского времени, в том числе алды-бельским и саглыным, свойствен и ряд других черт, которые позволяют говорить о преобладании мотивов социальной связи погребённых с коллективом живых. Погребённые мужчины, как уже указывалось, снабжались реальным боевым оружием без всяких следов его порчи (поломки, затупления и т.д.) — кинжалами-акинаками, ножами, стрелами; алды-бельские цари, захороненные в Уюкской долине, снабжены на тот свет огромным количеством лошадей. О каком же преобладании мотивов страха перед погребённым и представлений о вреде, исходящем от покойных, может идти речь, если в усыпальницах лежат мёртвые люди, тщательно вооружённые их живыми сородичами?

Итак, одна из главных идеологических основ погребального ритуала носителей культур скифского времени в Центральной Азии сводилась к осознанию чёткой сопричастности умерших к коллективам живых людей — сопричастности, для которой смерть вовсе не являлась непреодолимым барьером.

---

[1] Новейшие исследования Стоунхенджа — знаменитого мегалитического памятника, сооружённого в Англии на рубеже каменного и бронзового веков (XX-XVII вв. до н.э.), вполне убедительно показали, что этот гигантский древний храм солнца на открытом воздухе был не только культовым сооружением, но и астрономической обсерваторией, которая позволяла вести календарь и даже предсказывать наступление затмений солнца и луны. Автором исследования Д. Хокинсом были использованы методы археологии, геодезии, астрономии, анализ по С-14 и, наконец, ЭВМ, с помощью которой и было доказано, что Стоунхендж не только памятник культа, но и обсерватория (см.: [Хокинс, Уайт, 1973]). Вероятно, Улуг-Хорум и его аналоги нуждаются в попытке подобного исследования.

[2] В дополнение к цитированным работам см. сводку данных из раскопок Стемповского, Скадовского, Эварницкого, Бобринского, Бранденбурга, Самоквасова, Оссовского и других исследователей, составленную в своё время С. И. Капошиной [Капошина, 1941, с.166-167].

[3] Любопытный пример «ограничительного регламента» дают и погребения гораздо более поздней эпохи истории Центральной Азии — курганные захоронения древнетюркского времени. Письменные источники чётко свидетельствуют, что древнетюркская конница была вооружена саблями и копьями (См.: [Бичурин, 1950, с.229]). В то же время погребения древнетюркского времени, совершенные по обряду ингумации с конём в VII-IX вв. н.э., исследованные в весьма значительном числе в Туве, Монголии, на Алтае, в Минусинской котловине, не дали не одной находки сабли или наконечника копья, хотя там встречено боевое оружие — луки, колчаны со стрелами-свистунками, ножи, причем эти предметы следов порчи не имеют. Что же касается погребений енисейских кыргызов (совершённых по обряду кремации), то там сабли и наконечники копий представлены.

[4] В эпоху более древнюю, чем скифское время, юго-восточные соседи древних племён Центральной Азии — протокитайцы-иньцы — верили в то, что их вожди-ваны после ухода в мир иной становились чуть ли не ещё более могущественными, чем в реальной жизни. Покойный ван,

верили они, получал власть над миром духов и мог оказать существенное воздействие на бытие живых (см.: [Васильев, 1970, с.43-44; Думан, 1970, с.22]).

Глава VIII. К характеристике центральноазиатского региона скифо-сибирского искусства.

Произведения искусства древних кочевников, рассматриваемые в комплексе с данными о погребальном обряде (как уже указывалось в предыдущих главах, об одном из наиболее стойких этнических признаков) и о конструкции погребальных сооружений, наряду с данными об оружии, конском уборе, керамике и других элементах материальной культуры, являются ценным источником как для установления локальных зон, так и для выявления связей между удалёнными друг от друга территориями Великого пояса степей. Наряду с этим произведения скифо-сибирского искусства являются одним из важнейших источников для характеристики историко-культурной общности, которая сложилась в скифское время в степях Евразии и сыграла столь заметную роль в мировом историческом процессе.

В отечественной скифологии неоднократно обращалось внимание на теснейшую взаимосвязь в скифо-сибирском зверином стиле эстетического, социального и культового начал. Это диалектическое единство трёх главных компонентов выявляется по мере изучения всё более и более отчётливо.

В те годы, когда выдающиеся исследователи скифского звериного стиля М. И. Ростовцев, Г. И. Боровка, Б. В. Фармаковский, К. Шефольд, А. Тальгрэн, Э. Герцфельд, Э. Миннз и другие создавали первые концепции о его происхождении и формировании, многие азиатские районы Великого пояса степей, в том числе Тува, оставались белыми пятнами на археологической карте. Последние десятилетия принесли открытия, которые позволяют начать заполнение имеющихся лагун.

В настоящей главе рассматриваются лишь некоторые вопросы исследования прикладного искусства древних кочевников Центральной Азии; более обстоятельную разработку этих вопросов предполагается осуществить в отдельном издании.

При раскопках курганных комплексов алды-бельской и саглынской культур были обнаружены многочисленные произведения прикладного искусства, выполненные в бронзе, роге, золоте и дереве. Многие из них относятся к числу первоклассных образцов скифо-сибирского звериного стиля.

В произведениях искусства скифского времени, найденных в курганах Тувы, отразились основные сюжеты и каноны звериного стиля. Здесь мы видим изображения копытных животных в позе «на цыпочках», характерные для раннескифского времени; изображения животных, свернувшихся в кольцо, — таковы аржанская пантера [Грязнов, Маннай-оол, 1973, с. 200, рис. 4] и горный баран из могильника Дужерлиг-Ховузу I [Грач, 1976, рис. на с. 229]; многочисленные изображения животных с поджатыми ногами, найденные как в алды-бельских, так и в саглынских погребениях; тривестры из орлиных голов; сцены терзания хищниками копытных животных и сцены борьбы зверей. Вместе с тем Центральная Азия и её часть — Тува — явились родиной самобытных вариантов скифо-сибирского звериного стиля. Самобытность эта прослеживается уже в произведениях раннескифского времени, обнаруженных в погребениях алды-бельской культуры.

Найденные в алды-бельских курганах произведения прикладного искусства созданы руками местных, центральноазиатских мастеров и никак не могут быть отнесены к числу импортных. Прежде всего это художественные роговые гребни из могильников Хемчик-Бом III и Чинге II. Анализ их стилистических и композиционных особенностей показывает, что

(77/78)

мастера, создавшие эти вещи, использовали как приёмы, характерные для скифо-сибирского стиля в целом (изображения животных с подогнутыми ногами, с завернутой на спину головой, изображения в позе «на цыпочках»), так и приёмы несомненно своеобразные и для «классических» канонов звериного стиля не характерные. Нельзя не констатировать также, что эти своеобразные стилистические и композиционные приёмы отражают существование детально разработанной и несомненно установившейся «школы» скифо-сибирского искусства — «школы», которая не могла возникнуть на пустом месте.

Ценность этой серии находок тем более велика, что происходят они из неразграбленных комплексов и сопровождаются представительными сериями датирующего инвентаря раннескифского времени.

К произведениям искусства алды-бельского времени, которые трудно связать с хорошо известными нормами скифо-сибирского звериного стиля, относится художественный гребень из могильника Хемчик-Бом III (курган 1, 2, погребение 3), оформленный в виде птицы, напоминающей петуха (рис. 109, 5).

В раннескифское время при создании многофигурных композиций центральноазиатскими мастерами был разработан особый композиционный приём, предусматривающий взаимовписывание контуров фигур изображаемых животных. Рабочее понятие, предложенное нами для обозначения этих композиций, — «загадочная картинка» [Грач, 1972б, с. 29]. Композиции, выполненные в манере «загадочной картинки», были найдены при исследовании памятников алды-бельской культуры в Туве и тасмолинской культуры в Казахстане. Выдающимися примерами художественных произведений, выполненных в этой манере, являются гребень из могильника Хемчик-Бом III (курган 1, 2, погребение 9) (рис. 110, 1) и бляха-застежка из могильника Тасмола V (курган 3, раскопки М. К. Кадырбаева).

Хемчик-бомский роговой гребень представляет собою сложную многофигурную композицию, центральной фигурой которой является копытное животное с телом горного козла и рогами антилопы-дзерена; на спине этого животного лежит фигура горного козла, меньшего по масштабам; грудь и часть передней ноги центральной фигуры вписаны в контур горного козла, поднявшегося на дыбы; в эту фигуру, в свою очередь, вписана расположенная по вертикали фигура копытного животного с подогнутыми ногами и завернутой на спину головой; в композиции можно определить ещё две головы горных козлов, одна из которых вписана в контур головы козла, стоящего на дыбах, а вторая — в круп центральной фигуры.

Центральной фигурой композиции тасмолинской роговой бляхи является фигура животного с телом кабана и стилизованными оленьими рогами; в контуры этой фигуры вписаны изображения голов животных, среди которых можно чётко различить головы горных козлов.

Оба рассматриваемых произведения искусства, безусловно, относятся к синхронным друг другу этапам тасмолинской и алды-бельской культур. Основания для их датировки весьма прочные, так как обнаружены они в комплексах и с датирующим инвентарём.

Тасмолинская бляха-застежка найдена в одиночном погребении. Судя по положению сохранившихся костей, первоначальное положение погребённого — вытянутое на спине, ориентировка — головой на север; здесь же найдено 2 конских и 5 бараньих черепов. Датирующий инвентарь: две пары бронзовых удили со стремечковидным окончанием, бронзовые уздечные пряжки округлой формы с трапециевидным выступом и шпеньками с нанесёнными на них копытовидными знаками, бронзовые семигранные и цветковидные ворворки, бронзовая бляха с центральной кнопкой. Найдено также 11 сбруйных бляшек, инкрустированных золотом [Кадырбаев, 1960, с. 324-325, рис. 19, 6, 20, 3, 4, 21-24, 71-72].

Хемчик-бомский гребень обнаружен в комплексе из двух примыкающих друг к другу алды-бельских курганов, в неграбленном погребении 9 (описание комплекса см. в прил. 1). Инвентарь данного погребения, надёжно датирующий его VII-VI вв. до н.э., таков: зеркало с высоким бортиком и центральной дужкой; шило, имеющее шляпковидное навершие; оселок; золотая серьга с конусовидным окончанием; набор бирюзовых, сердоликовых, пастовых и простых каменных бус; фрагмент деревянного сосуда. К тому же центральное погребение этого комплекса сопровождается двумя полными уздечными наборами, включающими бронзовые удила со стремечковидными окончаниями и у-видными псалиями, нащёчные фигурные и круглые бляхи со шпеньками, имевшими копытовидные знаки, сборные обоймы (в том числе со стилизованными головками хищных птиц), семигранные ворворки.

Говоря о специфических чертах, объединяющих произведения, найденные на столь удалённых друг от друга территориях, следует обратить внимание не только на сходство композиционного приёма, но и на собственно стилистические совпадения в трактовке отдельных фигур. Так, центральные фигуры обеих композиций изображены в позе «на цы-

почках», сходна и трактовка отдельно изображённых голов горных козлов. В то же время нельзя не отметить и важное отличие: на хемчик-бомском гребне многократно изображены и полные фигуры животных, и отдельные головы, на тасмолинской композиции с центральной фигурой комбинируются только отдельно изображённые головы.

К сказанному добавим, что охарактеризованный выше гребень из могильника Хемчик-Бом III не является единственным алды-бельским произведением, выполненным в манере взаимовписывания изображаемых объектов. Из этого же могильника происходит ещё один роговой гребень (рис. 110, 3), найденный в погребении 13. Центральной фигурой на нём является фигура горного козла с подогнутыми ногами, в контуры которой вписаны три изображённые отдельно головы животных.

Одной из характерных черт алды-бельского искусства, как и искусства носителей тасмолинской культуры, является приём совмещения в одной фигуре черт, присущих разным животным. Напомним в связи с этим, что животное с телом горного козла — центральное изображение одного из художественных гребней могильника Хемчик-Бом III — увенчано рогами антилопы-дзерена, а центральное изображение бляхи-застёжки из могильника Тасмола V — фигура кабана — увенчана стилизованными рогами благородного оленя.

В Туве долго не удавалось найти произведения, которые позволили бы говорить о продолжении этой традиции (совмещение в одной фигуре черт разных животных) в саглыинское время. На соседнем с Тувой Горном Алтае этот приём «комбинированного» изображения животных был зафиксирован в искусстве пазырыкской культуры. Помимо известной маски с рогами оленя, надевавшейся на голову коня, из Первого Пазырыкского кургана [Грязнов, 1950, с. 85, рис. 38, табл. XXIII] здесь следует назвать серию из шести ажурных изображений кошачьего хищника с оленьими рогами из Первого Туэктинского кургана [Руденко, 1960, с. 137-138, рис. 87].

Изображения фантастических зверей, совмещающих черты разных животных, были впервые обнаружены в саглыинских древностях Тувы во время полевого сезона 1977 г. Среди инвентаря неграбленного погребения в камере-срубе кургана 1 могильника Мажалык-Ховузу I было найдено бронзовое зеркало с рельефным изображением фантастического животного, выполненного в пазырыкско-саглыинской манере скифо-сибирского звериного стиля. Фигура совмещает черты пяти животных (рис. 113, 1) — голова грифа, тело копытного (круп вывернут вверх), хвост кошачьего хищника, один рог горного козла, другой маралий (из отростков выползают змеи). Эта фигура имеет ближайшие аналогии среди мотивов татуировки вождя из Второго Пазырыкского кургана (изображения таких же фантастических зверей есть на обеих руках и правом плече мумифицированного тела; см.: [Руденко, 1953, с. 181-184]).

Среди находок из могильника Мажалык-Ховузу I имеется ещё одно изображение фантастического зверя. На зеркале из кургана 2 тончайшей резьбой нанесено изображение зверя с туловищем собаки и ногами лошади (ноги подогнуты), терзающего голову горного барана (рис. 113, 2).

Композиции, выполненные в манере «загадочной картинки», обнаружены и среди произведений искусства, относящихся к саглыинской культуре, однако эти композиции включают фигуры, стилистически отличные от алды-бельских. В числе этих произведений — резные композиции на роговых пластинах из могильника Саглы-Бажи II (курган 8), многофигурная композиция из могильника Даган-Тэли I (курганы 1, 3), композиция на роговой обойме из могильника Туран I (курган 93) [Полторацкая, 1966, с. 83, рис. 4, 2].

На парных пластинах из Саглы-Бажи II (рис. 40) центральными фигурами являются изображения лошадей и архаров, к которым добавлены головы антилоп и изображения хищных птиц. Композиция на роговой бляхе из Даган-Тэли I (рис. 62, 1) — многофигурная и гораздо более сложная, здесь представлены изображения семи животных. Наибольшую площадь занимает фигура лошади с подогнутыми ногами, с нею как бы сплетена фигура хищника, вцепившегося в горного козла, под шеей и над шеей лошади — головы козлят, из-под головы горного козла выходит рог дзерена. Внизу композиции — сцена, казалось бы совершенно необычная для скифского звериного стиля — нежно тянутся друг к другу, соприкасаясь губами, антилопа-дзерен и её телёнок.

Многофигурная композиция с изображениями горных оленей, имеющаяся на роговой пряжке из Улангомского могильника [Волков, Новгородова, 1974, с. 535, рис. на с. 536], судя по всему, выполнена без взаимовписывания контуров фигур и свидетельствует об отходе от старой традиции, зародившейся в алды-бельское время.

Если сравнить стилистические особенности «загадочных картинок» алды-бельского и саглынского времени, можно отметить как существенные отличия, так и некоторые общие черты. В алды-бельских резных сценах, как уже указывалось, представлены характерные

(79/80)

для раннескифского времени изображения копытных животных в позе «на цыпочках», причём в позе этой изображались центральные, наиболее крупные фигуры сцен. В саглынское время центральные фигуры изображены с подогнутыми ногами. В саглынских резных изображениях (как и в пазырыкском искусстве) многократно представлена орнаментация тел изображаемых животных, которая отсутствует в искусстве алды-бельцев. Как в алды-бельское, так и в саглынское время в сценах на «загадочных картинах» представлены отдельные головы животных.

Хотя многофигурные композиции создавались в скифское время резчиками по рогу и в европейских пределах пояса степей Евразии, приём взаимовписывания фигур («загадочная картинка») следует признать характерным прежде всего для центральноазиатского искусства этого периода.

Сопоставление центральноазиатских «загадочных картинок» с гравированной роговой пластиной из погребения раннескифского времени, открытого у г. Константиновска-на-Дону в Ростовской области [Княшко, Коренько, 1976, с. 173-174, рис. 3], показывает совпадение не только общескифских стилистических особенностей (изображение копытных животных с подогнутыми ногами), но и такой существенной композиционной черты, как изображение отдельных голов животных. И всё же центральноазиатские «загадочные картинки» и пластина из Константиновска — произведения разного круга, ибо композиционный приём взаимовписывания фигур в гравировке константиновской пластины отсутствует. Столь же отличны от центральноазиатских и многофигурные резные композиции на резных пластинках из Жаботина [Вязьмитина, 1963, с. 158-170, рис. 2-3; Ильинская, 1965б, с. 92, рис. 3-4].

Среди произведений алды-бельского искусства пока лишь в одном случае представлена сцена терзания — на великолепном художественном гребне из могильника Чинге II (курган 21, погребение 1), где изображён кошачий хищник, нападающий на горного барана и вцепившийся ему в челюсть (в круп архара вписано ещё одно изображение копытного, голова которого завернута на спину, а задняя нога совмещена с ногою «большого» архара) [Самбу, 1975, с. 231].

Сцены терзания имеются на бронзовых поясных бляхах саглынского времени, найденных в могильниках Саглы-Бажи II (курган 3), Дужерлиг-Ховузу I (курган 2), Даган-Тэли I (курган 3). Бляхи эти обнаружены в непогребённых погребениях; установлено, что они крепились на поясе ремёнными завязками и носились как одиночно, так и попарно. Каждая такая бляха изображает кошачьего хищника (очевидно, львицу), терзающего голову горного козла. Учитывая датировку комплексов, в которых они были обнаружены (это курганы собственно саглынского и озен-ала-белигского этапов, т. е. V-IV и IV-III вв. до н.э.), можно полагать, что они изготовлялись практически на протяжении всего периода существования саглынской культуры.

Произведения эти имеют аналогию в коллекции И. А. Лопатина, составленной в основном из минусинских бронз [Артамонов, 1973б, с. 109, рис. 149]. М. И. Артамонов интерпретирует эту бляху, совершенно сходную с саглынскими, как изображение тигра с головой барана.

Сцены борьбы зверей представлены среди произведений искусства скифского времени в Туве изображением двух борющихся кошачьих хищников на ручке бронзового зеркала из могильника Саглы-Бажи II (курган 13) и совершенно аналогичными изображениями на двух парных бронзовых поясных бляхах из могильника Дужерлиг-Ховузу I (курган 2, погребение 3 — кенотаф). Между тем традиции изображения борьбы зверей были на территории Тувы весьма устойчивыми — как и в других регионах, они бытовали здесь и в гунно-сарматское время. Об этом ярко свидетельствует находка бронзовой бляхи в погребении улуг-хемской культуры, впущенном в курганный комплекс саглынской культуры на

могильнике Урбюн III (впускное погребение датируется автором раскопок Д. Г. Савиновым II в. до н.э. — I в. н.э.). На урбюнской бляхе изображена борьба крылатого ушастого грифона с кошачьим хищником [Савинов, 1969, с. 104-198, рис. 51].

Изображения борьбы зверей и сцен терзания хищными животными (чаще всего кошачьими хищниками) животных копытных — это мифологическое отражение социальных процессов, характеризующих общество древних кочевников в эпоху разложения первобытнообщинного строя и рождения нового, классового общества. Постоянным явлением в эту эпоху стала война, военная организация пронизала всю структуру общественных отношений, и поэтому прославление борьбы и победы в борьбе, утверждение силы и права на жестокость нашло столь сильное выражение в произведениях скифо-сибирского искусства.

Золотые вещи в погребениях среднего социального слоя носителей саглынской культуры встречаются довольно часто, что было одним из оснований для исключения этих погребений из числа рядовых. Изделия из золота присутствуют и в погребениях алды-бельской культуры, не только в царском кур-

(80/81)

гане Аржан, но и в захоронениях представителей среднего социального слоя.

Из золотых изделий, найденных в алды-бельских погребениях, привлекают внимание характерные серьги с навесками усечённо-конической формы (рис. 110, б); в одном случае (могильник Хемчик-Бом III) у места соединения навески с основой серьги присутствует зерно.

Большая часть золотых изделий, найденных в погребальных камерах-срубках саглынской культуры, — это нашивные бляшки различных форм: листовидные, цветковидные, а также изображающие кошачьих хищников и орлов. Особый интерес представляют бляхи-«кокарды», найденные *in situ*, носившиеся на головных уборах воинов и несомненно связанные с солярным культом: характерными для них являются изображения триквестров из орлиных голов (рис. 39, 3, 4; рис. 68).

Большинство золотых бляшек изготовлено штампом: тонкие золотые листики набивались на шаблоны, которые были скорее всего изготовлены из дерева. Одно из немногих исключений представляет найденная в могильнике Саглы-Бажи II (курган 3) фигурка марала, уверенно вырезанная из золотого листа с претензией на передачу объёмности (рис. 39, 1). Золотом нередко обкладывались бронзовые подвески-«костыльки» и предметы, обычно называемые в литературе булавками, а в действительности являющиеся, вероятнее всего, женскими шпильками.

В погребениях саглынской культуры обнаружены золотые серьги с конусовидными подвесками на длинных цепочках, — они найдены в могильниках Туран IV (курган 126, раскопки С. А. Теплоухова) [Полторацкая, 1966, с. 87, рис. 6, б] и Урбюн III (курган 3, раскопки Д. Г. Савинова). Судя по туранским находкам, эти серьги были женскими украшениями и носились попарно. Подобные серьги с подвесками на длинных цепочках были в ходу у савроматов. К. Ф. Смирнов отмечает, что они были найдены трижды — в Ново-Кумакском могильнике (курган 9), в кургане урочища Лопасина у с. Любимовка и в могильнике Пятимары I (курган 9) [Смирнов, 1964, с. 142-143, рис. 15, 3а, 24, 5, 71, 9].

Наряду с серийными, часто штампованными, изделиями древние ювелиры Центральной Азии создавали скульптурные произведения высочайшего класса. Примером этого является золотой шедевр, представляющий собою первую среди произведений скифо-сибирского искусства объёмную композицию (рис. 117; цветная вклейка). Он был найден во время инструментальной съёмки возле распаханного кургана на территории намеченного нами к раскопкам могильника Тээрге II (Балгазынская зона, полевой сезон 1978 г., поднял предмет инженер-топограф В. А. Богданов).

Скульптурная композиция из золота и полудрагоценных камней (сердолика и бирюзы) изображает охоту на кабана и включает три фигуры: человек мечом-акинаком поражает под сердце дикого кабана, сопротивляющийся кабан вонзил свой правый клык в левую ногу охотника, сзади в кабана вцепилась охотничья собака. Знатный охотник одет в короткий кафтан (края кафтана и рукава обрамлены сердоликовыми вставками); показан обшлаг рукава; на правом боку охотника — лук и колчан. Очень характерно лицо человека — это ярко выраженный европеоид, с длинным носом и большими,

загнутыми вверх усами. В ушах кабана и собаки — сердоликовые вставки, бирюзовые вставки — в глазах человека и обоих животных, сердоликовые и бирюзовые вставки обрамляют подножие композиции. Вся сцена в целом полна необычайной экспрессии.

По целому ряду важных деталей (вставки из полудрагоценных камней, тканевые отпечатки на внутренней полый части скульптуры и некоторые другие моменты) композиция из Балгазына относится к кругу скифо-сибирской золотой коллекции Петра I. В то же время композиция эта совершенно уникальна: подобной ей нет среди сокровищ Особой кладовой Эрмитажа.

Детальный анализ Балгазынской композиции еще впереди, однако уже сейчас напрашивается аналогия с изображениями людей на войлоке из Пятого Пазырыкского кургана, предстоящих перед сидящей на троне Великой богиней [Руденко, 1953, табл. XCV, 1968, рис. 46, 50а, б], — они сходны с балгазынским охотником по иконографии и одеты в очень сходную одежду.

Изображения лица человека до сих пор ни разу не найдены в погребениях алды-бельской культуры, а в саглыньских погребениях они обнаружены трижды и во всех случаях имеют несомненно культовый характер.

Первая находка была сделана в 1961 г. при раскопках могильника Саглы-Бажи II (курган 13) — это антропоморфная подвеска, изображающая женщину в расширяющемся книзу одеянии. По предлагаемой нами интерпретации, это амулет, изображающий Великую богиню — мать всего сущего, божество древневосточного происхождения (подробнее см. об этом в гл. «Верования и погребальный ритуал»).

Вторая находка — обнаруженное в 1975 г. при раскопках могильника Дужерлиг-Хо-

(81/82)

вузу I (курган 2) изображение человеческого лица на роговом медальоне (рис. 69, 2). Как уже отмечалось, это изображение человека, вместо реального погребения которого в семейной усыпальнице сделан кенотаф. Медальон миниатюрен: его высота (и, естественно, высота изображенного лица) составляет всего 2,3 см. Вверху и внизу медальона имеются отверстия, очевидно, он на что-то крепился (скорее всего, это была погребальная кукла). Изображённое в фас человеческое лицо — удлинённое, с высоким носом и чуть раскосыми глазами. Трапезка рта позволяет полагать, что изображён человек, что-то произносящий. Антропологический тип изображенного субъекта вполне совпадает с характеристикой древних саглынцев как европеоидов с заметной примесью монголоидности. Учитывая, что это изображение из кенотафа, а рядом в той же камере-срубе покоятся два воина-саглынца, можно предполагать, что медальон с изображением человеческого лица имеет претензию если не на полную портретность, то, во всяком случае, на передачу типических черт лица воина (в кенотафе — воинский инвентарь и золотая «кокарда» с изображением орлов), тело которого по каким-то причинам оказалось невозможным доставить в родовую усыпальницу (об этом кенотафе см.: [Грач, 1978]).

Третья находка — изображение головы бородатого человека на ручке бронзового зеркала из кургана I могильника Мажалык-Ховузу I (рис. 113, 3). Подобные изображения ранее никогда не были обнаружены на зеркалах Тувы и соседних с нею регионов. Следует, однако, напомнить, что изображения бородатых личин были обнаружены среди деревянных украшений узды из Пятого Пазырыкского кургана [Руденко, 1953, табл. XIII-XIV].

Перечисленные человеческие изображения по сравнению с изображениями животных гораздо более схематичны и условны.

Сравнение с произведениями, происходящими из смежных с Тувой и Северо-Западной Монголией этнокультурных зон и с отдалённых территорий Великого пояса степей, показывает, что искусство саглынцев ближе всего к искусству пазырыкского Алтая. Связи эти настолько явственны, что можно сделать вывод о вхождении саглынского и пазырыкского искусства в одну зону скифо-сибирского звериного стиля.

Как в пазырыкском, так и в саглыньском искусстве весьма специфичными являются изображения животных с вывернутым крупом. Изображения эти во множестве обнаружены в больших Пазырыкских

курганах Алтая: это фигуры копытных животных и фантастических зверей, вытатуированные на теле вождя из Второго кургана; изображения копытных животных на седельных покрышках из Первого и Второго курганов; фигуры копытных животных и волка среди украшений узды из Третьего кургана; изображения зайцев на накладках подхвостных седельных ремней из Третьего кургана; фигуры копытных животных на накладке луки из Пятого кургана [Руденко, 1953, рис. 158-161, 174-175, 181, 185, табл. L, 4, LI, 1, 3, LIV, 9, LX. II, 2, LXXVII, 1, 2, LXXXII, 1, CVI, 1]. Изображения животных с вывернутым крупом встречены и в других комплексах Алтая: во втором Башадарском кургане это изображения горных баранов и лосей на крышке и бортах саркофага-колоды, в первом Туэктинском кургане — фигуры горных баранов на серебряных украшениях ножен кинжала и бронзовых, крытых золотом бляшках и на бронзовой штампованной пластине [Руденко, 1960, рис. 19, 21-22, 24, 72, 102, табл. XXVII, XXIX-XXXI].

Изображения животных с вывернутым крупом, совершенно аналогичные алтайским, обнаружены в курганах как собственно саглынского этапа саглынской культуры — роговая пластинка с изображениями лошадей из могильника Саглы-Бажи II (курган 8), так и озен-ала-белигского этапа этой же культуры — роговая обойма из могильника Даган-Тэли I (курган 1), гравированные на бронзовом зеркале изображения горного барана из Улангомского могильника [Волков, Новгородова, 1975, с. 557, рис. на с. 558], рельефное изображение фантастического зверя из могильника Мажалык-Ховузу I (курган 1).

Исходя из того что на Алтае фигуры с вывернутым крупом столь часто представлены в сценах терзания, можно полагать, что таким образом чаще всего изображали животных поверженных.

Как для Алтая, так и для Тувы пазырыкско-саглынского времени характерна спиралевидная орнаментация тел изображаемых животных. В курганах Большой Пазырыкской пятёрки этот орнамент покрывает фигуры горных баранов и лосей, изображённых на седельных покрышках из Первого и Второго курганов, фигуры горных баранов и фантастических зверей среди татуировки вождя из Второго кургана [Руденко, 1953, рис. 157-161, 174, 181-183, 185]; подобный орнамент можно увидеть и на фигуре сайги из коллекции Спасского и фигурах лосей и фантастических животных из Туэктинских курганов [Руденко, 1960, рис. 138, н, 154, ж, к]. В Туве аналогичный орнамент покрывает изображения лошадей из могильников Саглы-Бажи II, Даган-Тэли I.

Некоторые произведения искусства, выполненные в роге на Алтае и в Туве, совпадают

(82/83)

по всем основным стилистическим параметрам. Это показывает, в частности, сопоставление известной резной фигуры лошади, найденной в кургане 13 могильника Саглы-Бажи II (рис. 41) с фрагментированной фигурой лошади, найденной на Алтае в могильнике у с. Туэкта (вкладка VII, 32). [\[1\]](#) Одинаковой функциональное назначение обоих предметов: они были поясными бляхами. Следует, правда, отметить несомненную разницу в художественном классе этих произведений: алтайское явно уступает саглынскому.

Материалы, полученные при исследовании памятников поздней поры скифского времени — озен-ала-белигского этапа саглынской культуры, и особенно при раскопках могильников Дужерлиг-Ховузу I, Даган-Тэли I, Мажалык-Ховузу I, позволяют решительно отвергнуть универсальность тезиса о «деградации» и вырождении скифо-сибирского искусства в IV-III вв. до н. э. [Черников, 1975, с. 132]. Находки из Центральной Азии наглядно свидетельствуют, что и в конце данного исторического периода скифо-сибирский стиль не утратил своей художественной силы и шедевры продолжали создаваться.

Исключительно сложной и во многом дискуссионной является проблема семантики произведений, выполненных в скифо-сибирском зверином стиле.

Вопрос о возможности отражения в скифском зверином стиле тотемистических представлений находится в поле зрения многих исследователей. Единства мнений по этому вопросу нет: одни полагают, что «можно допускать лишь отдельные и слабые его пережитки» [Хазанов, Шкурко, 1972, с.

53], другие, к числу которых относится и автор этой книги, предполагают гораздо более прочные позиции тотемистических представлений в скифском зверином стиле [Грач, 1972б, с. 30], третьи решительно возражают против «тотемистической теории» содержания скифо-сибирского искусства [Фёдоров-Давыдов, 1975, с. 23].

Вопрос этот тесно связан с проблемой расшифровки сцен нападения хищных животных на травоядных и сцен борьбы зверей — сюжетов, столь характерных для скифо-сибирского искусства и целого ряда произведений собственно древнеиранского и античного искусства.

В специальной литературе получил широкое распространение тезис об исключительном значении магических представлений в семантике скифо-сибирского искусства [Граков, 1971, с. 99-100; Хазанов, Шкурко, 1972, с. 53; Смирнов, 1972, с. 11]. Следует согласиться с тем, что предметам скифо-сибирского искусства действительно придавалось магическое значение: об этом свидетельствуют находки этих предметов в неграбленных усыпальницах, где они всегда найдены в убранстве воинов. Представляется, однако, что между тотемизмом (или комплексами его пережитков) и магией как определёнными системами представлений не существует некоей непреходимой границы. Тотемистические и магические представления в конкретных идеологических ситуациях могут смыкаться. Думается, что такого рода соединение тотемистической первоосновы и магического значения объектов и сюжетов произведений скифо-сибирского искусства лежало в основе семантики этих произведений. Поэтому сюжеты борьбы и терзания зверей не только символизировали силу и жестокость, славу и победу — изображения должны были содействовать силе, беспощадности и победе в борьбе с иноплеменниками.

Итак, сложная семантика скифо-сибирского звериного стиля — это многослойный сплав, отражающий и такие идеологические системы, уходящие своими корнями в глубокую первобытность, как тотемизм и магия, и конкретный социальный фон эпохи разложения первобытнообщинного строя и рождения нового, классового, общества, — эпохи, когда война стала постоянным общественным явлением.

Семантической многоплановости произведений скифо-сибирского звериного стиля соответствуют основные его сюжетные варианты: «спокойные» изображения отдельных животных и многофигурные группы сосуществуют со сценами борьбы зверей и терзания копытных животных хищными и фантастическими животными (ср.: [Раевский, 1977, с. 4-5]).

Чрезвычайно важным является вопрос о возможных влияниях на культуру и искусство Центральной Азии скифского времени и сопредельных территорий Южной Сибири великих цивилизаций древности — китайской и иранской.

Более четверти века тому назад при публикации материалов исследования Первого Пазырыкского кургана М. П. Грязнов отметил «полное отсутствие каких-либо указаний на культурные связи с Китаем, которые так отчётливо прослеживаются по памятникам Алтая,

(83/84)

начиная со II в. до н.э.» [Грязнов, 1950, с. 67]. В то же время М. П. Грязнов подчеркнул наличие прочных связей с древним Ираном — связей, которые так заметны при изучении произведений искусства [Грязнов, 1950, с. 65-66]. Впоследствии М. П. Грязнов счёл возможным констатировать, что «знакомство алтайцев (имеются в виду пазырыкцы. — *А.Г.*) с продукцией китайского художественного ремесла в какой-то мере отразилось на их искусстве», и связать с китайскими художественными образцами изображения феникса на аппликации войлочного полотна шатра [Грязнов, 1958, с. 10].

Вопрос о связях искусства древних пазырыкцев с искусством Передней Азии был обстоятельно исследован С. И. Руденко [Руденко, 1961]. Какие свидетельства дают по этому важному вопросу исследования памятников алды-бельской и саглынской культур Центральной Азии?

Исследование Аржана доставило образцы иранских тканей, превосходящих древностью пазырыкские находки [Грязнов, Маннай-оол, 1973, с. 196-198; Пламеневская, 1975, с. 199-206]. Это является важным свидетельством очень ранних культурных связей с Передней и Средней Азией. Рассмотрение произведений скифо-сибирского звериного стиля из Центральной Азии показывает также, как уже говорилось, самые тесные связи с искусством кочевников Великого пояса степей в целом.

Обращает на себя внимание полное отсутствие в инвентаре алды-бельских и саглыньских погребений каких-либо предметов китайского импорта. Трудно, конечно, предполагать отсутствие любых контактов алды-бельцев и саглыньцев с древним Китаем, хотя нельзя не отметить, что они были отделены от Китая обширным ареалом культуры плиточных могил. Наряду с этим известно, что предметы китайского импорта присутствуют в погребениях носителей более поздней собственно хуннской культуры и в погребениях кокзельского типа, большое число предметов китайского происхождения оказалось и в погребениях древнетюркского времени.

Итак, основное направление культурных связей алды-бельской и саглыньской культур — юго-западное. Культуры эти представляют один из крайне восточных регионов — центральноазиатский регион — древнеиранской ойкумены, полностью сохраняя при этом своё своеобразие.

Кто был автором многочисленных произведений скифо-сибирского искусства — художники-специалисты или представители самых широких кругов населения? По этому поводу были высказаны два основных мнения.

И. Андерсон считал, что были художники-специалисты, создававшие свои произведения при ставках вождей [Andersson, 1932, с. 312]. С. И. Руденко, напротив, полагал, что пазырыкское искусство является творчеством общенародным; хотя в среде авторов произведений искусства имелись и более одаренные люди, они, однако, не занимались специально художественным промыслом [Руденко, 1953, с. 323]. Обе эти точки зрения являются крайними, и ни одна из них не может быть признана полностью справедливой.

Этнография современных тувинцев, до недавнего времени бывших кочевниками, несмотря на огромный хронологический отрыв от скифского времени, даёт возможность для некоторых сопоставлений. Автору этой работы приходилось наблюдать в 1953-1955 гг. и позднее быт народных мастеров в отдаленных районах Тувы — в Монгун-Тайге и Бай-Тайге. Создатели замечательных (ныне всемирно известных) произведений прикладного искусства, выполненных в камне, дереве, бронзе, занимались скотоводством и все до одного были заняты в производственных процессах. Много времени они отдавали наряду с этим и работе над произведениями искусства, хотя сбыт их изделий в ту пору не приносил мастерам сколько-нибудь значительных материальных благ. Однако известность этих людей была обусловлена прежде всего их художественным талантом. Сходным было некогда положение народных умельцев и у других кочевых народов Центральной Азии; нам удалось убедиться в этом, побывав у монголов — халхасцев и дербетов, а также у монгольских казахов.

Достаточно представительный характер наблюдений по современным народам даёт основания для ретроспективного взгляда на роль и положение у древних кочевников мастеров прикладного искусства, которые затрачивали значительное время на создание художественных произведений.

Выводы И. Андерсона, отрицавшего широкую, если так можно выразиться, народную основу пазырыкского искусства, не представляются оправданными. В то же время, и это следует ещё раз подчеркнуть, множество художественных произведений пазырыкско-саглыньского круга, поражающих подлинной ювелирностью работы и несомненным талантом, не могли быть исполнены людьми, не отдававшими этому делу, как основному в своей жизни. Не может быть сомнения и в том, что сюжеты и художественные особенности скифо-сибирского искусства нашли самый широкий отклик у древних кочевников, населявших в скифское время горно-степные пространства Тувы и Монголии, Алтая и Казахстана.

---

[1] Алтайская бляха (её наибольшая длина 11,1 см) была найдена в разграбленном основном погребении каменного, сильно задернованного кургана 1 (диаметр наземного сооружения 15 м, высота 0,5 м, погребение находилось на глубине 1,5 м, в нем найдены также черепки керамического сосуда желтовато-серого цвета). Раскопки вела в 1935 г. А. Т. Кузнецова по поручению Г. П. Сосновского. Автор раскопок необоснованно трактовала изображение как «фигуру спящего оленя с подогнутыми ногами». Бляха хранится в Эрмитаже, колл. 4387/4. Сведения о её происхождении сообщены мне М. П. Завитухиной.

Глава IX. Наскальные изображения.

Изображения оленей, горных козлов и лосей с поджатыми ногами и сопутствующие им фигуры.

Изображения горных козлов и маралов в позе внезапной остановки.

Изображения горного козла в прыжке.

Изображение крылатого животного.

Изображения маралов с древовидными рогами.

Изображения хищников.

Сцена терзания.

Триквестры.

Вопросы расшифровки семантики петроглифов.

Прошло почти столетие с тех пор, как А.В. Адрианов открыл на скалах Тувы древние художественные изображения. Открытия А.В. Адрианова были затем приумножены рядом поколений исследователей [Адрианов, 1886, с. 423-428, табл. IX, 15-23; Минцлов, 1916, с. 13; Каррутерс, 1914, с. 56-58; Granö, 1912; Богатырёв, 1942, с. 102-104; Евтюхова, Киселёв, 1949, с. 189; Грач, 1954, с. 156, 160-166, табл. I-IV; Грач, 1955а, с. 26-31, рис. 7-8; Грач, 1957, с. 385-428, табл. I-XXXII; Грач, 1958а, с. 339-384, табл. I-XIV; Грач, 1969б, с. 54-55; Грач, 1973б, с. 316-333; Грач, 1959, с. 121-124; Грач, 1978; Потапов Р.Л., 1957, с. 429-431; Потапов Р.Л., 1958, с. 385-389; Савинов, 1964, с. 139-145; Савинов, 1967, с. 69-70; Маннай-оол, 1964а, с. 31-33; Маннай-оол, 1964б, с. 34-37; Маннай-оол, 1967, с. 140-146; Маннай-оол, 1970б, с. 23-29; Вайнштейн, 1958, с. 226, 232, табл. I, IV, 138; Вайнштейн, 1974, с. 32-33, 46, 48-54, 78, рис. 23, 33-40; Членова, 1956, с. 45-63; Членова, 1958, с. 203-204; Кызласов, 1958а, с. 202-203; От редакции, 1958, с. 204-205; Дорж, 1962, с. 45-54; Шер, 1972; Шер, 1979]. Петроглифы были открыты не только в Центральной Туве; крупные их скопления были обнаружены в Овьуре, Монгун-Тайге, Бай-Тайге и Кара-Холе.

Исследование петроглифов было одним из главных пунктов программы работ СТЭАН. Петроглифы были найдены и исследованы на скале Улуг-Хая (сектор Е-Х по единой карте археологических памятников зоны водохранилища Саяно-Шушенской ГЭС в Центральной Туве), в урочище Мугур-Саргол (сектор Ж-VII, кв. 1, 2), у места впадения в Енисей р. Чинге (секторы Ж-VII, кв. 2, 3-VII, кв. 16, 17, 21, 22, 23, 24), между устьями рек Беделиг и Чинге (сектор Ж-VII, кв. 5), на скале Бижикиг-Хая (сектор 3-VII, кв. 13), восточнее плато Алды-Бель (сектор Е-II, кв. 22), в отрогах хр. Аргалыкты (сектор Г-12, кв. 23), на горе Пош-Даг (сектор Д-VIII, кв. 19) и в некоторых других пунктах.

Наиболее сложными вопросами исследования наскальных изображений любой исторической эпохи, в том числе и петроглифов скифского времени, являются вопросы определения их хронологии и расшифровка семантики.

Как нам уже приходилось неоднократно отмечать, главным способом датировки наскальных изображений является сопоставление их с надёжно датированными предметами из археологических комплексов [Грач, 1957, с. 402-403; Грач, 1958а, с. 382; Грач, 1979в]. Изучение техники нанесения наскальных изображений — дело весьма важное, однако для определения времени наскальных изображений оно имеет подчинённое значение, так как в различные исторические эпохи технические приёмы зачастую были сходными. В Туве, к примеру, отбойно-выбойная техника характерна для большинства изображений скифского, древнетюркского и монгольского времени.

Для установления относительной хронологии очень важен тщательный учёт редких случаев перекрытия наскальных изображений петроглифами более поздней эпохи.

В изданных нами более 20 лет назад публикациях по петроглифам Тувы было выделено всего два типа изображений, относящихся к скифскому времени [1]. Ныне получены возможности определения новых типов наскальных изображений этого исторического периода.

(85/86)

ИЗОБРАЖЕНИЯ ОЛЕНЕЙ, ГОРНЫХ КОЗЛОВ И ЛОСЕЙ С ПОДЖАТЫМИ НОГАМИ И СОПУТСТВУЮЩИЕ ИМ ФИГУРЫ [^](#)

Среди петроглифов Тувы и Монголии встречено значительное число изображений маралов, горных козлов, а также лосей, выполненных в одном из главных и определяющих канонов скифского звериного стиля — с подогнутыми ногами (рис. 114, 1).

Местонахождения Тувы, на которых встречены изображения этого типа, таковы: в Бай-Тайге — Чуруктуг-Кырлан (здесь же, на других плоскостях, представлены весьма обширные серии более поздних тамгообразных петроглифов типа «Чуруктуг-Кырлан», относящихся к древнетюркскому времени); в Овьуре — пункты Овьур XII (объекты 32, 59) [Грач, 1958а, с. 1, табл. III, 2]; в Барун-Хемчике — пункт Чурук-Малдыг-Хая [Грач, 1957, табл. XIII, XVI]; в Монгун-Тайге — могильная группа Кыскаш, где обнаружен валун с высеченной на нём фигурой оленя [Грач, 1960б, с. 109, рис. 44]. В Монголии такие изображения обнаружены на скалах Ихэ-Алык [Боровка, 1927, с. 81-83, рис. 12, табл. VII, 2, VIII, 2] (здесь одно из изображений животных с подогнутыми ногами перекрыто тамгообразным знаком древнетюркского времени, являющимся идеограммой слова «баш») [2], найдены они и среди петроглифов Южногобийского аймака [Новгородова, 1971, рис. на с. 53].

Изображения оленей и других копытных животных с подогнутыми ногами чрезвычайно широко представлены в пределах ойкумены европейских культур скифского типа — от Венгрии до Одессы; они во множестве найдены и в азиатских пределах Великого пояса степей. Сведения об изображениях животных с подогнутыми ногами в скифском стиле, происхождении этих изображений и их распространении приводятся в ряде работ [Borovka, 1929; Schefold, 1938; Rostovzef, 1922; Ghirshman, 1950a; Ghirshman, 1950b; Ghirshman, 1961; Ghirshman, 1964; Рабинович, 1954; Иессен, 1954; Артамонов, 1966; Артамонов, 1973б; Лесков, 1972; Лесков, 1973; Черников, 1965; Теплоухов, 1927; Грязнов, 1968; Членова, 1962а; Мартынов, 1974].

Большую серию изображений этого типа можно видеть на оленных камнях Тувы, Монголии, Забайкалья [Appelgren-Kivalo, 1931, с. 67, рис. 331а, в; Радлов, 1892, табл. III, 7; Евтюхова, Киселёв, 1949, с. 121, рис. 49; Окладников, 1954, с. 207-220, рис. 1-3; Диков, 1958, с. 43-46, табл. XVIII; Членова, 1962б, с. 27-35; Волков, 1964, с. 59-65, рис. 10; Волков, 1967, с. 69-80, рис. 23, 24, 28, 29; Наваан, 1973, с. 12-13; Вяткина, 1959, с. 94, рис. 6; Сэр-Оджав, 1965, рис. 2, 6, 16; Сэр-Оджав, 1971, с. 12; Маннай-оол, 1968в, с. 139-140, табл. I-II; Маннай-оол, 1970, с. 24-32, рис. 2; Вайнштейн, 1974, рис. 17-32, рис. 19-22; Dorjsuren, Navan, 1967, рис. 56; Грач, 1961, с. 39-40, рис. 68, табл. II, 35 (оленный камень скифского времени, использованный для изготовления изваяния древнетюркского времени)]. Изображение лошади с поджатыми ногами встречено на оленном камне в пределах могильника Саглы-Бажи VI; изображения животных с поджатыми ногами были найдены как в курганах алды-бельской культуры, так и в камерах-срубах саглынской культуры в Туве: фигуры, выполненные в этом каноне, как уже указывалось в гл. VIII, имеются на художественно оформленных гребнях (могильники Хемчик-Бом III и Чинге II), на известных резных роговых пластинах из могильника Саглы-Бажи II, встречаются такие изображения и среди художественных бронз (могильник Казылган).

Пока нельзя с уверенностью отождествлять петроглифы, выполненные в этом каноне, с какой-либо конкретной культурой или узким периодом скифского времени, однако принадлежность их к VIII-III вв. до н. э. сомнений не вызывает.

Наскальным изображениям животных с поджатыми ногами часто сопутствуют петроглифы, изображающие стоящих или идущих животных, явно одновременные фигурам животных с подогнутыми ногами. Синхронность безусловно подтверждается совпадением стилистической трактовки изображений. Так, трактовка шеи, головы и туловища фигуры лосихи с поджатыми ногами, изображенной на скале Чурук-Малдыг-Хая, совершенно аналогична трактовке тех же частей находящейся ниже её фигуры идущего животного, что не оставляет сомнений в синхронности обоих

изображений. На этой же плоскости имеется большая группа фигур, совпадающая по указанным признакам с упомянутыми двумя изображениями (например, изображения марала и маралухи в позе, предшествующей спариванию).

ИЗОБРАЖЕНИЯ ГОРНЫХ КОЗЛОВ И МАРАЛОВ В ПОЗЕ ВНЕЗАПНОЙ ОСТАНОВКИ [^](#)

Среди петроглифов Тувы обнаружены фигуры животных, изображенных в позе, весьма специфичной для искусства скифского времени Евразии: животные показаны как бы затормо-

(86/87)

женными после стремительного бега (рис. 114, 2, 3). Характерной особенностью стилистической трактовки является чуть поднятый вверх круп — вся поза создает впечатление, будто животное остановилось на горном склоне. Изображения этого типа, будучи объединяемы чертами несомненной стилистической общности, делятся тем не менее на ряд вариантов, включая, к примеру, фигуры в полный профиль и фигуры с показом всех четырех ног.

Петроглифы указанного типа встречены в пунктах Овюр II (объекты 1, 6), Овюр IV, IX, XII (объекты 1, 15, 23, 28, 32), Овюр XIV (объекты 7, 10) [Грач, 1958, с. 354-356, 359-361, 364, 368, 370-373, 378-379, табл. XXVI, XXVII, XXXIII, XXXVIII, 1, XLIV, 2, XLVIII, 1, 6, LVII]. Подобные изображения представлены и среди петроглифов Монголии (Убур-Хангайский, Хентейский, Убса-Нурский аймаки, Монгольский Алтай) [Волков, 1967, рис. 33; Монгол нутагдахь ханды бичээс гэрэлт хвшенийн зүйл, 1968, рис. на с. 4]. Они часто встречаются на оленных камнях Монголии, Тувы и Забайкалья [Потанин, 1881, табл. X V; Appelgren-Kivalo, 1931, рис. 331, *a, b*; Окладников, 1954, рис. 3; Диков, 1958, табл. XVI, 9, 13; Членова, 1962, рис. 6, 1, 2; Волков, 1967, рис. 22, 23, 25, 29; Сэр-Оджав, 1965, рис. 2, 6-7; Евтюхова, Киселёв, 1949, рис. 49, 2-2; Маннай-оол, 1970б, рис. 2; Грязнов, Маннай-оол, 1974б, с. 195, рис. на с. 194], представлены они также на рукояти замечательного ножа, приобретённого в своё время С.А. Теплоуховым в Туране (Пий-Хемский район; хранится в Эрмитаже, колл. № 5130-2; см.: [Полторацкая, 1966, рис. 11, 8]) и на известном зеркале из кургана в Майэмирской степи [Грязнов, 1947, с. 10, рис. 4, 10-12]. Такие же изображения найдены в Минусинской котловине [Артамонов, 1973б, рис. 142-146; Киселёв, 1951, табл. XX, 13; Вадецкая, 1975, рис. 6], в Ордосе [Артамонов, 1973б, рис. 164], в Чиликты (здесь в позе внезапной остановки изображены кабаны) [Черников, 1965, рис. 164], в Уйгараке (курган 41) [Вишневская, 1973, табл. XXVIII, 14].

Предметные аналогии дают основания отнести петроглифы, изображающие животных в позе внезапной остановки, к раннескифскому времени и соответственно датировать их эпохой бытования в Центральной Азии алды-бельской культуры. Некоторые из этих изображений, возможно, относятся и к V-III вв. до н. э., так как есть отдельные находки, говорящие о наличии предметных изображений животных в данной позе и в эпоху саглынской культуры [\[3\]](#).

ИЗОБРАЖЕНИЯ ГОРНОГО КОЗЛА В ПРЫЖКЕ [^](#)

В долине р. Хорумнуг-Ой (местонахождение петроглифов Овюр IV) были зафиксированы изображения горного козла в прыжке (рис. 114, 4) [Грач, 1958а, с. 361, табл. XXVI]. Особенно выразительно одно из этих изображений, являющееся совершенной копией украшения, обнаруженного в одном из сакских погребений Памира — на бронзовой бляхе из могильника Тамды (Памирская I, курган 10) [Бернштам, 1952, с. 236, 316, рис. 128-129; Бернштам, 1956, с. 126, рис. 5]. Погребение вначале датировалось автором раскопок А.Н. Бернштамом V-IV вв. до н. э., затем дата погребения была им понижена и определена в пределах VI-IV вв. до н. э. [Бернштам, 1952, с. 324-325; Бернштам, 1956, с. 130; ср.: Медведская, 1972, с. 81, 89].

Изображение горного козла «тамдынского» типа, открытое на р. Хорумнуг-Ой, частично перекрыто более поздним изображением козла, относящимся к древнетюркскому времени (изображение типа Чуруктуг-Кырлан) [\[4\]](#). Это весьма важно для установления относительной хронологии, особенно если учесть, что случаи взаимного перекрытия петроглифов в Туве весьма редки. Однако на местонахождении Хорумнуг-Ой древнетюркскими петроглифами оказались перекрыты еще некоторые более древние изображения — фигуры маралов, исполненные в манере, близкой к реалистической [Грач, 1958а, табл. XXVII, 2].

ИЗОБРАЖЕНИЕ КРЫЛАТОГО ЖИВОТНОГО [^](#)

Среди петроглифов пункта Овюр III (объект 7) обнаружено изображение крылатого копытного животного (возможно, маралухи; рис. 114, 5) [Грач, 1958, с. 356, табл. XIX, 2]. В верхней части скальной плоскости имеется еще одна фигура, по стилю совершенно идентичная первой, однако без крыльев. Трактовка тела обоих животных чрезвычайно близка изображениям на оленных камнях Монголии и Тувы.

(87/88)

ИЗОБРАЖЕНИЯ МАРАЛОВ С ДРЕВОВИДНЫМИ РОГАМИ [^](#)

Среди многих комплексов петроглифов Тувы, Монголии и Алтая зафиксированы своеобразные, но вполне устойчивые по стилю изображения, демонстрирующие маралов с ирреально трактованными рогами, которые показаны в виде древесных стволов с отходящими от них прямыми отростками ветвей (рис. 114, 6, 7). По сравнению со всеми другими изображениями тех комплексов, где встречены эти фигуры животных, они, как правило, наиболее крупные по масштабу. Маралы с древовидными рогами изображались в большинстве случаев с показом четырёх конечностей (претензия к передаче объёмности) либо, реже, в полный профиль.

В Туве изображения маралов с древовидными рогами обнаружены в следующих районах: в Монгун-Тайге (пункт Монгун-Тайга III) [Грач, 1958а, табл. IV, 2], Бай-Тайге (пункт Чуруктут-Кырлан) [Грач, 1957, табл. VIII], Барун-Хемчике (Бижиктиг-Хая) [Грач, 1957, табл. XIII, XVIII, XX], Овьуре (пункты Овьюр III, V, XII, XIV) [Грач, 1958а, табл. XVIII, 1, XX, 2, XXIX, 2, XXXV, XXXVI, XXXVII, 2, XXXVIII, XXXIX, 1, XL, 2, XLV, 1, LXVII, 1, LXI, 7, LXIV], в Улуг-Хемском районе (зона будущего водохранилища Саяно-Шушенской ГЭС — местонахождения Мугур-Саргол, Чинге-Оленья горка, Бижиктиг-Хая; последнее местонахождение находится на правом берегу Енисея в 2 км выше устья Хемчика). Имеются эти изображения и в Монголии [Монгол нутагдах ханды бичээс гэрэлт хешенийн зүйл, 1968, рис. на с. 10; Эрэгдэндагва, 1965, рис. 3].

Определение хронологии этих изображений долгое время не представлялось возможным. Ключ к датировке изображений маралов с древовидными рогами дали интереснейшие находки В.В. Волкова в окрестностях Улангома (Северо-Западная Монголия). При раскопках этого могильника саглынской культуры V-III вв. до н. э. был обнаружен керамический сосуд, на одном боку которого рельефом изображены друг против друга горный козел и марал, а на другом — марал с древовидными рогами [Волков, Новгородова, 1973, с. 499; Цэвэндорж, 1973, с. 27], совершенно аналогичный фигурам, зафиксированным среди наскальных изображений.

Петроглифы, изображающие маралов с древовидными рогами, встречены на территории той же экологической и историко-культурной зоны, что и Улангомский могильник — в пределах Хандагайтинской котловины, являющейся одним из «языков» котловины Больших Озер; как уже указывалось, они зафиксированы среди петроглифов пункта Овьюр XII.

Датировка изображений маралов с древовидными рогами скифским временем оказалась несколько неожиданной — изображения эти слишком далеки от привычных канонов скифского звериного стиля. Принадлежность изображений маралов с древовидными рогами к скифскому времени показывает сложность стилистической структуры искусства древних кочевников Центральной Азии, демонстрирует наличие изобразительных пластов, сосуществующих с изображениями канонического скифского стиля, но глубоко своеобразных.

В заключение характеристики изображений маралов с древовидными рогами необходимо отметить, что петроглифы эти не являются выражением своего рода примитивизма, а составляют достаточно чёткий стилистический канон.

ИЗОБРАЖЕНИЯ ХИЩНИКОВ [^](#)

Среди петроглифов местонахождения Куйлуг-Хем встречено уникальное для Тувы изображение кошачьего хищника. Он показан идущим, фигура тяжелая, на мощных лапах обозначены когти, хвост завершается кольцом (рис. 114, 8).

Это изображение весьма характерно для скифо-сибирского звериного стиля и находит прочные основы для датировки. Изображения кошачьих, выполненные в сходной с куйлуг-хемским петроглифом манере, обнаружены среди курганного инвентаря: это золотые бляхи с изображением идущего кошачьего хищника из расположенного неподалеку от данного местонахождения петроглифов могильника Куйлуг-Хем I (курган 9) [Грач, 1976б, с. 132] и бронзовые фигурки хищников, найденные в кургане 3 могильника Саглы-Бажи II, в кургане 2 могильника Дужерлиг-Ховузу I, в кургане 3 могильника Даган-Тэли I (по этим находкам, обнаруженным в потревоженных погребениях, можно судить о том, что такие бляхи крепились на поясные ремни) и в кургане 14 (погребение 3) могильника Берёзовка I [Полторацкая, 1961, с. 79, рис. 6, 1]. Куйлуг-хемская находка относится к ранней поре бытования саглынской культуры, находка из Саглы-Бажи относится к собственно саглынскому этапу этой же культуры и датируется соответственно V-IV вв. до н. э., находка из Берёзовки относится к бийскому этапу большереченской культуры и в общем синхронна саглынской.

Идущих кошачьих хищников можно видеть и в технике резьбы по дереву; они изображены

(88/89)

на колоде и на крышке этой колоды, найденной во Втором Башадарском кургане на Алтае [Руденко, 1960, табл. XXVI, рис. 21]. Курган этот относится, как известно, к пазырыкской культуре, которая синхронна саглынской культуре Тувы.

Вещественные аналоги позволяют датировать наскальное изображение кошачьего хищника V-IV вв. до н. э.

СЦЕНА ТЕРЗАНИЯ [^](#)

Сцена терзания встречена среди петроглифов Центральной Азии пока всего один раз — в Туве, среди петроглифов местонахождения Овюр III (объект 17). Эта сцена находится в нижней части скальной плоскости — горного козла преследуют две собаки (волки?), одна из них впиалась козлу в загривок, другая вот-вот должна вгрызться ему в заднюю ногу (рис. 114, 10) [Грач, 1958а, с. 358, табл. XXII, 1]. Фигура горного козла выполнена в реалистической манере и стилистически резко отличается от представленных на этой же плоскости изображений типа Чуруктуг-Кырлан, относящихся к древнетюркскому времени. Сюжет же нападения хищника, впившегося в загривок или спину копытного животного, представлен в искусстве Больших курганов Пазырыка (курганы Первый и Второй, украшения седельных покрывал) [Руденко, 1953, с. 273-276, рис. 156-157, 159].

Сцена терзания лошади двумя хищниками (фигуры выполнены в стиле, близком к скифскому звериному) обнаружена на оленем камне в окрестностях г. Мурена (урочище Ушкийн Увер) [Волков, Новгородова, 1971, с. 460-461].

ТРИКВЕСТРЫ [^](#)

Среди наскальных изображений Тувы в небольшом пока числе случаев зафиксированы триквестры — характерные вихреобразные композиции из голов животных и птиц (рис. 114, 9).

Триквестры определены на следующих местонахождениях: в Мугур-Сарголе — изображения триквестров с головками хищных птиц (оба триквестра соединены линией); на правобережье Чинге (Оленья горка) — изображение с сильно стилизованными птичьими головками; в Куйлуг-Хеме — изображения с конскими головками и головками хищных птиц.

Эти триквестры, встреченные среди петроглифов, принадлежат к числу символов, характерных именно для скифского времени. Наиболее важным признаком принадлежности их к этой эпохе является манера оформления окончаний триквестров в виде головок птиц и коней.

Петроглифическим триквестрам соответствует целый ряд надежно датированных предметных аналогий. В азиатском регионе это вихреобразные изображения на сбруйных обоймах алды-бельской культуры в Туве (могильник Хемчик-Бом III, курган 1, 2), на центровых кнопках зеркал саглынской культуры в Туве (могильник Туран IV, курган 120) [Полторацкая, 1966, с. 8, рис. 7, 14] и тагарской культуры на Среднем Енисее [Членова, 1967б, табл. 21, 4, 5], на золотых «кокардах» из могильников Саглы-Бажи II (курган 13) и Дужерлиг-Ховузу I (курган 2) — изображения голов хищных птиц; бронзовый триквестр из Минусинского края [Членова, 1967б, табл. 24, 26]; изображения на железных бляшках, инкрустированных золотом, из Центрального Казахстана (могильник тасмолинской культуры Тасмола V, курган 3) [Кадырбаев, 1966а, с. 426-427, рис. 66, 58, 71, 72]; бронзовый предмет из низовьев Сырдарьи (могильник Уйгарак, курган 83) [Вишневская, 1973, табл. XIX, 5, XXVII, 4]. В пределах Восточной Европы аналогии дают бляхи конской узды из кургана Огуз, из могильника у с. Волковцы (курган 8) [Ильинская, 1965б, с. 211, рис. 4; Ильинская, 1968, табл. XXXV, 9; Артамонов, 1966, рис. 127], из Краснокутского кургана; встречены они и далее на запад, например среди предметов из Врацы, Летницкого и Луковитского кладов в Болгарии [Венедиков, 1966; Венедиков, Павлов, 1963, с. 20; Димитров, 1957, с. 61-62; Фракийское искусство и культура болгарских земель, 1974, с. 128, 129, 134-139, 144, 145, рис. на с. 187, 203, 210].

Вихреобразный символ с четырьмя окончаниями, увенчивающимися конскими головками, зафиксирован на оленем камне, найденном на берегу оз. Айриг-Нур (Завханский аймак МНР) [Волков, 1967, с. 76, рис. 23, 2, 29], а также среди петроглифов Кобдоского аймака [Эрэгдэндагва, 1965, рис. 7].

Триквестры и вихреобразные изображения с четырьмя, а иногда и с большим количеством «отростков», увенчанных головками, справедливо трактуются большинством исследователей как солярные символы, отображающие вращение солнца.

С окончанием скифского времени символы в виде триквестра, как и солярные свастиксообразные знаки, продолжают существовать на разных территориях древнего степного мира, однако утрачивают зооморфные признаки и превращаются в тамгообразные знаки [Соломоник, 1959, рис. VI, VII, VIII, рис. в тексте 43, 95, 96, 107, 117, 130, общая таблица — рис. 168,

(89/90)

187; Драчук, 1975, табл. VIII, 552, 553, 555, 556, 559-563, XVI, 16, 18, 19, 38-41, XVII, 11-13, XIX, 2, 3, XXII, 85-87, XXIII, 42-45, XXVI, 41].

Триквестры, встреченные среди петроглифов, могут быть надежно датированы в пределах скифского времени, однако более детальной хронологизации они пока не поддаются.

ВОПРОСЫ РАСШИФРОВКИ СЕМАНТИКИ ПЕТРОГЛИФОВ [^](#)

Главным исследовательским инструментом при расшифровке семантики петроглифов является комплексный метод, основанный на привлечении данных этнографии, а также фольклора. В частности, исследование семантики петроглифов Тувы, в том числе и петроглифов скифского времени, сопровождалось привлечением этнографических данных по Саяно-Алтайской историко-культурной зоне.

На основании сопоставления этнографических и археологических материалов было констатирувано, что древние петроглифы отражают тотемистические представления.

Пережиточный пласт тотемистических представлений у алтайцев был зафиксирован Л.П. Потаповым, которым были установлены и важнейшие тотемы, бытовавшие некогда на Алтае, — лось, олень, марал, косуля, баран [Потапов, 1935, с. 134-152].

Сопоставление наскальных изображений с тувинскими и алтайскими этнографическими объектами культового и бытового назначения показало их сходство, а в ряде случаев и тождество. Связей с искусством хакасов петроглифы Тувы и Монголии не дают. Изображения горных козлов и маралов, сходные с петроглифами, были выявлены на алтайских деревянных ведерках и музыкальных инструментах, на тувинских кожаных сосудах (көгээржик). Особо важно то, что такие изображения

найжены на культовых предметах — шаманских аксессуарах тувинцев и алтайцев — бубнах и наплечной ленте, добытой у тоджинцев-оленоводов (подробнее см.: [Иванов, 1954, с. 608, 647, 667, 681, 685, 687, рис. 53, 63, 88, 107, 126, 132, 135; Грач, 1957, с. 419-423, рис. 20-22]). Следует, впрочем, оговорить, что наличие тысячелетних традиций не исключает возможности прямого копирования петроглифов и перенесения сюжетов древних изображений на предметы конца XIX-XX в.

Расшифровка семантики наскальных изображений имеет в этнографических материалах ключевой пункт — вопрос о животных, объединяемых термином «буура». А.В. Анохин по поводу этого термина писал: «Под именем буура кумандинские шаманисты понимают мифических коней, на которых шаман ездит в царство Эрлика и других духов» [Потанин, 1915]. Сходным образом на тубаларском и шорском материале трактовал этот термин Г.Н. Потанин [Потанин, 1881, с. 45, 136]. Впоследствии А.В. Анохин отошёл от первоначальной трактовки термина «буура» как обозначения небесных коней. «Пура (буура. — А.Г.), — писал исследователь, — рисуется в виде кочкора (барана) с тремя длинными рогами. На бубне их рисуется всегда три (уч пура). Другой вид пура представляет собой палочку с раздвоениями и горизонтальными отрогами на концах» [Анохин, 1925, с. 61]. Л.П. Потапов, основываясь на материалах собственных сборов, а также на лингвистических данных, констатировал, что буура — это прежде всего обозначение оленя и марала [Потапов, 1935, с. 137-138].

В языках тюркоязычных народов Сибири термин «буура» и близкие ему по звучанию слова употребляются в следующих значениях: у якутов — самец-олень, лось, дикий баран, у тувинцев — самец-лось, у тофаларов — лось, у алтайцев — душа-шкура жертвенной лошади, у кумандинцев — небесные кони. В то же время термин «буура» обозначает верблюда-производителя.

В свете приведенных данных чётко выявляется, что термин «буура» отражает несколько исторических напластований. Древнейший пласт — обозначение дикого рогатого животного, имевшего промысловое значение, затем обозначение оленя, приручённого древними насельниками Саяно-Алтайского нагорья (о происхождении оленеводства в Саяно-Алтайской зоне см.: [Василевич, Левин, 1951, с. 63-87; Кызласов, 1952, с. 39-49]), и наконец, термин «буура» переносится на других домашних животных, среди которых преобладающее положение занимает лошадь [Потапов, 1935, с. 138; Грач, 1957, с. 424]. В связи с этим нельзя не вспомнить заключение Н.Я. Марра, согласно которому слова, обозначающие оленя, стали затем обозначать коня [Марр, 1926], и его же замечание по поводу маски с рогами оленя, надевавшейся на голову коня и обнаруженной при раскопках Первого Пазырыкского кургана [Грязнов, 1950, с. 85, рис. 38, табл. XXIII; Руденко, 1953, табл. XXXI]. Такие маски, по словам Н.Я. Марра, «точно препараты, специально изготовленные для иллюстрации известных языковедных положений» [Марр, 1929, с. 324].

Конские маски из Больших Пазырыкских курганов увенчаны не только оленьими рогами — они увенчивались также цельными головками оленей (два навершия из Пятого кур-

(90/91)

гана), горного барана или козла (сверху петух, из Второго кургана), а также головками фантастических птиц (два навершия из Третьего Пазырыкского кургана) [Руденко, 1953, табл. XXII].

Таким образом, пазырыкские маски скифского времени, как и этнографо-лингвистическое осмысление термина «буура», говорят о «многослойности» и взаимоперекрываемости понятий линии «олень (горный козел, баран) — конь». Эти же животные представлены и среди петроглифов скифского времени.

Этнографические материалы дают неопровержимые свидетельства наличия на Саяно-Алтае пережиточных явлений, связанных с тотемизмом. Тотемизм, как известно, есть совокупность представлений о неразрывной связи родовой группы с каким-либо природным объектом (животные, растения, реке камни, источники и т.д.) и происхождении данной родовой группы от определенного тотема. Ведущим тотемом, реликты представлений о котором этнографически выявлены в Туве, на Саяно-Алтае был олень.

Тувинские шаманы (камы) в обращениях к духам-предкам чаще всего призывали духа, который является маралухой, именовавшейся «бабушкой» [Радлов, 1907, с. 163 — перевод]. У алтайцев среди духов — помощников шамана ведущее место занимает олень-марал, который при этом считается

главным предком шамана, именуясь «хозяином бубна». У алтайцев, теленгитов, тубаларов этот дух изображался в виде рукоятки шаманского бубна. На алтайские шаманские бубны наносились изображения оленя или марала, шкурой этих же животных бубен обтягивался [Потапов, 1935, с. 139]. Итак, тотемистические реликты вплетаются у народов Саяно-Алтая в позднейшую шаманскую идеологию.

Скифское время, к которому относятся рассматриваемые наскальные изображения, было той эпохой, когда родилась полисемантичность термина «буура», объединявшего образы рогатых животных и коня. Но в ещё более древней традиции образ оленя — распространённого тотемного символа сакского мира — наложился на образ коня. Поэтому не следует видеть столь уж непреодолимого противоречия между объединяемыми термином «буура» образами оленя-марала и горного барана и образом небесного коня. Противоречия нет и в позднейшем этнографическом материале: в реликтовых формах здесь отразился тот процесс наслоения идеологических воззрений охотников на идеологию скотоводов-коневодов, столь яркие выражения которого прослеживаются на памятниках, оставленных более двух тысячелетий назад, в скифское время, в эпоху рождения и бурного развития кочевого скотоводства.

Проработка этнографических материалов позволяет предложить расшифровку значения фигур животных, изображённых перевёрнутыми или в вертикальном положении. Этнографические аналогии — рисунки на шаманских бубнах и их семантика — свидетельствуют, что перевёрнутыми изображены убитые животные, а в вертикальном положении — животные раненые.

Наскальные святилища — это прежде всего памятники охотников и скотоводов. Эта главная линия объединяет петроглифы бронзового века и скифского времени.

Среди петроглифов, датируемых эпохой бронзы, обнаруженных в урочищах Мугур-Саргол и Чинге, мы видим изображения человеческих личин — масок с рогатыми уборами. Учитывая, что это накладные маски (почти при каждой из них показана накладная ручка), а также антураж остальных изображений, мы интерпретировали эти петроглифы как изображения маскированных личин жрецов-шаманов [Грач, 1969б, с. 55, рис. 2]. Если использовать классификацию А.Д. Авдеева, маски Мугур-Саргола и Чинге, как и маски, открытые на барун-хемчикской Бижикиг-Хая, могут быть отнесены к индивидуальным ручным маскам [Авдеев, 1957, с. 270]. В скифское время человеческие изображения стали другими: среди петроглифов в значительном числе случаев встречены изображения лучников. Этнографические данные позволяют трактовать фигуры охотников-лучников как изображения жрецов-шаманов, причем лук и стрелы представляются шаманскими аксессуарами. Нельзя в связи с этим не напомнить об имеющейся в этнографической науке гипотезе, согласно которой лук и стрела в древнейшем шаманстве предшествовали бубну [Потапов, 1934, с. 64-76; ср.: Иванов, 1954, с. 624-643].

Охотничьи сцены, изображенные на скалах, можно интерпретировать как ритуальные действия, предшествовавшие реальной охоте. Главный побудительный мотив нанесения петроглифов — стремление обеспечить успех в охоте, которая и в раннем железном веке являлась важным видом добывания средств к существованию.

Космогонические представления, отразившиеся в петроглифическом искусстве, и спустя тысячелетия продолжали составлять прочную традицию, и поэтому, например, символы, обозначающие солнце — вихреобразные изображения, — мы видим на шаманских бубнах алтайцев XIX — начала XX в. [Иванов, 1954, с. 645, рис. 86].

---

[1] [с. 85] В этих работах мною, как и рядом других авторов, употреблялось понятие «скифо-сарматское время» при хронологических рамках в пределах VII в. до н. э. — первых веков нашей эры (см., например: [Грач, 1957, с. 403]). Сейчас сохранение этого понятия не представляется целесообразным, так как по археологическим памятникам четко выявляются две разные исторические эпохи — скифское и гунно-сарматское время. К тому же более детальная датировка петроглифов получила новые обоснования.

[\[2\]](#) [с. 86] О расшифровке и датировании знака, обозначающего «баш», и связанных с ним комплексов см.: [Батманов, Арагачи, Бабушкин, 1962, с. 25-27; Грач, 1968д, с. 207-213; Грач, 1978б, с. 45-48]. Ср.: [Кызласов, 1977а, с. 44-46].

[\[3\]](#) [с. 87] Об этом говорит, например, находка в кургане саглынской культуры (могильник Туран IV, курган 126) бронзовой булавы, покрытой листовым золотом, с навершием, изображающим горного козла [Полторацкая, 1966, с. 86-87, 93, рис. 6-7].

[\[4\]](#) [с. 87] О датировке и семантике древнетюркских изображений горного козла см.: [Боровка, 1927, с. 80-84, рис. 11; Грач, 1955а, с. 26-28, рис. 7; Грач, 1957, с. 408-414, рис. 16; Грач, 1958а, с. 382-383; Грач, 1966е, с. 53; Грач, 1967е, с. 190; Грач, 1973б, с. 316-333 (в этой работе см. литературу вопроса); Савинов, 1964, с. 143-144; Савинов, 1967, с. 69-70]. М.Х. Маннай-оол возражал против датировки этих изображений древнетюркским временем [Маннай-оол, 1967, с. 140-146].

Заключение.

Археологические и историко-этнографические исследования с неопровержимостью показывают, что Тува, как и Центральная Азия в целом, никогда не была обособленной от общеисторических процессов, протекавших на необъятных пространствах Евразии. Так, древние племена Тувы — носители алды-бельской и саглынской культур — находились в орбите динамичных исторических процессов, охвативших Великий пояс степей в скифское время, и внесли свой весомый вклад в сложение общности культур скифского типа, простиравшейся от Монголии и Тувы до Северного Причерноморья и Подунавья.

Именно в скифское время в Туве и на остальных территориях Центральной Азии сложился и созрел тот палеоэкономический комплекс — экстенсивное кочевое скотоводство, — который вплоть до этнографической современности составил господствующий хозяйственно-культурный тип этого региона.

Нельзя не отметить, что общностью законов социально-экономического развития, четко прослеживаемой на археологическом материале, отличалось не только скифское время, но и другие эпохи истории племён Великого пояса степей.

Несомненная взаимосвязанность и взаимообусловленность характеризуют исторические процессы, шедшие на этих территориях в гунно-сарматское время. Выход на историческую арену кочевников гунно-сарматского времени привёл к крушению скифо-сакско-юечжийского мира в целом: на востоке образовалась хуннская держава, на западе сарматы форсировали Дон и заперли скифов в пределах Крыма [Мачинский, 1971, с. 30-53]. В конечном счёте эти процессы привели к так называемому Великому переселению народов, достигшему пределов Западной Европы.

В древнетюркское время кочевники проложили новый степной мост от Центральной Азии до границ Византии, а Китай едва устоял перед их натиском. Сложение древнетюркских каганатов способствовало консолидации мелких этнических групп в более крупные объединения. Древнетюркское время также отличается чётким комплексом признаков, археологически выделяемых с полной определённой на широких территориях [Грач, 1966е, с. 188-193].

Решение теоретических вопросов тесно связано с вопросами методики, в том числе методики полевой. Понятно, что, для того чтобы получить для исследования курганный комплекс, его надо сначала найти и выделить среди тысяч и тысяч объектов разной степени сохранности и разных исторических эпох. Еще Сенека сказал: «Если корабль не знает, в какой порт он держит путь — ни один ветер не будет ему попутным». Потому и раскопки памятников без строго определённой цели приводят лишь к случайной удаче и стабильных результатов никогда не дают. Только целевая археология позволяет получить ответы на поставленные вопросы, как общие, так и частные.

На рубеже 60-х годов мы приступили к осуществлению давнего стремления археологов-сибиреведов — к поискам наиболее информативных неграбленных курганов и разработке методики определения

состояния памятников до раскопок. Многим тогда это показалось задачей, практически неосуществимой: было слишком хорошо известно, что курганы Великого пояса степей подверглись ещё в древности опустошительному «нашествию» разрушителей могил и охотников за курганными сокровищами. Тем не менее поисковая методика, весьма несложная в применении, была отработана, и «кучность попаданий» — открытие многочисленных неграбленных комплексов говорит само за себя.

Автор хотел бы надеяться, что изложенные на страницах этой книги методические принципы поиска и определения до раскопок не разграбленных в древности курганов будут

(92/93)

применены другими исследователями и что это позволит превзойти уже достигнутые результаты. Представляется перспективным и продолжение микробиологических экспериментов во внутрикамерной мерзлоте курганов скифского времени — думается, что расширение этих работ представит интерес для биологов, медиков и исследователей других специальностей.

Автор выражает и надежду на широкое применение отработанной и изложенной на страницах этой книги методики применения вертолётной авиации — мощного подспорья в полевых поисках и исследованиях, важного фактора, обусловившего быстрый прогресс в изучении памятников скифского времени в Туве.

Один из основных выводов общего порядка, к которому мы пришли в итоге многолетних исследований, сводится к тому, что в Туве на протяжении скифского времени имела распространение не одна археологическая культура, а две основные культуры — алды-бельская (VIII-VI вв. до н. э.) и саглынская (V-III вв. до н. э.).

Алды-бельцы появились на территории Тувы в результате победы над этническими объединениями, оставившими памятники монгун-тайгинского типа (вариант МТ-II-a). Об этом свидетельствует целая серия фактов перекрывания лагами алды-бельских курганов монгун-тайгинских погребальных комплексов. Эти факты трактуются нами как символика победы и завоевания территорий.

В алды-бельский период в Туве сложился древнейший из ныне известных центров культуры скифского типа. Историко-археологические характеристики тувинского алды-беля дают возможность заключить, что это было зрелое, яркое и самобытное явление. Развитые формы материальной культуры, идеологии, искусства свидетельствуют о том, что алды-бельская культура имела прочную подоснову и прошла уверенный путь формирования. В то же время на чрезвычайно важный вопрос, от решения которого зависят многие кардинальные вопросы скифской проблемы в целом — каково происхождение этой подосновы? — пока нет ответа. Уже сейчас, однако, приходится констатировать, что корни алды-беля не могут быть найдены в карасукской культуре: формы карасукского инвентаря и искусства не имеют с формами раннескифского времени ничего общего. Вопрос о происхождении алды-бельской культуры — дело будущих углублённых изысканий.

Среди произведений искусства алды-бельцев, которые были обнаружены в курганных комплексах Тувы, имеется ряд художественных шедевров, созданных здесь же, в Центральной Азии. В связи с этим обращает на себя внимание то примечательное обстоятельство, что на западных территориях Великого пояса степей не выявлено массовых памятников искусства местного производства. Многие высокохудожественные, в основном ювелирные, изделия Европейской Скифии происходят из античных, по-видимому, северопричерноморских центров и созданы греческими мастерами. На востоке же, в пределах Тувы, уже комплексы раннескифского времени дают целый ряд несомненно местных высокохудожественных произведений скифского звериного стиля — аржанские бронзы, хемчик-бомские и чингинские образцы резьбы по рогу.

В качестве одного из возможных объяснений такой диспропорции между западными и восточными территориями порой говорится, что на западе местные произведения были сделаны из органических материалов и потому не сохранились. Однако отнюдь не все курганы Тувы, как и не все курганы соседнего Алтая, были скованы мерзлотой, сохранившей органику, — напротив, большинство памятников было найдено в безмерзлотных условиях. К тому же если говорить о роге как об одном из основных материалов для создания резных произведений, то сохранились же среди немногочисленных

изделий западных территорий жаботинские пластины или пластина из Константиновска-на-Дону [Кияшко, Коренько, 1976, с. 173-174, рис. 3]. Дело, значит, не в том, что в горах Алтая и Центральной Азии мёрзлые грунты, а в европейских степях этих грунтов нет. Следует искать более глубокие причины отмеченной диспропорции.

Сопоставление памятников алды-бельской и саглынской культур в Туве свидетельствует о резком перерыве генетического развития в середине I тысячелетия до н. э. и заставляет предположить смену этносов — вытеснение алды-бельцев саглыдцами.

Исследование курганов саглынской культуры, среди которых было открыто много непотревоженных, позволило не только дать характеристику и историческую интерпретацию этой яркой группе комплексов, но и пересмотреть ряд распространённых взглядов на судьбы культур скифского типа в конце исторического периода, и в частности тезис о якобы имевшем место «умирании» скифо-сибирского искусства.

Верхней хронологической границей существования саглынской культуры и, следовательно, концом скифской эпохи в Центральной Азии следует считать время хуннской экспансии, ставшей особенно интенсивной при Модэ-шаньюя, принявшем бразды правления в 209 г. до н. э. Нельзя исключать, однако, тот факт, что первые сильные удары по союзам племён и отдельным племенам — носителям культур скифского типа были нанесены и несколько

(93/94)

раньше — при шаньюе Тумане. В связи с этим напомним сообщения Сыма Цяня об отправке молодого Модэ (тогда еще наследного принца) заложником к юечжам и последовавшее тотчас же нападение на них хунну во главе с Туманем [Бичурин, 1950, с. 46; ср.: Материалы по истории сюнну, 1968, с. 38]. Свидетельством прорыва хунну на территорию Тувы и их господства на этой территории являются хуннские курганы, обнаруженные и исследованные на могильнике Бай-Даг II в районе Шагонара. Движение собственно хунну привело к передвижениям других этнических объединений. К числу этих объединений принадлежат древние насельники Тувы, оставившие памятники улуг-хемской культуры, датируемые последними веками до нашей эры; впускные погребения улуг-хемцев в целом ряде случаев стратиграфически перекрывают погребения саглынской культуры.

Если в степях Причерноморья скифы, стоявшие уже на ступени государственности, были сметены нашествием сарматов, находившихся на стадии разложения первобытнообщинного строя (и эта разница в социальных уровнях, как указывали исследователи, не смогла предотвратить страшного поражения скифов), то в Центральной Азии всё обстояло по-иному. Здесь удар по племенам и союзам племён — носителей культур скифского типа был нанесён племенами, создавшими объединение государственного типа с шаньюем и сословной иерархией во главе. Кроме того, как уже указывалось, смена эта сопровождалась важнейшими технологическими явлениями поистине революционного характера: удар был нанесен объединением, вооруженным железом. Победа хунну была, таким образом, безраздельной победой железа над бронзой.

Глубокие общеисторические изменения и этнические перемены, наступившие с началом гунно-сарматского времени, не могли уничтожить, оставить бесследным тот вклад, который был внесён племенами скифского времени в общую культурную сокровищницу народов Центральной Азии и евразийского пояса степей в целом. Многие из того, что зародилось и развилось в скифское время, в виде глубоких традиций дошло практически до наших дней. Выше уже говорилось о традициях кочевого скотоводства, к этому следует добавить традиции сооружения зимних деревянных жилищ, нельзя не указать и на важные традиции в области идеологии, например на древний образ женского божества скифского времени, живущий затем в образе древнетюркской Умай и дошедший до позднейших времен.

Вырисовываются направления древних культурных связей алды-бельцев и саглынца с очень отдалёнными от центра Азии районами древних цивилизаций. В алды-бельских погребениях обнаружены предметы, привезенные из Индии, — сердоликовые бусы, в том числе бусы с наведенным орнаментом, совершенно сходные с теми импортными бусами, которые были найдены в курганах скифского времени на Памире [Литвинский, 1972, с. 78-82]. В царском кургане Аржан обнаружены

фрагменты переднеазиатских тканей, значительно превосходящие древностью знаменитые пазырыкские [Грязнов, Маннай-оол, 1974а, с. 198; Пламеневская, 1975, с. 199-206].

В погребениях саглынской культуры также обнаружены предметы импорта из далеких стран. В числе этих предметов — раковины каури с берегов Индийского океана и пастовые глазчатые бусы античного происхождения.

Не следует, разумеется, думать, что вещи далекого импортного происхождения попали в руки алды-бельцев и саглынцев путём прямых контактов с теми территориями, откуда они происходят. Предметы эти попали в Центральную Азию путем порою весьма длительного поэтапного обмена, путем «эстафетной передачи» по выражению Б.Б. Пиотровского.

В то же время обращает на себя внимание полное отсутствие в алды-бельских и саглынских погребениях каких-либо предметов китайского импорта, который весьма обильно представлен в погребениях более поздних исторических эпох. Причины этого явления следует видеть не только в том, что носители алды-бельской и саглынской культур не граничили непосредственно с пределами чжоуского Китая. Главной причиной неконтактности были совершенно определённые внутри- и внешнеполитические тенденции развития древнего Китая той поры, проявившиеся в стремлении к отгораживанию Китая от сопредельных степных пространств.

Задолго до сооружения Великой китайской стены, приобретшей законченный вид при императоре Цинь Шихуанди, вдоль границ Китая, в том числе и северных, строились защитные валы. Такие валы сооружались уже в эпоху Чжаньго («Враждующие царства») — в V-III вв. до н. э., т. е. во времена китайской истории, синхронные существованию в Центральной Азии саглынской культуры. Известно, что на рубеже IV-III вв. до н. э. защитные валы сплошь ограждали границы северокитайских царств. С одной стороны, это говорит о том, что правители северокитайских царств уже задолго до выхода на историческую арену хунну были вынуждены считаться с центральноазиатскими кочевниками. С другой стороны, как справедливо отмечают китаеведы и историки Центральной

(94/95)

Азии, эти сооружения должны были стать преградой не только для вторжения кочевников, но и для слияния китайцев со степными «варварскими» племенами [Васильев, 1971, с. 205; ср.: Lattimore, 1962, с. 98-99, 117 и др.].

В искусственном и жёстком отграничении древнего Китая от своих степных соседей — племен скифского типа Центральной Азии, видимо, и следует искать одно из объяснений отсутствия китайского культурного импорта в алды-бельских и саглынских погребениях. Однако не только непроходимые валы отделили центральноазиатских степняков от Китая и устремили линии их культурно-исторических связей в юго-западном и западном направлении. Важные причины этого лежали в исконной принадлежности алды-бельцев и саглынцев к древнеиранской степной ойкумене. Именно поэтому мы и обнаружили столь могучие и явственные следы влияния древнеиранской идеологии, именно поэтому в центре Азиатского материка выявились столь отчётливо черты совпадений с элементами культуры общескифского типа, в том числе с элементами культуры европейских территорий.

Известно, что кочевые общества всегда так или иначе сочетались и контактировали — прямо или через посредство других кочевых обществ — с осёдлыми цивилизациями, которые оказывали огромное воздействие на необозримый мир кочевников. Однако степень этого воздействия на западе и на востоке пояса степей была различной, что и сказалось на социальном развитии кочевников этих регионов.

Могучим катализатором социального развития европейских племен скифского мира явился их прямой контакт с античной цивилизацией, а до того — с цивилизацией стран Древнего Востока. Связи с Боспорским царством, Херсонесом, Ольвией подтолкнули развитие процессов социально-экономической дифференциации в причерноморских степях, концентрации в руках царей и знати огромных масс скота, вещественных богатств (в том числе и предметов роскоши) и в конечном счёте — рождения государства. В культурном отношении контакты с античным миром также имели значительные последствия: античный импорт властно вторгся в быт скифских племён.

На востоке пояса степей — в Центральной Азии (в том числе в Туве), Южной Сибири и Казахстане кочевые общества развивались в несравненно более «чистом виде». Сюда тоже проникало, хотя и опосредствованно, влияние переднеазиатской цивилизации, сюда доходили вещи античного происхождения. Однако на социально-экономическое развитие этих районов решающее влияние оказывали внутренние факторы, а не внешние воздействия. Социальное развитие племён восточных территорий Великого пояса степей привело их к глубоким и далеко зашедшим процессам классообразования, однако к концу скифского времени они так и не достигли уровня государственности — это стало уделом кочевников более поздних исторических эпох.

Историческое осмысление археологических фактов позволило установить некоторые существенные моменты социального устройства древних кочевников Центральной Азии. Археологические данные, полученные при раскопках в Туве, будучи сопоставлены с данными, полученными при исследовании других регионов пояса степей, позволили существенно конкретизировать картину социальной стратификации общества древних кочевников. Выявились не только деление общества на основные социальные категории, но и подразделения внутри категорий, в частности неоднородность высшей — «царской» категории памятников. В Туве, как и в других регионах, были выявлены памятники «среднего слоя» кочевой аристократии. Комплексное рассмотрение археологических и этнографических данных позволяет считать формой семьи древних кочевников Тувы большую неразделённую семью. Документально установленная многоактность погребений в саглыньских семейных усыпальницах, особенности внутренней топографии камер и взаимное положение погребённых привели к выводу об относительно высоком положении женщин в семье и обществе в целом. Археологические данные в сочетании с антропологическими характеристиками позволили определить основные возрастные подразделения общества и предположить наличие обряда инициации. Система возрастных подразделений общества была частью регламентированного процесса воспроизводства совокупного индивида — воспроизводства социальной жизни. Археологические данные широко иллюстрируют развитие войны и военных отношений у древних кочевников — одним из ярких выражений этих процессов явилась стандартизация вооружения.

Какие формы этнических общностей отражали культуры и варианты культур скифского времени в степях Евразии? С какой категорией этнических общностей следует отождествлять алды-бельскую и саглыньскую культуры Тувы, пазырыкскую алтайскую культуру, культуру тасмолинцев Казахстана?

В современной историко-этнографической литературе есть ряд попыток определения понятия «этническая общность». Так, С.А. Токарев формулирует это понятие следующим образом: «Этническая общность есть такая общность людей, которая основана на одном или нескольких из следующих видов социальных связей:

(95/96)

общности происхождения, языка, территории, государственной принадлежности, экономических связей, культурного уклада, религии (если последняя сохраняется)» [Токарев, 1964, с. 44].

Это определение С.А. Токарева было подвергнуто критике В.И. Козловым, который предложил свою дефиницию этнической общности: «Этническая общность — социальный организм, сложившийся на определённой территории из групп людей при условии уже имевшейся или достигнутой ими по мере развития хозяйственных и социально-культурных связей общности языка, общих черт культуры и быта, ряда общих социальных ценностей и традиций, а также значительного смещения резко отличавшихся расовых компонентов. Основными признаками этнической общности являются этническое самосознание и самоназвание, язык, территория, особенности психического склада, культуры и быта, определённая форма социально-территориальной организации или стремление к созданию такой организации» [Козлов, 1967, с. 111].

Теория этноса наиболее обстоятельно была рассмотрена и разработана в труде Ю.В. Бромлея «Этнос и этнография» [Бромлей, 1973; см. также: Бромлей, 1970а; Бромлей, 1970б; Бромлей, 1971]. По Ю.В. Бромлею, «этнос в узком смысле слова в самой общей форме может быть определён как исторически сложившаяся совокупность людей, обладающих общими относительно стабильными особенностями культуры (в том числе языка) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от других таких же образований» [Бромлей, 1973, с. 37]. Ю.В. Бромлей полагает также, что «компоненты этноса. . . могут быть сопряжены в конечном счете с любой сферой человеческой деятельности. Поэтому

оказывается возможным „пересечение” этнографии с любой наукой, занимающейся изучением того или иного аспекта жизни людей» [Бромлей, 1973, с. 214].

Не входя здесь в подробное рассмотрение приведенных определений этнической общности, сформулированных современными советскими этнографами, обратим внимание на то, что наиболее характерными для первобытнообщинного строя, в том числе и для позднейших его периодов, формами общностей являются род, племя, союз племён. В отношении рода Ф. Энгельс справедливо указывал в своё время, что, «встречая у какого-нибудь народа род как основную общественную ячейку, мы должны будем искать у него и племенную организацию» [Маркс и Энгельс, т. 21, с. 97]. В то же время очевидно, что обособленное племя, как форма этнической и социальной организации, в эпоху разложения первобытнообщинного строя перестало удовлетворять потребностям социального уровня эпохи и потому родился новый тип общностей — союз племён. Представляется необходимым добавить к этому, что образование союзов племён стимулировалось регулярными войнами, которые стали непрямым общественным явлением. Именно война продиктовала консолидацию родственных племён как настоятельную жизненную необходимость — консолидация племён стала фактором, от которого зависело физическое существование конкретных этнических общностей.

Сказанное полностью относится к племенам скифского времени в степях Евразии, в том числе к этническим образованиям скифского времени Тувы и сопредельных с нею территорий Центральной Азии и Сибири, а также к сакам Казахстана и Средней Азии. Исходя из этого, мы считаем возможным квалифицировать конкретные историко-археологические общности — алды-бельскую и саглыгскую археологические культуры Тувы и Монголии, культуру плиточных могил Монголии и Забайкалья, пазырыкскую культуру Алтая, тасмолинскую культуру Казахстана, тагарскую культуру Среднего Енисея и более западных территорий — как группы памятников, оставленных людьми, составлявшими союзы родственных племён (см. вкладки III-VI).

Пережитки племенного членения и древних союзов племён сохранялись впоследствии, через два с лишним тысячелетия, у многих тюркоязычных народов Средней Азии, Казахстана, а также Сибири и Центральной Азии. Говоря о позднейших исторических периодах, Т.А. Жданко отмечала: «Родо-племенные структуры были громоздкими и многоступенчатыми. Племена группировались, составляя два крыла („канат”) у киргизов, два „арыса” у каракалпаков, три „жуза” у казахов; каждое из племён дробилось на множество родовых групп и более мелких подразделений» [Жданко, 1973, с. 6].

На страницах этой книги мы неоднократно указывали на то, что археологические памятники центральноазиатско-южносибирско-казахстанской зоны наряду с явными этническими и культурными различиями свидетельствуют о единых по содержанию исторических процессах. Общность этих процессов наглядно отразилась в материальной культуре, в общности экономики, в уровне социального развития и формах семейной структуры, в стиле и семантике произведений искусства. Эта общность и определила силу исторического вклада, составившего наследие племён скифского времени на территории степей Евразии и оказавшего могучее воздействие на историческое развитие последующих эпох.

Библиография.

[...]

Список сокращений. [^](#)

АС	— Археологический съезд
АСГЭ	— «Археологический сборник Государственного Эрмитажа»
АО	— «Археологические открытия»
ВАН	— «Вестник Академии наук СССР»
ВДИ	— «Вестник древней истории»
ВИ	— «Вопросы истории»

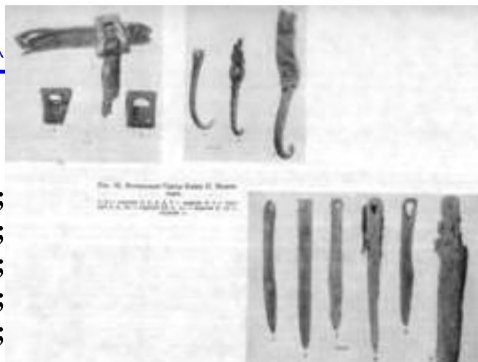
ВЛГУ	— «Вестник Ленинградского Государственного университета»
ВМГУ	— «Вестник Московского Государственного университета»
ВФ	— «Вопросы философии»
ГИМ	— Государственный Исторический музей
ДАН	— «Доклады Академии наук СССР»
ЖМНП	— «Журнал Министерства народного просвещения»
ЗВОРАО	— «Записки Восточного отделения Русского археологического общества»
ЗРГО	— «Записки Русского географического общества»
ИА	— Институт археологии АН СССР
ИАН	— «Известия Академии наук СССР»
ИАК	— «Известия археологической комиссии»
ИВГО	— «Известия Всесоюзного географического общества»
ИВСОРГО	— «Известия Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества»
ИГАИМК	— «Известия Государственной Академии истории материальной культуры»
ИИМК	— Институт истории материальной культуры
КСИА	— «Краткие сообщения Института археологии АН СССР»
КСИИМК	— «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР»
КСИЭ	— «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР»
МАР	— Материалы по археологии России
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
МЭ	— Материалы по этнографии
ПИДО	— Проблемы истории докапиталистических обществ
РАИМК	— Российская Академия истории материальной культуры
РАО	— Русское археологическое общество
СА	— «Советская археология»
СГЭ	— «Сообщения Государственного Эрмитажа»
СМАЭ	— «Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР им. Петра Великого»
СТЭАН	— Саяно-Тувинская экспедиция Института археологии АН СССР
СЭ	— «Советская этнография»
ТГИМ	— «Труды Государственного Исторического музея»
ТИИАЭ	— «Труды Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР»
ТИИ	— «Труды Института истории АН Таджикской ССР»
ТИЭ	— «Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР»
ТКЭАН	— Тувинская комплексная археолого-этнографическая экспедиция Института этнографии АН СССР
ТНИИЯЛИ	— Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
ТОИПК	— «Труды Отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа»
ТТКЭАН	— «Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР»
УЗГАНИИЯЛИ	— «Ученые записки Горно-Алтайского научно-исследовательского института языка, литературы и истории»
УЗЛГУ	— «Ученые записки Ленинградского Государственного университета»
УЗТНИИЯЛИ	— «Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка,

[Иллюстрации. Рис. 1-117, С. 139-255.]

С. 171. [^](#)
Рис. 33. Могильник Саглы-Бажи II.

Инвентарь.

1,	6	—	курган	3;	
2,	3,	5,	7	— курган	8;
4	—		курган	4;	
8,	10	—	курган	13;	
9,	11	—	курган	9;	
12	— курган 1.				

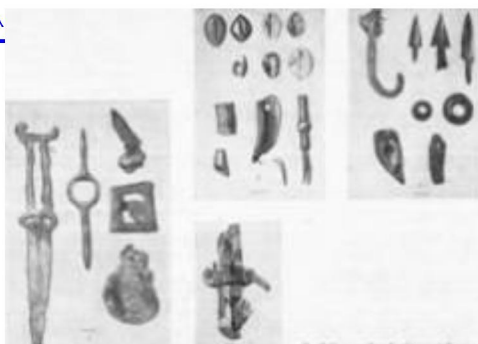
[\(Открыть Рис. 33 в новом окне\)](#)

С. 197. [^](#)
Рис. 59. Могильник Даган-Тэли I,

курган 1.

Инвентарь.

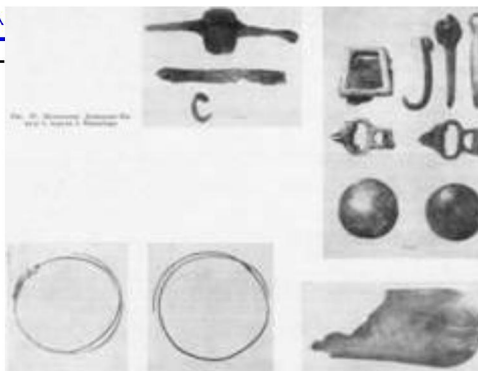
[\(Открыть Рис. 59 в новом окне\)](#)

С. 205. [^](#)
Рис. 67. Могильник Дужерлиг-Ховузу I,

курган 2. Инвентарь.

[\(Открыть Рис. 67 в новом окне\)](#)

С. 255. [^](#)
Рис. 117. Могильник Тээрге III.
Золотая композиция.
Прорисовки видов; развёртка.

[\(Открыть Рис. 117 в новом окне\)](#)

